М. КАРАТЕЕВ.

Железный хромец

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН.

М. КАРАТЕЕВ

ЖЕЛЕЗНЫЙ ХРОМЕЦ

Исторический роман эпохи завоеваний Тимура
(Конец 14 — начало 15 вв.)

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ТАНАИС»

Париж 1967 г.

Обложка работы гр. В. В. Уварова.

Схемы работы В. Н. Николаева

Тираж 1100 экз.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

«ЯРЛЫК ВЕЛИКОГО ХАНА», изд. 1958 г.
Исторический роман из жизни русских удельных княжеств первой половины 14 столетия. — Распродан.

«КАРАЧ-МУРЗА» (Тверь против Москвы), изд. 1962 г.
Исторический роман из эпохи борьбы князя Дмитрия Донского за объединение Руси. — В распоряжении автора имеется весьма ограниченное количество экземпляров.

«БОГАТЫРИ ПРОСНУЛИСЬ», изд. 1963 г.
Исторический роман из эпохи борьбы князя Дмитрия Донского с татарами.

«ПАРАГВАЙСКАЯ НАДЕЖДА». Печаталось в газете «Русский в Аргентине» в 1937-1938 гг.
Эпопея поселения русских колонистов нашего времени в Парагвае.

«РОССИЯ В УРУГВАЕ». Печаталось в той же газете в 1939-1940 гг.
Очерк по истории русских сектантов-колонистов в Уругвае.

«НА РУДНИКАХ БОЛИВИИ». Печаталось в той же газете в 1940 г.
Бытовые очерки.

— О —

Находится в печати:

«ВОЗВРАЩЕНИЕ» — исторический роман из эпохи борьбы Польско-Литовского государства с Тевтонским Орденом.

Готовится к изданию:

«ИЗ НАШЕГО ПРОШЛОГО» — сборник исторических очерков.

Адрес автора:

Dr. M. Karateeff (Михаил Дмитриевич)
Balneario Atlantida
R. O. del Uruguay, S. America

ОТ АВТОРА

Задумав написать историческую эпопею под общим названием «РУСЬ И ОРДА», первоначально я предполагал посвятить этой теме всего две книги. Но в процессе работы мой творческий план претерпел значительные изменения и рамки его расширились.

Это в известной степени дезориентировало моих читателей, тем более что пришлось произвести перемены в названиях некоторых отдельных книг и выпустить их не в том объеме и не под теми заглавиями, под которыми они объявлялись.

Следует внести в это ясность:

Третий роман этой серии — «Богатыри проснулись» — был обещан в двух томах. Первый том вышел под этим названием, но, написав второй, я увидел, что по своей исторической сути он так мало общего имеет с первым, что правильнее будет издать его как отдельный, четвертый роман, под заглавием «Железный Хромец». Таким образом, второго тома романа «Богатыри проснулись» не будет, —его заменяет «Железный Хромец», в котором хронологически продолжается описание событий и жизни тех же главных действующих лиц, но уже в иной обстановке: историческим фоном тут служит не Московская Русь, а Средняя Азия и татарские улусы.

Цельность романа «Богатыри проснулись» от этого не пострадала, т. к. он и в том виде, в котором издан (т. е. в одном томе), обнимает вполне законченный цикл событий.

Пятой и последней книгой будет роман «Возвра-

щение», который уже написан и сдан в издательство, так что на этот раз читателям не придется томиться долгим ожиданием: он пойдет в набор непосредственно вслед за романом «Железный Хромец» и появится в продаже три-четыре месяца спустя.

На этом историческая эпопея «Русь и Орда» будет полностью закончена. Итак, вместо предполагавшихся двух, она включила пять отдельных романов, в следующем хронологическом порядке:

1. «ЯРЛЫК ВЕЛИКОГО ХАНА».
2. «КАРАЧ-МУРЗА» (Тверь против Москвы).
3. «БОГАТЫРИ ПРОСНУЛИСЬ».
4. «ЖЕЛЕЗНЫЙ ХРОМЕЦ».
5. «ВОЗВРАЩЕНИЕ».

По выходе в свет последней из этих книг, будет сделано все от меня зависящее для выпуска второго издания романа «Ярлык великого хана», давно распроданного и ставшего библиографической редкостью.

Уругвай, 1966 г.

СЮЖЕТНАЯ ЛИНИЯ ТРЕХ ПРЕДЫДУЩИХ КНИГ

В 1338 году умер великий князь Пантелеймон Мстиславич, — внук святого Михаила Черниговского и государь независимого в ту пору княжества Карачевского. На княжение в Карачеве вступил его единственный сын и законный наследник, — молодой князь Василий Пантелеевич. Но вскоре против него составили заговор подчиненные ему удельные князья, — его дяди Тит Мстиславич Козельский и Андрей Мстиславич Звенигородский. Посланный ими в Орду княжич Святослав Титович сумел очернить перед золотоордынским ханом Узбеком князя Василия и получить ярлык на княжение в Карачеве для своего отца.

Однако, опасаясь того, что Василий Пантелеевич без борьбы не уйдет из Карачева, заговорщики, прежде чем объявить ему ханскую волю, пригласили его якобы на семейный совет в город Козельск и тут попытались схватить. Но князю Василию удалось вырваться из западни, причем он зарубил насмерть князя Андрея Звенигородского. После этого, спасаясь от гнева хана Узбека, он вынужден был бежать в зауральскую Белую Орду, которая находилась в острой вражде с Золотой Ордой, подвластной хану Узбеку.

Великий хан Белой Орды — Мубарек-ходжа, принял князя Василия хорошо, вскоре женил его на своей племяннице — царевне Фейзуле и дал ему улус в Зауралье. Год спустя от этого брака родился сын, получивший у татар имя Карач-мурзы. Еще несколько месяцев спустя князь Василий погиб от предательской стрелы завистника, а мальчик остался в Орде, у своей

татарской родни. Он рос и воспитывался как татарский царевич, но при нем до четырнадцатилетнего возраста неотлучно находился бывший стремянный его отца — Никита Толбугин, который научил его говорить по-русски и сумел навсегда привить ему любовь и уважение к Руси.

Карач-мурза, вместе со своим двоюродным братом и сверстником — царевичем Тохтамышем, отрочество провел в городе Сыгнаке, при дворе своего деда, великого хана Чимтая. Отличаясь любовью к знаниям, позже он отправился в город Ургенч, — столицу Хорезма и крупнейший культурный центр Средней Азии, — там получил хорошее образование и женился на Наир, — дочери хорезмийского эмира. От этого брака вскоре родились сыновья — погодки, Рустем и Юсуф.

В молодых годах Карач-мурза вступает на службу, в качестве темника[1]), к золотоордынскому хану Азизу-ходже. Три года спустя последний отправляет его послом на Русь, для разбора тяжбы между враждующими князьями Московским и Тверским. Здесь, под влиянием митрополита Алексея, он обращается в верного друга Московского князя Дмитрия Ивановича (впоследствии Донского) и решает дело в его пользу.

Закончив свою миссию в Москве, Карач- мурза, под видом русского боярина, отправляется в отчину своих русских предков — княжество Карачевское, которое в ту пору находилось уже под властью Литвы, а княжил в Карачеве злейший враг его отца — Святослав Титович, женатый на дочери литовского государя Ольгерда.

Случайно оказавшись гостем карачевского помещика Софонова, Карач-мурза задерживается в его усадьбе, и тут расцветает любовь между ним и молодой вдовой Ириной, которую все (и она сама в том числе) считают родной дочерью Софонова. Но ее мать, узнав, кем является в действительности их гость, немедленно

---

[1]) Темник — начальник десятитысячного отряда войска.

отсылает Ирину к родственникам в другой город, а Карач-мурзе, который в это время лежит раненный на охоте лосем, открывает тайну: Ирина — его сестра, незаконная дочь князя Василия Пантелеевича.

Выздоровев, Карач-мурза возвращается в Орду и тут узнает, что хан Азиз-ходжа свергнут с престола и убит своим соперником. У него просит защиты и помощи вдова убитого хана — Тулюбек-ханум. Собрав в своем улусе достаточно войска, год спустя Карач-мурза помогает ей овладеть золотоордынским престолом. В течение трех лет оставаясь при ней первым советником и наиболее влиятельным лицом в Сарае, он успевает оказать важные услуги Московскому князю Дмитрию Ивановичу, затем, потеряв расположение ханши, уезжает в Ургенч, к своей семье. Тут его находит друг детства — царевич Тохтамыш, который в это время готовится, при поддержке Тимура, вступить со своим дядей — Урус ханом — в борьбу за Белоордынский престол. Он уговаривает Карач-мурзу помочь ему в этом, последний соглашается и навсегда связывает свою судьбу с Тохтамышем. Оба отправляются в Самарканд, столицу Тимура, который, желая иметь на Белоордынском престоле своего ставленника, оказывает им широкую помощь и дает войско, необходимое для захвата власти.

После нескольких неудач, Тохтамышу удается овладеть столицей Белой Орды — Сыгнаком и тут провозгласить себя великим ханом. Два года спустя он разгромил и золотоордынского властителя Мамая, который был уже ослаблен поражением в битве с русскими, на Куликовом поле.

Но, сделавшись таким образом единым повелителем обоих татарских государств и сосредоточив в своих руках всю огромную воинскую силу объединенной Орды, Тохтамыш, конечно, не собирался оставаться подручным Тимура: он сам мечтал о власти над всей Средней Азией и потому сразу же начал деятельно готовиться к предстоящей борьбе.

Прежде всего ему нужно было обезопасить свой

тыл и снова привести к покорности Московскую Русь, которая, разбив орду Мамая, вышла из подчинения татарским ханам. На повеление Тохтамыша уплатить дань и явиться в Орду для переговоров, Дмитрий Донской ответил отказом. Тогда, в 1382 году, Тохтамыш с огромным войском выступил в поход и осадил Москву. Она стойко оборонялась, отбивая все приступы, но благодаря предательству Нижегородских князей, татары взяли ее обманом и подвергли страшному разгрому.

Карач-мурза с воцарением Тохтамыша сделался в Орде одним из первых вельмож. Он член ханского дивана, обладатель великолепного дворца в Сарае, к улусу его присоединены новые обширные владения. Но в походе на Москву он не участвует: не желая поднимать оружие против родной страны своего отца, с которой он и сам чувствует свою кровную связь, — он воспользовался возможностью отправиться в это время ханским послом к Тимуру. Но его старший сын Рустем при осаде Москвы был убит.

После победы над Русью, Тохтамыш для мирных переговоров отправляет послом к Дмитрию Донскому Карач-Мурзу. И мир, благодаря его посредничеству, заключен на очень легких для Руси условиях: она должна номинально признать свою зависимость от Орды и платить ей небольшую, почти символическую дань в размере пяти тысяч рублей в год. Тохтамыш со своей стороны обязался прекратить татарские набеги на Русь, не вмешиваться в ее внутренние дела и признать за Дмитрием Донским и его потомками право на наследственную власть над Русской Землей.

Обласканный Дмитрием Донским, Карач-мурза возвращается после этого в Орду, к Тохтамышу, который теперь готовится вступить в открытую борьбу с Тимуром.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ХАНУМ ХАТЕДЖЕ

ГЛАВА 1

«Знай, что меч и перо — это два орудия правителя, помогающие ему в управлении. Но ему больше нужен меч, чем перо, потому что перо лишь слуга, а меч — помощник и друг.»

Ибн-Халдун, арабский философ 14 в.

Удачный поход на Русь не только значительно усилил Тохтамыша, но и укрепил его веру в себя. До тех пор ему приходилось иметь дело с другими татарскими ханами, в столкновении с которыми победа предрешалась не столько преобладанием воинских сил, сколько подкупом, правильностью политического расчета и заинтересованностью ордынских военачальников. Русский же поход показал Тохтамышу, что вся Орда теперь повинуется его единой воле и что в его руках находится сила, достаточная для завоевания господства в Средней Азии. А потому, приведя Московского князя к покорности, он сразу же решился бросить открытый вызов Тимуру: отлично зная, что последний уже считает себя хозяином Хорезма[1]) и рассматривает его властителя, эмира Сулеймана Суфи, как своего вассала, — Тохтамыш, летом 1383 года поставил в Ургенче и в других хорезмийских городах татарские гарнизоны и приказал чеканить там монету с его именем.

Занятый в это время завоеванием Персии, Тимур

[1]) Хорезм — государство в Средней Азии, позже известное под названием Хивинского ханства. В пору монгольских завоеваний входило в состав Золотой Орды.

ничем не ответил на этот выпад. Но он уже давно понял, что на покорность Тохтамыша рассчитывать не может и что между ними неизбежна жестокая и, может быть, длительная борьба. Оба соперника к ней готовились, но осторожный Тимур, прежде чем начать ее, хотел обеспечить свои тылы и прочно закрепиться в Персии и в Азербайджане. Тохтамыш, — уже обеспечивший свой тыл победой над Русью, старался, наоборот, развязать войну, прежде чем Железный Хромец усилится присоединением и ограблением этих стран.

Окрыленный своим легким успехом в Хорезме, он перешел к решительным действиям в Азербайджане, стараясь и тут опередить противника: Тимур к этому времени уже овладел значительной частью Персии и хорошо подготовил почву к захвату Азербайджана. Последний, после распада Хулагидского государства[1]), находился под властью независимого, но чуждого азербайджанцам хана Ахмеда. Это был жестокий и коварный деспот, от тирании которого страдало не только низовое население страны, но и высшая знать, а потому Тимуру без труда удалось найти среди нее деятельных пособников, которые употребили все свое влияние на то, чтобы Тимура, когда он вступит в Азербайджан, встретили здесь не как врага, а как освободителя.

Тохтамышу о том было известно, и он не хотел этого допустить. Кроме того, успехи Тимура в Персии наносили чувствительный ущерб золотоордынской торговле, а потому осенью 1385 года великий хан двинул стотысячную орду на Азербайджан и осадил его столицу Тебриз.

Город отчаянно защищался и в течение восьми дней успешно отбивал все приступы татарского войска. Тогда Тохтамыш пошел на ту же хитрость, которая помогла ему овладеть Москвой: он обещал снять осаду, если Тебриз даст ему откуп в размере двухсот пятидесяти

---

[1]) Государство Хулагидов образовалось в пору монгольских завоеваний и включало Персию, часть Афганистана, Багдадский халифат и Закавказье. В нем правила династия, идущая от хана Хулагу, внука Чингиз-хана от его младшего сына Тулая.

золотых туманов[1]). Сумма была по тем временам огромная, но богатые тебризские купцы все же ее собрали и вручили татарскому хану. Последний, действительно, осаду снял и принялся захватывать и грабить другие азербайджанские города, но вскоре внезапно опять появился под Тебризом и, ворвавшись в город, предал его жесточайшему разграблению.

Осенью следующего года, заслышав о приближении Тимура, Тохтамыш отвел свою орду к Дербенту, возле которого стал на зимовку. Этот поход принес ему громадную добычу: не считая захваченных богатств, скота и имущества, он увел из Азербайджана около двухсот тысяч молодых мужчин, чем лишил Тимура возможности пополнить здесь свое войско.

Однако, зная, что Железный Хромец и без того обладает мощными резервами воинской силы и что война с ним будет чрезвычайно трудной, — Тохтамыш сейчас же отправил посольство с богатыми дарами к египетскому султану, пытаясь склонить его к союзу против Тимура. Султан принял послов великого хана с большой честью и тоже не поскупился на подарки, но ответ дал уклончивый. Он был очень обеспокоен продвижением Тимура в сторону Египта и потому дружбой Тохтамыша пренебрегать не мог. Но пока завоеватель не посягал на его владения, — боялся раздражать и его.

Едва отошла орда Тохтамыша, в Азербайджан вступил Тимур. Войско его, понесшее в Персии значительные потери, нуждалось в пополнениях и в отдыхе. Пополнений он здесь не нашел, — страна была опустошена и безлюдна, — но пастбища Азербайджана были великолепны, а потому он остался тут на зимовку, ожидая подкреплений из Мавераннахра[2]) и ничего пока не предпринимая против Тохтамыша.

---

[1]) Один золотой туман равнялся приблизительно тысяче серебряных рублей того времени.

[2]) Мавераннахр — среднеазиатское государство, включавшее Бухару и Самаркандскую область. При разделе империи Чингиз-хана оно досталось его второму сыну Чагатаю.

Но Тохтамыш весною сам двинулся на Азербайджан. Передовой отряд Тимура, встретившись с татарами возле реки Куры, уклонился от битвы, причем начальник этого отряда заявил, что таково распоряжение Тимура, который помнит свою старую дружбу с великим ханом и все, ныне происходящее, считает только недоразумением и следствием дурных советов, которые хан получает от их общих врагов. Однако Тохтамыш, справедливо заключив из этого, что его противник просто не уверен в своих силах, продолжал двигаться вперед. Тогда Тимур выслал ему навстречу большое войско под начальством своего сына Мираншаха. Произошло сражение, окончившееся вничью. Но Тохтамыш, получивший известие о том, что к Тимуру подходят подкрепления, все же счел благоразумным отойти за Куру и военные действия приостановить.

Тимур, со своей стороны, открыто показывал, что ищет мира. Нескольких приближенных Тохтамыша, захваченных в плен во время сражения, он всячески обласкал и отпустил на свободу, повторяя, что относится к Тохтамышу, как к сыну, хочет ему только добра и объясняет себе его враждебные действия лишь влиянием дурных советников, которых стоило бы общими силами наказать и восстановить дружеские отношения.

Наступил короткий период затишья, в течение которого оба противника спешно крепили свои силы, не доверяя один другому и понимая, что борьба между ними только начинается.

Тимур, воспользовавшись раздорами грузинских князей, без особого труда овладел Грузией. Оставив там сильное войско, которое должно было ударить в тыл Тохтамышу, если последний начнет продвигаться вглубь Азербайджана, и обезопасив себя с этой стороны, сам он возвратился к завоеванию Персии. Но Тохтамыш, учитывая это положение, тоже переменил план действий: он сумел подбить на восстание некоторых подвластных Тимуру эмиров Средней Азии и отправил им на помощь большое войско под начальством царевича Ак-ходжи. Другой татарский отряд, в соединении

со всеми силами эмира Сулеймана Суфи, одновременно выступил из Хорезма.

Осенью 1387 года оба эти войска неожиданно вторглись с двух сторон в Мавераннахр, — самое сердце владений Тимура. Находившийся там сын его, Омар-шейх, со всеми наличными силами выступил против татар, но был разбит и заперся в Самарканде. Ордынцы растеклись по всей стране, осадили Сауран и Бухару, захватили Ташкент, Гузар, Карш и многие другие города, постепенно стягивая кольцо вокруг Самарканда. Узнав об этом, Тимур понял, что теперь на карте стоит его судьба. Он покинул Персию и со всем войском спешно двинулся на выручку своей столицы.

Но Тохтамыш еще не надеялся победить Тимура в открытом единоборстве и потому не стал его ожидать. Мавераннахр был уже им основательно ограблен, а удержать за собой эту страну он и не рассчитывал. Кроме того, как раз в это время среди его собственных военачальников был раскрыт обширный заговор, имевший целью свержение Тохтамыша, на место которого заговорщики хотели посадить царевича Кутлук-Тимура[1]). С первых же шагов расследования выяснилось, что дело зашло очень далеко, и Тохтамыш, не доверяя больше своему войску, поспешил вывести его из Мавераннахра.

Всю силу своего мщения Железный Хромец обрушил на пособника Тохтамыша, эмира Сулеймана Суфи: наводнив своими войсками Хорезм, он предал его небывалому опустошению. Когда был взят Ургенч, Тимур повелел половину его двухсоттысячного населения перебить, остальных выселить в Мавераннахр, самый город стереть с лица земли, а место, на котором он стоял, — вспахать и засеять ячменем. Этот страшный приказ в меру возможности был выполнен. Полностью сделать этого не удалось, — мешали груды развалин огромного города и его исполинских стен. Но, так или ина-

---

[1]) Кутлук-Тимур был внуком Урус-хана и сыном белоордынского хана Тимур-Мелика, свергнутого Тохтамышем.

че, великолепная столица хорезмшахов и один из величайших культурных центров Азии перестал существовать, и только три года спустя Тимур разрешил отстроить там один квартал. Сулейман Суфи успел бежать к Тохтамышу и до конца жизни оставался в его войске темником.

Тохтамыш, между тем, приводил свою орду в порядок и расправлялся с военачальниками, заподозренными в измене. Душою заговора оказался эмир Идику[1]) — ближайший советник и зять великого хана, пользовавшийся его неограниченным доверием.

Трудно понять, что именно побудило Идику, столь высоко вознесенного Тохтамышем, стать на путь измены. От воцарения Кутлук-Тимура он не так уж много выгадывал, а сам, не будучи чингизидом, права на престол не имел. И потому многие историки склонны все это объяснять его желанием отомстить за своего отца, эмира Балтыкчи, когда-то казненного Тохтамышем за приверженность к его противнику, хану Тимур-Мелику.

Однако в правильности такого объяснения позволительно усомниться: если это и играло какую-нибудь роль, то далеко не главную, ибо ради захвата власти и возвышения, татарские князья и ханы в ту пору и сами редко останавливались перед убийством своих отцов. И едва ли такой прожженный интриган и честолюбец, каким история рисует нам Эдигея, во имя сыновних чувств поставил бы на карту все свое жизненное благополучие.

Тут скорее можно предположить, что в основе всего лежала какая-то любовная история, ставившая под угрозу жизнь Эдигея, который путем свержения Тохтамыша хотел себя обезопасить. В пользу такой догадки говорит то обстоятельство, что когда заговор был раскрыт, а Кутлук-Тимур и Эдигей бежали к Тимуру, — Тохтамыш почему-то приказал казнить свою главную жену, хатунь Тавлин-беки, от которой имел шесте-

[1]) Русские летописи называют его Эдигеем.

рых детей. Были казнены также многие военачальники и вельможи, уличенные или заподозренные в причастности к этому делу. Некоторые другие, опасаясь такой же участи, бежали, вслед за Эдигеем, к Тимуру или к Московскому князю[1]).

Когда все это успокоилось, Тохтамыш, желая отомстить Тимуру за разорение Хорезма и за покровительство, оказанное его врагам, — по словам восточной летописи, «собрал со всего своего улуса войско из татар и подвластных народов, булгар, кипчаков, русских[2]), башкиров, мордвы, фрягов, аланов и других, и было у него воинов больше, чем листьев на деревьях большого леса или водяных капель во время дождя.» Со всей этой ордой, осенью 1388 года Тохтамыш снова вторгся в пределы Мавераннахра, взял крепость Яссы и некоторые другие города, а затем, опустошая все на своем пути, двинулся к Самарканду.

Тимур не располагал достаточными силами, чтобы сразу отразить это грозное нашествие. Он вызвал к себе подкрепления из всех подвластных ему областей Средней Азии, а сам приготовился отсиживаться в своей столице.

Но начавшаяся рано зима, с сильными холодами и снегопадом, задержала Тохтамыша и поставила его войско в очень тяжелое положение: за скудностью пастбищ пришлось разделить его на несколько отдельных частей, жертвуя военными преимуществами ради спасения конского поголовья.

Железный Хромец не замедлил этим воспользоваться: получив некоторые подкрепления, он заслал в тыл Тохтамышу сильный отряд под начальством царевича Кутлук-Тимура. Последнему удалось напасть на

---

[1]) Из этих татарских вельмож нам известны: Аслан-мурза, родоначальник Ртищевых, Ждановых, Сомовых и Павловых; князь Исахар — родоначальник Загряжских; Бахты-ходжа, родон. Лихаревых; Магмет-ходжа, Кидыр-бек и др.

[2]) Известно, что в этом походе принимали участие Нижегородские князья Василий и Семен Дмитриевичи, со своими ополчениями.

татар врасплох и нанести им большой урон, вследствие чего хан предпочел отвести свое войско за Сыр-Дарью. Весною, собрав значительные силы, Тимур нанес Тохтамышу новое поражение, но добить его не успел, так как вспыхнувшие в его тылах восстания заставили его прекратить преследованье отступавшей орды.

Таким образом, этот поход окончился для Тохтамыша полной неудачей: он не отвоевал Хорезма, лишился выгодных позиций в Средней Азии и потерял свой собственный город Сыгнак — столицу Белой Орды, захваченную Тимуром. Войско его было измучено и пало духом, нужно было время, чтобы его пополнить и привести в порядок. Но побежденным Тохтамыш себя не считал и исподволь стал готовиться к новому походу.

Однако на этот раз Тимур не стал ожидать его нападения, а быстро расправившись с непокорными эмирами, сам решил идти в земли врага. К этому его усиленно побуждал Эдигей, который выдал все военные тайны и уязвимые места Тохтамыша и уверял, что победа будет легка, так как татарского хана покинули все его лучшие военачальники, а войско охвачено недовольством и не будет хорошо сражаться.

Став на зимовку в окрестностях Ташкента, где были отличные пастбища, Железный Хромец принялся отовсюду стягивать сюда войска, намереваясь весною 1391 года выступить с ними в поход.

Тохтамыш не был готов к отпору, а потому, узнав о сборах Тимура, решил сделать попытку его умилостивить и склонить к миру. Он отправил к нему посла с письмом, в котором писал, что впредь обещает великому эмиру полное повиновение и просит простить сделанные ошибки, виня в них дурных советников и прежде всего Эдигея, «который и тебя сейчас подстрекает против меня».

Вместе с письмом великий хан посылал Тимуру девять великолепных коней, редчайшего по своим качествам сокола и другие богатые дары, а также возвращал ему всех пленных, захваченных при последнем на-

падении на Мавераннахр и в том числе племянницу Тимура, ханум Хатедже, вдову эмира Фарука, бывшего хакимом[1]) в Яссах и убитого при защите этого города от татар.

Возглавлять это посольство было поручено Карачмурзе.

---

[1]) Хаким — правитель области, губернатор.

ГЛАВА 2

«Если твой враг судья, то тебе и Аллах не поможет.»

Татарская пословица.

О том, что Железный Хромец готовится в поход и собирает войско возле Ташкента, Тохтамыш узнал через своих лазутчиков в конце лета 1390 года. Было совершенно очевидно, что к осени Тимур готов не будет, а выступит ранней весной, чтобы миновать засушливые пустыни юга, пока летнее солнце не выжжет в них всю траву.

Таким образом, времени было достаточно, и Карач-мурза тронулся из Сарая-Берке во второй половине сентября, рассчитывая за три месяца покрыть четыреста фарсахов[1]) лежащего перед ним пути и к началу поздней южной зимы быть в ставке Тимура. Двигаться быстрее он не мог: помимо его свиты, состоявшей из нескольких татарских князей, с изрядным количеством слуг, и шестисот нукеров[2]) сопровождения, с ним шли три с половиной тысячи пленников и большой обоз с имуществом людей, припасами и кибитками.

Отряд выступил по берегу Волги, дорогою идущей на Хаджи-Тархань[3]), но на пятый день пути свернул влево и растянувшейся на целый фарсах темной змеей пополз по бескрайней низине к берегам Джаика.[4]) Змея

---

[1]) Фарса́х — среднеазиатская мера длины, примерно семь верст.

[2]) Нукер — дружинник.

[3]) Хаджи-Тархань — позднейшая Астрахань.

[4])Джаик — татарское название реки Урала.

извивалась и часто меняла направление: среди необозримых россыпей песка и отложений бесплодной глины, нужно было придерживаться полосы причудливо разбросанных оазисов жизни, где имелись сносные пастбища и питьевая вода.

Карач-мурза хорошо знал этот путь. — Сколько уже раз им езжено, — думал он, дремотно покачиваясь в седле впереди отряда, — и сколько еще доведется проехать? Мудрость Востока говорит, что к сорока годам силы и ум человека достигают своего предела. Значит, уже почти девять лет он живет, теряя каждый день какую-то крупицу из сокровищницы ума и жизненной силы. Надолго ли хватит того, что было накоплено за первые сорок лет жизни? И насколько быстры ноги коня настигающей старости? Нет, ум его еще не на ущербе, и мышцы крепки по-прежнему. Но дух его наверное стареет... Раньше он был жаден к жизни и горяч, — он всегда устремлялся вперед, к неизвестному и новому, и тело ему послушно повиновалось. А теперь он больше любит покой, он будто прирос к телу и говорит ему: ну, неси меня само, куда хочешь, если ты такое непоседливое и если думаешь, что впереди есть что-нибудь новое и интересное...

Вечерами, выбрав подходящее место для ночлега, растянувшаяся по степи змея сворачивалась в клубок. Ее обмякшее, потерявшее упругость тело рассыпалось на отдельные звенья, обращаясь в разбитые на траве шатры, в полукругом поставленные повозки, в кучки сгрудившихся у костров людей и в россыпь стреноженных коней, разбредающихся по пастбищу.

Все становилось обычным: по тысячелетиями заведенному укладу текла кочевая жизнь, — не все ли равно в каком уголке степи сидеть у костра с поджатыми под себя ногами, пережевывая лепешку с хурутом[1]), потягивая кумыс и ведя неторопливые разговоры? Пахло полынью и дымом, день догорал, — и было приятно, что догорает он медленно, уважая часы безделья усталых

---

[1]) Хурут — овечий сыр, брынза.

людей, — степь исподволь наливалась сумраком ночи и все громче звенела цикадами. И когда к черным вершинам неба начинала приближаться Колесница Вечности[1]), внизу смолкали голоса правоверных, гасли последние костры и стойбище погружалось в сон. А утром возникший здесь кочевой городок быстро сворачивался и исчезал в пустынном мареве, чтобы к вечеру возродиться на пять или шесть фарсахов дальше.

На девятнадцатый день пути отряд подошел к городу Сараил-Джадиду[2]), где существовал наплавной мост, по которому предстояло переправиться на левый берег Джаика.

Город был довольно велик и благоустроен. В нем было несколько красивых мечетей с минаретами, отделанными цветными камнями и мозаикой, два или три обширных караван-сарая, обнесенных гранитными стенами, мраморный, — с желтыми прожилками, — дворец, выстроенный здесь Ильбани-ханом, и много больших каменных домов, украшенных узорчатой керамикой. По сравнению с другими татарскими городами, в строительстве Сараил-Джадида поражало обилие мрамора и гранита, — голубого и белого с черной крапью. Эти камни добывались поблизости, — выше по течению реки, — и почти без затрат доставлялись водным путем прямо к месту стройки.

Впрочем, Карач-мурзу достопримечательности Сараил-Джадида мало интересовали, — он бывал здесь уже не раз. Гораздо больше его занимало состояние моста, который часто страдал от наводнений, ветров и плывших по реке древесных стволов, а потому далеко не всегда находился в исправности. Но, подъехав к берегу, Карач-мурза убедился, что все в порядке: мост чуть приметно колыхался на сонной воде, и несколько мальчишек удили с него рыбу.

---

[1]) Колесница Вечности — татарское название созвездия Большой Медведицы.

[2]) Сараил-Джадид, по русским летописям Сарайчик, татарский город, стоявший на берегу Урала, на 60 верст выше нынешнего Гурьева.

Джаик имел тут в ширину не меньше ста двадцати сажень. От одного берега к другому, на небольшом расстоянии друг от друга, тянулся ряд закрепленных якорями плоскодонных барок, которые служили опорой бревенчатому настилу моста[1]). При большой нагрузке мост ходил ходуном и прогибался, но все же пропускал целые караваны. Только ради этого они шли через Сараил-Джадид, что весьма способствовало торговле и процветанию города.

Еще до захода солнца переправившись на левый берег, где трава была лучше, посольский отряд расположился станом на зеленом, чуть покатом лугу. Карач-мурза решил дать здесь двухдневный отдых лошадям, а заодно пополнить на рынке Сараил-Джадида запасы всего необходимого, ибо теперь, на протяжении двухсот фарсахов, — до самого Ургенча, — на их пути могли встретиться лишь редкие степные кочевья. Да и от Ургенча, если верить тому, что говорят, теперь не осталось даже стен... Карач-мурза еще не видел его после разрушения Тимуром, но он просто не мог себе представить, что на месте этого огромного, тысячеликого города, — с которым так тесно были связаны лучшие годы его жизни, — сейчас только степной ветер шевелит колосья ячменя. Нет, наверно все эти слухи преувеличивают действительность, и крепкое сердце столицы хорезмшахов еще не перестало биться.

На следующий день утром Карач-мурза, в сопровождении нескольких лиц своей свиты и десятка нукеров, выехал в город. Тут все было как обычно и только на рыночной площади, у высокой стены караван-сарая, он обратил внимание на толпу людей, обступившую что-то, чего ему издали не было видно.

Полагая, что народ привлечен каким-нибудь интересным зрелищем или ученым спором между предста-

---

[1]) Этот мост видел и описал арабский путешественник 14 века Ибн Батута.

вителями двух различных вероучений[1]), он подъехал ближе, но с удивлением увидел совсем другое: к врытому у стены столбу была привязана женщина. По ее стройной фигуре было видно, что она еще молода, но лица нельзя было как следует рассмотреть: голова женщины бессильно свесилась, глаза были закрыты, и только веревка, охватывающая ее под грудью, не позволяла ей упасть на землю.

Рядом с ней, на перевернутом вверх дном боченке лежала палка, очевидно для того, чтобы каждый желающий мог ее ударить. Но, по-видимому, никто из присутствующих не захотел воспользоваться этим правом.

— Какое преступление совершила эта женщина, и кто приказал привязать ее к позорному столбу? — спросил Карач-мурза, въезжая в середину круга, сквозь почтительно расступившуюся толпу.

— Она украла коня у почтенного ясакчи[2]) мурзы Халила, — ответил стоявший возле столба воин, очевидно поставленный здесь именно для того, чтобы давать подобные пояснения. — И мудрый ясакчи, мурза Халил, приговорил ее к смерти.

Суровость Ясы была хорошо известна Карач-мурзе. Она определяла смертную казнь за преступления семи родов: убийство, нарушение приказа, оскорбление ханского достоинства, выдачу себя за посла или за должностное лицо, прелюбодеяние с чужой женой, колдовство, — если оно явилось причиной чьей либо смерти, и крупную кражу. За мелкую кражу полагалось от семи до трехсот семи ударов палкой, — обычно виновного тоже забива-

---

[1]) У татар разрешались такие публичные диспуты между представителями любых вероучений, но под страхом смертной казни требовалось, чтобы они велись в пристойной форме, без оскорблений верований оппонента и его достоинства.

[2]) Ясакчи — судья, судивший по Ясе, т. е. по правовым и судебным нормам, установленным Чингиз-ханом. Яса, что значит «наказ», делилась на пять отделов: 1. Преступления, караемые смертью, 2. Военное устройство и правила ведения войны, 3. Семья и семейный уклад, 4. Похвальные доблести, 5. Различные запрещения.

ли насмерть. Но он освобождался от наказания, если мог уплатить пострадавшему десятикратную стоимость украденного.

С принятием ислама, у татар вошло в силу также и общее мусульманское право, и, помимо ясакчи, появился другой разряд судей, так называемых кади, судивших по шариату[1]). Но несмотря на то, что мусульманские законы были гораздо гуманней, преклонение перед памятью Чингиза было столь велико, что его уложение оставалось в силе, и Яса неизменно подтверждалась каждым царствующим ханом.

Чтобы избежать возможных осложнений, за преступления служебные и уголовные в Орде обычно судили Ясакчи, а дела, связанные с семейной и религиозной жизнью, решал кади. Каждый из этих судей старался не вмешиваться в дела другого, но этого не всегда можно было избежать, и если между ними происходило столкновение, верх почти всегда брал ясакчи: эту должность обычно занимал какой-нибудь представитель знати, тогда как кади принадлежали к духовному сословию, которое у татар не имело особой силы.

Все это мгновенно промелькнуло в мозгу Карач-мурзы. Вспомнил он и то, что за кражу коня по Ясе был положен самый жестокий вид смертной казни: рассечение мечом на части. С чувством невольной жалости он посмотрел на несчастную женщину, которая теперь подняла голову и, широко открыв глаза, глядела с надеждой на стоявшего перед ней незнакомого, но, судя по всему, очень знатного всадника.

— Это правда, что ты украла коня? — спросил Карач-мурза.

— Я не хотела его украсть, великий господин, — воскликнула женщина, — Я убежала на нем от мурзы Халила, да покарает его справедливый Аллах, потому что он насильно сделал меня своей наложницей, а у меня есть муж! И люди мурзы Халила схватили меня, когда я скакала на этом коне.

---

[1]) Шариат — совокупность законов и правил, которыми должен был руководствоваться в жизни каждый мусульманин.

Карач-мурза нахмурился. Если женщина не лгала, дело в корне менялось и не меньшая кара, по Ясе, должна была обрушиться на самого ясакчи.

— Кто может подтвердить, что эта женщина говорит правду? — спросил он, обводя взором толпу. Но все хранили молчание. Отделившись от задних рядов, несколько человек поспешно зашагали прочь. Толпа стала заметно редеть.

— Никто не осмелится говорить здесь против ясакчи, — с отчаянием промолвила женщина. — Его даже хаким боится: при дворе великого хана у него есть могущественные покровители.

— Ах, так! — воскликнул Карач-мурза, — А ну, ты! обратился он к одному из стоявших поблизости людей. — Что ты знаешь про эту женщину?

— Это Фатима, жена Нуха, пресветлый оглан, — низко кланяясь ответил спрошенный, очевидно знавший, с кем он имеет дело. — Ее муж был в войске у великого хана Тохтамыша, — да вознесет Аллах до неба шатер его величия, — и не вернулся из последнего похода. Но никто не видел его убитым, и теперь его милость ясакчи Халил говорит, что он мертв, а она, наверное по глупости, думает, что он жив, благородный оглан.

— И ясакчи сделал ее своей наложницей?

— Этого я не знаю, оглан. Всем известно, что почтенный ясакчи Халил взял ее к себе в дом, чтобы она отработала долг своего мужа. А была ли она его наложницей, — кто может это знать, пресветлый оглан?

— Когда должны казнить эту женщину? — спросил Карач-мурза у приставленного к ней воина.

— Сегодня, за час до захода солнца, оглан.

— Отвяжи ее от столба и отведи в мой лагерь! Я сам разберу это дело. И скажи ясакчи, чтобы явился ко мне за два часа до захода солнца.

— Я не могу отвязать ее без разрешения ясакчи, сиятельный господин! Я слышу, что тебя называют огланом, и сам вижу, что ты большой начальник. Наверно ты настолько же выше ясакчи, насколько ясакчи вы-

ше меня. Но ясакчи отдал мне приказ, и я обязан ему повиноваться.

— Я двоюродный брат и посол великого хана Тохтамыша. И его священным именем повелеваю тебе сделать то, что ты слышал, — спокойно промолвил Карач-мурза, вынимая из кармана золотую пайцзу[1]). Воин, как подкошенный, упал на колени и, распростершись ниц, поцеловал землю возле копыт его коня.

—Да прославится имя великого хана по всей земле! Я повинуюсь, пресветлый оглан! — воскликнул он и сейчас же, вскочив на ноги, принялся отвязывать женщину.

Возвратившись в стойбище, Карач-мурза велел привести к нему Фатиму. Она уже оправилась немного от пережитых потрясений, привела себя в порядок и оказалась женщиной редкой красоты. Эта красота и послужила причиной ее беды.

То, что она рассказала, почти не оставляло сомнений в ее правде, но все же, выслушав и отпустив ее, Карач-мурза сейчас же послал в город двух своих людей, с поручением выведать — что говорят об этом деле в народе. Они возвратились через два часа, и их доклад полностью подтвердил слова Фатимы.

Одному из них даже удалось узнать, что местный кади был возмущен действиями ясакчи и вынесенным им приговором. Он сказал об этом самому хакиму, но хаким посоветовал ему не вмешиваться не в свое дело и решения ясакчи не отменил.

Выслушав это, Карач-мурза минутку подумал и приказал, помимо ясакчи, вызвать к себе кади и хакима.

---

[1]) Пайцза — золотая, серебряная или бронзовая пластинка, с выгравированным на ней текстом, служившая в Орде пропуском или знаком особых полномочий.

ГЛАВА 3

«Входите все в покорность и не следуйте по стопам сатаны: он главный враг ваш».

Коран.

За час до указанного ему срока, ясакчи был уже у шатра Карач-мурзы. От воина, сторожившего Фатиму, он узнал все, что произошло на площади и чувствовал, что предстоящий разговор с ханским послом не сулит ему ничего хорошего. И потому он решил приехать пораньше, чтобы попытаться уладить дело при помощи подарков, целый тюк с которыми вез сопровождавший его слуга. Но Карач-мурза его не принял, подарки тоже не позволил внести в шатер и через своего нукера велел ясакчи ожидать снаружи, пока его не позовут.

Точно в назначенный час явились хаким и кади, которые, вместе с ясакчи, сейчас же были введены в шатер царевича. Карач-мурза, сухо ответив на приветствия вошедших, окинул их внимательным взглядом.

Хаким Курджи-оглан, — пожилой худощавый человек с беспокойно бегающим взглядом, — как было известно Карач-мурзе, принадлежал к захиревшей ветви Батыева рода и теперь, когда почти все руководящие посты в Орде были заняты белоордынскими царевичами и князьями, он чувствовал себя на своем месте не очень прочно, а потому старался угодить каждому, кто имел солидные связи в ставке великого хана.

Ясакчи Халил, — сорокалетний мужчина могучего сложения, — такие связи как раз имел и потому в Сараил-Джадиде привык ни с кем не считаться. Он понимал, что по своему положению Карач-мурза может

сделать с ним все, что захочет, но твердо рассчитывал на поддержку хакима и на то, что во всем городе никто не осмелится свидетельствовать против него, а потому держался хотя и почтительно, но с достоинством.

Кади был глубокий старик, с короткою, белой, как снег, бородой и с лицом аскета. На Карач-мурзу он сразу произвел хорошее впечатление.

— Садись, аксакал[1]), — сказал он, обращаясь к кади и не предлагая сесть другим. — Садись и расскажи, что тебе известно о Фатиме, жене Нуха?

— Нух и Фатима были очень бедны, высокородный оглан, — садясь на подушку и помолчав немного, промолвил старик. — Но справедливый Аллах дал им то, что дороже богатства, ибо во всем нашем городе, а может быть и во всей нашей Орде, не было пары счастливее их. Нух никогда не хотел взять вторую жену. Они любили друг друга, как Лейла и Меджнун[2]), и мои старые глаза всегда радовались, когда видели их вместе...

— И где теперь этот Нух?

— Только всевидящему Аллаху это известно, пресветлый оглан. Нух не вернулся из последнего похода, когда великий хан Тохтамыш, — да охватит его слава всю землю, — ходил на Мавераннахр. Но никто не видел Нуха убитым, и Фатима думает, что он находится в плену у Тимур-бека.

— Может быть, ясакчи знает об этом больше? — спросил Карач-мурза, повернув голову к Халилу.

— Я знаю только то, что знают другие, благородный оглан, — ответил ясакчи, не почувствовавший в этом вопросе ловушки: — Нух ушел в поход и назад не вернулся. И я думаю, что если он так любил свою жену, как говорит почтенный кади, то одна лишь смерть могла помешать ему возвратиться к ней или прислать о себе какую-нибудь весть.

— Ход твоей мысли показывает, что ты не находишься во вражде с разумом. Но все же это только пред-

---

[1]) Аксакал, дословно «белая борода», — почтительное обращение к уважаемым старикам.

[2]) Лейла и Меджнун, — герои одноименной поэмы азербайджанского поэта 12-го века Низами.

положение, а я хочу знать: есть ли в вашем городе такой человек, который может с уверенностью сказать, что Нух умер?

— Нет, пресветлый оглан, я не знаю такого человека, и никто не знает, — промолвил ясакчи, недоумевая в душе, — почему ханский посол так интересуется судьбой ничтожного десятника Нуха. А вместе с тем, это было очень просто: сожительство со вдовой по Ясе не считалось преступлением, а за прелюбодеяние с женщиной, имеющей мужа, она карала смертной казнью. Впрочем, ясакчи на этот счет не беспокоился, полагая, что никак нельзя доказать того, что Фатима была его наложницей, а одних ее обвинений было недостаточно.

— Хорошо, — сказал Карач-мурза. — Теперь расскажи, за какое преступление ты приговорил Фатиму к такой жестокой казни?

— Она украла у меня коня, оглан. Ее поймали с поличным и я судил ее по Ясе великого Чингиза. А в Ясе сказано: укравший коня да будет разрублен мечом на части.

— Я вижу, что ты хорошо знаешь законы. Так вот, скажи: если человек, попавший во власть разбойника, пытается спастись на его коне, — можно ли считать это кражей?

— Это совсем другое, пресветлый оглан! Разве я разбойник, и разве я держал Фатиму в неволе? Она была у меня служанкой. А если слуга украл у своего господина, по Ясе следует увеличить ему наказание. И потому я велел привязать Фатиму к позорному столбу.

— Она говорит, что ты заставил ее отрабатывать долг Нуха и насильно сделал своей наложницей. А потом испугался, что это станет известно и захотел от нее избавиться, потому что, как ясакчи, ты лучше других знаешь, какое наказание положено по Ясе за прелюбодеяние с чужой женой, даже если оно совершено без насилия.

— Эта женщина солгала тебе, оглан. Она не была моей наложницей.

— Ты можешь доказать это?

—Нужно доказывать не то, чего не было, а то, в чем человека обвиняют, мудрейший оглан. Пусть Фатима докажет, что я сделал ее своей наложницей! Этого нельзя доказать, а в Ясе великого Чингиза сказано: никто не может быть наказан за преступление, которое не доказано или виновник которого не сознался.

— Это истина. Но если тут нельзя доказать преступления, то можно сделать так, что виновник сознается.

— Я никогда не сознаюсь в том, чего не было, оглан!

— Этого я от тебя не жду. Но будет достаточно, если ты сознаешься в том, что было. Скажи, кроме твоих жен, кто-нибудь видел тебя раздетым?

— Никто не видел, благородный оглан, —ответил ясакчи, изумленный таким вопросом.

— Подумай крепко!

— Клянусь тебе, пресветлый оглан!

— Хорошо. Так вот, если ты больше ничего не хочешь добавить, я сейчас позову сюда Фатиму, и, может быть, она нам скажет про какой-нибудь след от раны или другой знак, который имеется у тебя на теле. А потом ты снимешь халат, и если мы этот знак на тебе увидим, я прикажу привязать тебя к тому самому столбу, к которому была привязана Фатима, а рядом положить палку вдвое толще той, которая лежала рядом с ней. И поверь, что все мои шестьсот нукеров сумеют очень хорошо воспользоваться этой палкой, если тебя побоятся бить жители города.

Пока Карач-мурза говорил это, лоснящееся лицо Халила быстро меняло свою окраску, из бронзово-красного превращаясь в землисто-серое. Но думал он не долго и, едва обретя дар речи, пробормотал:

— Пощади, многомилостивый оглан...

— Значит, сознаешься?

— Сознаюсь, оглан. Но ведь у нее нет мужа.

— Ты сам сказал, что этого нельзя доказать. И еще сказал, что Яса ничего не принимает без доказательств. Поэтому надо считать, что у Фатимы есть муж, и за

свое преступление ты, по Ясе, заслуживаешь смерти. Но, кроме Ясы у нас, благодарение великому Пророку, есть Коран, а в Коране сказано: будь милосерден даже к преступнику, если он может исправиться. Я думаю, что ты можешь исправиться и потому оставляю тебе жизнь. Но для должности ясакчи ты не годишься, — хаким назначит на твое место другого. А теперь иди.

Кланяясь и прижимая руки к груди, Халил начал пятиться к выходу.

— Погоди, — окликнул его Карач-мурза. — Ты, кажется, принес мне подарки? Прикажи внести их сюда.

Минуту спустя слуга Халила внес в шатер тюк с подарками и развернул его перед Карач-мурзой. Сверху лежала сабля в драгоценных ножнах, под нею золотое блюдо, толстая связка собольих мехов и два больших свертка китайского шелка.

— Я думаю, что эта сабля стоит много больше того, что тебе остался должен Нух, — сказал Карач-мурза. — Возьми ее себе в уплату этого долга, а все остальное пойдет Фатиме за то бесчестие, которое ты ей нанес.

Когда Халил ушел, Карач-мурза, по-прежнему не глядя на хакима, обратился к кади:

— Мне говорили, аксакал, что ты был несогласен с судом ясакчи и даже просил хакима, чтобы он своею властью отменил приговор. Верно ли это?

— Это истина, премудрый оглан. В нашем городе нет такого человека, который бы не знал того, что мурза Халил преследовал Фатиму и потом несправедливо осудил ее на смерть. В Коране сказано: если ты видишь, что совершается несправедливость, старайся недопустить ее. И я сказал об этом сиятельному хакиму Курджи-оглану.

—Ну и что тебе ответил хаким?

— Сиятельный хаким Курджи-оглан мне ответил: «что там было раньше, я не знаю и знать не хочу. Ясакчи судил Фатиму за кражу коня, и судил правильно: по Ясе за такое преступление виновный должен быть разрублен мечом на части. Но я думаю, что великий Чингиз, — да будет священна его память, — когда писал

Ясу, не знал того, что после его смерти коней начнут красть женщины. Если бы он мог это знать, то наверное не захотел бы так уродовать женское тело. И потому я прикажу, чтобы Фатиму не разрубали на куски, а удавили ремнем».

— Я вижу, что в этом деле ты проявил истинное милосердие, оглан, — насмешливо сказал Карач-мурза, обращаясь к хакиму, который стоял, как на раскаленных угольях. — Но вижу и другое: под твоим управлением очень хорошо живется насильникам и негодяям. Плохо, когда начальник боится своих подчиненных, а не они боятся его. Это иногда кончается тем, что такой начальник получает от великого хана шелковый шнурок в подарок[1]). Помни об этом! Завтра ты назначишь другого ясакчи, — почтенный кади поможет тебе сделать хороший выбор. А Халилу, если он вздумает чем-нибудь мстить Фатиме, дашь на базарной площади сто палок. Надеюсь, ты все понял?

— Понял, великий оглан! Это, наверное, шайтан, — да будут прокляты и посрамлены его козни, — вчера затуманил мой разум. Но больше этого никогда не будет, великий оглан!

— Посмотрим. На обратном пути я еще сюда заеду.

---

[1]) В мусульманских странах получение каким либо вельможей такого шнурка означало, что монарх не хочет позорить его публичной казнью и предлагает покончить самоубийством.

ГЛАВА 4

«Судьба затем судьбою и зовется,
Что отвратить ее нам не дано:
Для стрел ее что занавес из шелка,
Что щит из крепкой стали — все равно».

Мухаммад ас-Захири,
персидский писатель 12 в.

Когда все ушли, Карач-мурза велел позвать к нему Фатиму.

— Ну вот, — сказал он, когда она вошла и робко остановилась у входа, — ты свободна и можешь спокойно возвращаться домой. Никто тебя больше не будет тревожить, об этом позаботится сам хаким. Кроме того, возьми вот это, — добавил он, указывая на подарки, оставленные Халилом. — Эти вещи помогут тебе прожить безбедно.

— Да воздаст тебе великий Аллах годами счастья за все, что ты для меня сделал, благородный оглан, а я не забуду этого если бы даже прожила тысячу лет. И не думай, что у меня нет стыда, если я тебя попрошу еще об одной милости, сиятельный оглан...

— Говори, — промолвил Карач-мурза.

— Позволь мне ехать с твоим караваном. Говорят, ты едешь в Мавераннахр, к великому Тимур-беку, — может быть Аллах будет ко мне милостив до конца, и я найду там своего мужа. Теперь у меня есть, чем выкупить его, если он в плену. А здесь я боюсь оставаться: у ясакчи Халила очень длинные руки.

— Этого не бойся. Он больше не ясакчи и теперь не посмеет тебе ничего сделать.

— Он ничего и не сделает, оглан, но если он захочет, со мной всегда может случиться какое-нибудь несчастье. Разве он отвечает, если я утону в реке, или загорится ночью моя юрта, или меня укусит ядовитая змея?

— Хорошо, — сказал Карач-мурза, немного подумав. — Приходи ко мне завтра утром. Может быть я сумею устроить так, что ты поедешь с нами.

***

Ханум Хатедже, вверенная попечениям Карач-мурзы, ехала при его отряде на совершенно особом положении. Напутствуя его в дорогу, хан Тохтамыш сказал:

— Говорят, Хромой очень любит свою племянницу, и потому важно, чтобы с нею у нас не случилось ничего плохого и чтобы ты привез ее в Ташкент живой и здоровой. Пусть лучше передохнут в пути все другие пленники, чем с ее головы упадет хотя бы один волос! Не забывай также, что Тимур ей поверит больше, чем нам, а потому нужно сделать так, чтобы она говорила о нас хорошо. Будь с ней почтителен, следи, чтобы ей было удобно ехать и чтобы она ни на что не могла пожаловаться. В дороге она должна чувствовать себя не пленницей, а важной госпожой, которой все готовы служить.

И Карач-мурза строго следовал полученным наставлениям. Хатедже ехала в удобной кибитке, в сопровождении нескольких служанок и рабынь; на ночь ей разбивали походной шатер, убранство которого могло бы удовлетворить самую избалованную женщину; у нее всегда, — даже при переходе через пустыни, — было вдоволь свежих фруктов, которые она особенно любила.

Ежедневно Карач-мурза справлялся о ее здоровье и о том, нет ли у нее каких нибудь жалоб или пожеланий. Но, не желая своим присутствием напоминать ей о том, что она все-таки пленница и в общем порядке подчинена ему, — обычно он это делал через кого либо

из своих приближенных, и потому Хатедже немного удивилась, когда в этот вечер он явился к ней лично.

— Селям-алейкюм, благороднейшая ханум, — сказал он, получив разрешение войти в шатер. — Я надеюсь, что Аллах хранит твое драгоценное здоровье и что ты хорошо отдохнула за эти два дня.

— Алейкюм-селям, оглан, — ответила Хатедже. — Милостью Аллаха я здорова, а благодаря твоим заботам путешествие меня совсем не утомляет.

Голос у Хатедже был низкий и приятный, а в последних ее словах, хотя они и были обычным проявлением восточной вежливости, прозвучала неподдельная искренность. Карач-мурза внимательно поглядел на нее.

Хатедже нельзя было назвать красивой, к тому же, по понятиям Востока, молодость ее уже ушла: ей было под тридцать. Но небольшой рост, хрупкость и стройное сложение возмещали ей ту долю прелести, которую отнял возраст. Ее смуглое, слегка поблекшее лицо, с темным пушком над хорошо очерченными и еще не потерявшими свою свежесть губами и с чуть раскосым разрезом глаз, было привлекательно, а сами глаза, — карие и ясные, с какой-то завораживающей теплинкой в них, были на редкость хороши.

— Я рад это слышать, ханум, — промолвил Карач-мурза. — Но нам нужно пройти еще три раза столько, сколько мы до сих пор прошли. И я никогда не простил бы себе, если бы к концу этого путешествия ты потеряла хотя бы ничтожную долю твоего здоровья и...

— И чего еще? — с улыбкой спросила Хатедже, видя, что Карач-мурза запнулся.

— И твоей красоты, ханум.

— Я вижу, что ты честный человек, оглан, ибо хотел удержать свой язык, прежде чем он вымолвит эту неправду. Красота моя, если и была когда-нибудь, уже ушла, а здоровья хватит еще на много таких путешествий. Могу я спросить, — когда мы выступаем отсюда?

— Завтра, через два часа после восхода солнца, ханум, если ты не хочешь отдохнуть еще один день.

— Но я же говорю тебе, что я совсем не устала. Ехать даже приятней, чем стоять на одном месте.

— Хорошо, ханум, завтра мы поедем. Но могу я перед этим просить у тебя об одной милости?

— Ты здесь начальник, оглан. И можешь приказывать, а не просить.

— Если я начальник для других, то для тебя я только самый почтительный слуга, ханум.

— Не будем играть словами. Итак, что я должна сделать?

— Ты не должна, ханум. Но если ты хочешь сделать доброе дело и помочь попавшей в беду женщине, которой нужно уехать отсюда, — ты могла бы взять ее к себе служанкой. Я готов поклясться, что она будет хорошо служить тебе.

— А что это за женщина, и какая беда ее постигла? — спросила Хатедже, бросив на Карач-мурзу пытливый взгляд.

— Это одна здешняя татарка, ханум. Молодая и красивая. А что с нею случилось, она сама тебе расскажет. Это тебя развлечет в пути.

— Хорошо, я беру ее, оглан.

— Да вознаградит тебя Аллах за твое доброе сердце, ханум. Утром я пришлю ее к тебе.

Простившись с Хатедже, Карач-мурза возвратился в свой шатер, унося в душе какое-то безотчетное чувство тепла и умиротворения, которое не покидало его до самого сна.

ГЛАВА 5

«Промысел Всевышнего простирается на всех, и все сущее подлежит его предопределению. Успех в делах — в деснице Аллаха, и удача сопутствует тому, кто для нее создан.»

Абу-Насер Фараби,
тюркский философ 9-10 вв.

Выступив на следующее утро, отряд в обычном порядке двинулся на юго-восток, по направлению к реке Эмбе. Путь был нетруден и однообразен, — бескрайняя степная низина, покрытая блеклой зеленью, которая местами переходила в бурые россыпи бесплодных песков, — ничто тут не радовало глаз путника и не привлекало к себе его внимания. И потому Карач-мурза, почти не глядя по сторонам, ехал все эти дни погрузившись в воспоминания и думы, что всегда помогало ему скоротать время таких томительно-унылых переходов.

Но если прежде подобные размышления обычно бывали приятны и вносили в его душу умиротворение и ясность, то на этот раз они были почему то невеселы и тревожны. У него было такое чувство, словно он в своей жизни прошел мимо чего то самого важного, не сделав того единственного, что действительно нужно было сделать. А что это было — он не знал и теперь тщетно силился это понять.

Мысленно он снова посетил все те места, где ему доводилось когда либо побывать, воскрешая в памяти события и встречи, и в свете приобретенной с годами

житейской мудрости проверяя правильность тех или иных принятых им решений. И казалось, — больших ошибок не было, жизненный путь его был, несомненно, удачен и привел к тем вершинам, которых достигают только немногие избранники судьбы. Но, вместе с тем, его не покидало странное ощущение, почти уверенность в том, что все его решения и действия, — кроме того единственного, которое он упустил, — были совсем не важны и не нужны, и что если бы даже он решал и действовал совершенно иначе, — было бы то же самое, просто потому, что именно так должно быть.

Внезапно ему вспомнились предсказания карачевского колдуна Ипата. Разве он в чем-нибудь ошибся? — «Вот, делишь ты ложе и власть с прекрасной царицей», — это так и было... «А вот, в почете и славе стоишь ты у самого престола могучего и грозного царя», — все это есть сейчас. Но значит и дальше будет то, что видел и знал колдун двадцать два года тому назад: — «Ты все потеряешь. Вижу, скачешь ты один по степу, и волосы твои и борода белы... Сюда скачешь, на Русь, и ляжешь в землю отцов.»

И разве не сказал ему то же самое митрополит Алексей? Значит, от его собственных решений ничего не зависит, потому что какая-то неведомая сила ведет его по заранее определенному пути, к определенной цели? К цели, — да, но путь, наверное, мог бы быть иным, если бы он не упустил чего-то самого главного... А может быть и другое: митрополит Алексей и Ипат обладали каким-то таинственным знанием, которое позволяло им предугадывать — что он сделает в будущем, и к чему это приведет?

«Аллах знает, что произойдет с каждым, — думал Карач-мурза, — и некоторым святым людям Он иногда открывает тайны будущего. Но вот та неведомая сила, которая ведет нас к тому, что заранее известно Аллаху, — есть ли это Его воля? Если бы это было так, то люди делали бы только хорошее, потому что Аллах не может хотеть плохого. Значит Аллах руководит не все-

ми нашими действиями, а кое-что оставляет и на наш собственный выбор... Что же сделал я по воле Аллаха, и что по своему выбору? С какими людьми хотел меня связать Аллах, и с какими я сам себя связал? — Наир? Ирина? — начал он перебирать в памяти тех, с кем особенно тесно сводила его судьба. — Князь Дмитрий? Тулюбек-ханум? Тохтамыш?.. И вдруг на ум ему неожиданно пришла Хатедже.

«Почему она? — удивился такой нелепости Карач-мурза. — Чужая женщина, с которою я несколько недель буду ехать одной дорогой, а потом никогда больше ее не увижу и, может быть, даже не вспомню о ней! Таких встреч у меня в жизни были тысячи, но разве кто-нибудь из этих случайно встреченных людей станет стучаться в двери моей памяти в тот миг, когда она зовет к себе только самых близких?

Карач-мурза стал думать о другом, но Хатедже снова и снова вклинялась в его мысли, и это его, наконец, обеспокоило.

«Надо посмотреть, что она делает, и узнать не нужно ли ей чего-нибудь, — подумал он. — Уже три дня я ее не видел.

Съехав с дороги, он придержал своего коня, пока с ним не поравнялась кибитка Хатедже, шедшая сзади. День выдался теплый, полы кибитки были откинуты, и Карач-мурза увидел Хатедже, полулежавшую на подушках. Хотя прошло уже полтора года с того времени, когда она овдовела, на ней был темно-лиловый[1]) шелковый халат, несколько ее старивший. Карач-мурза это сразу заметил, но мысленно вывел отсюда заключение, выгодное для Хатедже: — «она еще совсем молода, но в таком халате всякая женщина будет казаться на десять лет старше.»

— Привет тебе, благородная ханум, — сказал он, подъезжая вплотную к кибитке. — Я хочу спросить, не утомил ли тебя сегодняшний переход? До ночлега нам остается еще два часа, но если ты устала, я прикажу

---

[1]) Лиловый — у тюркских народов траурный цвет.

остановиться сейчас, и мы заночуем здесь. Степь везде одинакова.

— Благодарю тебя, светлейший оглан, за такое внимание ко мне, но я совсем не устала. Сегодня я хорошо выспалась в пути и потому могла бы ехать целую ночь.

— Тебе, наверное, не терпится приехать домой, ханум?

— Домой? Я не знаю, где теперь мой дом, оглан. В Ясах, после смерти мужа, — да упокоит его Аллах, — у меня никого не осталось.

— У тебя нет детей, ханум?

— Были сын и дочь. Но их уже давно, — в одно и то же лето, унесла болезнь. В Ясах, в доме эмира Фарука, может быть, живет сейчас кто-нибудь из других его жен, со своими детьми. Но мне туда не хочется возвращаться.

— И не надо, ханум. Я отвезу тебя к твоему великому дяде, эмиру Тимур-беку, — да пошлет ему Аллах долгую жизнь, — и он позаботится о тебе.

— Да, я знаю, что он меня не оставит и что я ни в чем не буду испытывать нужды, — промолвила Хатедже, и Карач-мурза уловил в ее голосе грусть. — Он очень любит свою сестру, мою мать, оглан.

— А твоя почтенная мать жива?

— Жива. Но отец мой убит уже много лет назад, и ее взял к себе старший брат отца, Дауд-ходжа, эмир Гузара.[1])

— Я думаю, что если ты захочешь, то и тебя возьмет в жены кто-нибудь из родственников твоего покойного мужа, эмира Фарука, да блаженствует он вечно в садах Аллаха.[2]) Я бы хотел, чтобы твоя жизнь сложилась очень счастливо, ханум.

— Благодарю тебя, оглан. Но если ты в самом деле

---

[1]) Гузар или Гизар, — город и область в Средней Азии, недалеко от Бухары.

[2]) По обычаю среднеазиатских народов, когда умирал семейный мужчина, его вдов разбирали в жены ближайшие родственники покойного. Они же принимали на себя заботу о его детях.

хочешь, чтобы моя жизнь сложилась счастливо, не желай, чтобы меня взял в жены кто-нибудь из родственников покойного эмира Фарука, — смеясь, ответила Хатедже.

— Почему, ханум? Разве все они плохие люди?

— Нет, оглан, я думаю, что они не хуже, чем другие. Но я не хочу быть женой никого из них.

— Ну, тогда пусть Аллах пошлет тебе такого мужа, как ты сама хочешь, достойнейшая ханум.

— Это другое дело. Но я пока не думаю об этом.

— Так и должно быть, ханум: об этом прежде тебя подумает тот, кому суждено стать твоим мужем.

— Тогда мне и делать нечего, — снова засмеялась Хатедже, лицо которой при этом удивительно хорошело: — остается только ожидать, когда приедет за мной тот, кого присудил мне Аллах.

На некоторое время разговор у них оборвался. Потом Карач-мурза спросил:

— А довольна ли ты, ханум, своей служанкой Фатимой?

— Да, она очень старательна и заботлива, мне с нею хорошо, оглан. Я должна благодарить тебя за эту женщину.

— Если так, я рад за тебя и за нее, добрейшая ханум.

— Она мне рассказала о себе все, оглан. И теперь я знаю всю правду.

— Какую правду, ханум? — удивился Карач-мурза. — Разве я хотел от тебя что-нибудь скрыть? Я не рассказал тебе историю Фатимы только тому, что она могла это сделать гораздо лучше, чем я.

— Когда ты попросил меня взять ее служанкой, я сначала подумала совсем другое, — слегка краснея, сказала Хатедже. — И теперь мне очень стыдно перед тобой за эти недостойные мысли, оглан.

— Если бы то, что ты подумала, было правдой, ханум, — зачем бы я стал хитрить и вмешивать тебя в это дело? Наши обычаи и законы очень удобны для мужчин.

— Это потому, что их придумали мужчины! Но для женщин эти законы несправедливы и жестоки. Наша доля, даже в богатых и знатных семьях, очень тяжела, оглан. И потому всякое внимание, которое нам оказывают там, где мы его не привыкли видеть,, мы, женщины, ценим очень высоко. То, что ты сделал для Фатимы, говорит о том, что у тебя доброе сердце, оглан.

— Я увидел несправедливость, и в моей власти было ее исправить, — сказал Карач-мурза. Всякий честный человек сделал бы то же самое, и не стоит больше говорить об этом, ханум.

— Можно и не говорить. Но когда в плохой жизни увидишь что-нибудь хорошее, об этом хочется потом вспоминать, оглан.

«Может быть, потому я тебя сегодня и вспоминал все время», — подумал Карач-мурза, но вслух сказал после небольшого молчания:

— Тебе ничего не нужно, ханум? Если у тебя есть какие-нибудь пожелания, — скажи, и я рад буду их исполнить.

— Спасибо, оглан, но мне пока ничего не нужно.

— Ну, тогда я поеду. Да пребудет с тобою Аллах, благородная ханум!

— Аллах для всех. Он и тебя не оставит своими милостями, достойнейший оглан.

ГЛАВА 6

«Когда пускаешься в путь не один, твой спутник должен быть лучше тебя.»

Татарская пословица.

До Эмбы дошли на шестой день после выступления из Сараил-Джадида и заночевали на левом, восточном ее берегу, — вернее на левой стороне ее русла, ибо в это время года реки тут, собственно, не было: Эмба доносит свои воды до Каспия только в пору весеннего половодья. Позже она пересыхает и превращается в цепочку отдельных мочаков и небольших озер, заросших камышом и изобилующих болотной дичью.

Отсюда путь повернул прямо на юг и стал еще более унылым и безотрадным. Обходя раскинувшуюся справа песчаную пустыню и часто встречающиеся солончаки, отряд целую неделю двигался ровной, как стол, низиной, поросшей кустиками полыни и буюргуна[1]). Корма для лошадей тут было мало, колодцы и водоемы тоже встречались редко, и вода в них обычно бывала солоноватая, едва пригодная для питья, а потому Карач-мурза старался как можно скорее миновать этот участок пути. Теперь снимались со стоянки едва рассветало и с двумя-тремя короткими остановками для отдыха шли до наступления темноты.

Время этих переходов тянулось особенно медленно, — казалось, что дню не будет конца. Глядеть вокруг

---

[1]) Буюргун — полукустарниковое растение, служащее в этих местах кормом для верблюдов и топливом.

было не на что; все, о чем хотелось вспомнить и подумать, было во всех подробностях воскрешено в памяти и обдумано, происшествий никаких не случалось, и Карач-мурза томился от скуки. Теперь его часто можно было видеть едущим не в голове отряда, как прежде, а рядом с кибиткой Хатедже. Ханум была словоохотлива, в разговоре она обнаруживала много наблюдательности и ума, беседовать с нею было приятно и интересно, а потому Карач-мурза с каждым днем уделял этому занятию все больше времени. Показаться назойливым он не боялся, ибо было вполне очевидно, что Хатедже эти встречи тоже доставляют удовольствие: даже в плохую погоду войлочный полог ее кибитки всегда был откинут с той стороны, с которой он обычно подъезжал.

Наконец равнина начала слегка повышаться, потом пошла вверх крутыми ступенями и уступами. Поднявшись по ним, отряд вступил на Устюртскую возвышенность, по которой предстояло идти дней пятнадцать. Характер местности, по-прежнему оставаясь унылым, теперь несколько изменился: песчаные почвы уступили место глинистым, исчезли солончаки, появились отдельные кустарники, а местами и целые заросли саксаула[1]). Но что самое важное, — сейчас тут были хорошие пастбища. На Устюрте трава, совершенно выгорающая летом, осенью отрастает, и в это время года все окрестные кочевники всегда перегоняли сюда свои стада. Но к началу декабря, — когда тут начинают свирепствовать сильнейшие бураны и стужи, — скот гнали на Мангышлакский полуостров, где условия для его зимовки были наиболее благоприятными и откуда он, с наступлением тепла, двигался на север, в низовья Эмбы и Джаика, наливавшиеся весенней зеленью.

По Устюрту нельзя было двигаться ни быстрей, ни медленней, чем позволяли расстояния между имевши-

---

[1]) Саксаул — род кустарника, иногда невысокие деревья, растущие во многих засушливых областях Средней Азии. Ценен там как топливо.

мися здесь колодцами. Они отстояли друг от друга на пять — шесть фарсахов. Утром пустившись в путь от одного из них, останавливались на ночлег, дойдя до следующего.

Первые пять дней и тут ничто не нарушало установившегося порядка, и Карач-мурза ежедневно проводил два-три часа в разговорах с Хатедже. Но на шестой день он возле ее кибитки не появился, чем ханум была немного удивлена и обеспокоена. Однако вскоре к ней подъехал старший нукер царевича и объяснил причину его отсутствия:

— Светлейший оглан Карач-мурза, да усыплет Аллах его жизненный путь цветами счастья, — сказал нукер после обычного приветствия, — сегодня утром получил известие о том, что в пяти фарсахах отсюда кочует один из туменов[1]) Мангышлакского хана и что сам хан пресветлый Кепек-Берди, сейчас находится при этом тумене. Может быть ты не знаешь, благородная ханум, что пресветлый хан Кепек-Берди — это третий сын великого хана Тохтамыша и племянник нашего оглана, да возвысится их славный род над всеми живущими. Наш оглан захотел повидать племянника и взять у него свежих лошадей, взамен тех, которые у нас пали или заболели в пути. Он уехал туда раньше, чем мы выступили, и догонит нас на следующей ночевке. Но если тебе что-нибудь будет нужно, благородная ханум, светлейший оглан Карач-мурза приказал мне исполнить все, что ты пожелаешь.

Хатедже поблагодарила нукера и сказала, что ей ничего не нужно. Карач-мурза возвратился к отряду поздно вечером, когда в стойбище уже догорали последние костры. В этот день у него сильно разболелись зубы. Он почти не спал ночью. Наутро боль утихла, но зато левая щека вздулась громадной опухолью. В таком виде показываться Хатедже он не хотел, а потому и на этом переходе не приблизился к ее кибитке. Но когда остановились на ночлег и разбили стойбище, один

---

[1]) Тумен — десятитысячный отряд конницы.

из нукеров доложил царевичу, что пришла служанка ханум Хатедже и просит позволения говорить с ним.

— Фатима! — воскликнул Карач-мурза, узнавший вошедшую в шатер женщину. — Что нибудь случилось с твоей госпожой?

— Нет, сиятельный оглан, благодарение Аллаху, она здорова и с нею ничего плохого не случилось. Но моя благородная госпожа сегодня видела издали, что у тебя обвязана голова, и она поручила мне узнать, здоров ли ты, пресветлый оглан и не произошло ли с тобой какого- нибудь несчастья, когда ты ездил в стойбище Мангышлакского хана?

— То, что со мной случилось, это такая ничтожная мелочь, что о ней не стоит и говорить. Скажи это своей госпоже, и да вознаградит ее Аллах за доброе сердце.

— Я ей передам твои слова, пресветлый оглан. Но моя благородная госпожа еще спрашивает: может быть, она чем-нибудь вызвала твой гнев или обиду, и потому ты не подъезжаешь к ее кибитке?

— Да покарает меня Аллах, если я когда-нибудь допущу в свое сердце гнев или обиду на добрейшую ханум Хатедже! Но кто захочет показаться перед молодой и красивой женщиной в таком виде! — воскликнул Карач-мурза, снимая шерстяную повязку, закрывавшую его лицо. — Вот, смотри, — это только половина того, что было утром. Скажи благородной ханум, что завтра я непременно приеду сам узнать о ее здоровье.

— Хорошо, оглан, я в точности повторю ей все твои слова. А сейчас мне можно идти?

— Погоди... Я давно хотел тебя спросить: хорошо ли тебе живется у ханум Хатедже, и довольна ли ты своей судьбой?

— Я довольна, пресветлый оглан, а ханум Хатедже, — да сделает ее Аллах самой счастливой из женщин, — очень добра ко мне. Она обещала попросить своего великого дядю Тимур-бека, чтобы он отпустил моего мужа, если он жив и находится в плену.

— Она это обязательно сделает, — промолвил Ка-

рач-мурза, отвечая не столько Фатиме, как своим собственным мыслям.

— Я тоже так думаю, оглан. Ханум Хатедже нравится делать людям добро.

— Да, но она никогда ничего не хочет для себя! Сколько раз я ее спрашивал и всегда слышу один ответ: «спасибо, оглан, мне ничего не нужно». Ты с нею все время вместе и должна знать, чего ей хочется и чего ей не хватает. Так вот, скажи: что можно сделать такое, чтобы ей было приятно?

— Подъезжай завтра как можно раньше к ее кибитке, пресветлый оглан, — промолвила Фатима, и в глазах ее метнулась лукавая искорка.

Карач-мурза пытливо поглядел на нее, думая, что это только предпосылка, за которой последует ответ на его вопрос. Но Фатима не говорила больше ни слова. Поняв, он нахмурился и сказал:

— Женщина, мне кажется, ты позволяешь себе непочтительность по отношению к своей госпоже.

— Да сохранит меня от этого великий Аллах! — воскликнула Фатима, всплеснув руками. — Я сказала так потому, что знаю: моей благородной госпоже всегда приятно видеть тебя, светлейший оглан.

— Я тебя не об этом спрашиваю. Может быть есть вещь, которая доставила бы ей удовольствие, или какое-нибудь лакомство, которое она особенно любит?

— Сегодня ханум ничего не ела, — подумав немного, ответила Фатима. — У нее было скверное настроение, и она даже отказалась от винограда, который ты ей недавно прислал. Но потом она сказала: «я больше всего люблю хорошие дыни. Вот, скоро мы приедем в Хорезм, и там я буду их есть каждый день».

— Дыни? Ну, хорошо, иди. Скажи благородной ханум, что я желаю ей здоровья и спокойного сна.

Едва ушла Фатима, Карач-мурза вызвал к себе четырех молодых нукеров, из числа самых расторопных и исполнительных.

— В десяти фарсахах отсюда, на заход солнца, лежит караванный путь из Хорезма в

Мангышлак, — сказал он им, — а в двенадцати фарсахах к востоку проходит такой же путь на Берчагур. Возьмите каждый по хорошему сменному коню и скачите двое на запад и двое на восток. Выйдя на эти пути, двигайтесь, как и мы, к Хорезму, навстречу идущим оттуда караванам. Мне нужны дыни, чем больше тем лучше, но хотя бы две или три. В это время года их еще везут иногда с берегов Джейхуна[1]) к столу Мангышлакского и Тургайского ханов. Вот вам деньги, чтобы их купить, кроме того, за каждую дыню, которую я получу прежде чем минует три дня, даю вам по коню. Если ничего не достанете за неделю, возвращайтесь к отряду. Все поняли?

— Поняли, пресветлый оглан!

— Тогда идите. Сейчас можете поспать три часа, потом — в путь. Ночь сегодня лунная, вы можете ехать быстро и вскоре после восхода солнца быть уже на местах.

На третий день к вечеру нукеры, выехавшие в сторону Мангышлака, возвратились с шестью превосходными дынями. Им посчастливилось почти сразу встретить караван, в котором нашлись две корзины чарджуйских дынь, славившихся на весь Восток. Их везли в ставку хана Кепека, но имя Карач-мурзы и хорошая цена побудили караван-баши[2]) к сговорчивости.

Дыни были сейчас же отправлены в шатер ханум Хатедже. А на следующее утро, когда тронулись в путь, и Карач-мурза, как обычно, подъехал к ее кибитке, она сказала:

— Да воздаст тебе Аллах годами здоровья и счастья за твой вчерашний подарок, оглан. Я так люблю дыни! Но я не понимаю, — откуда ты это узнал, и как ты сумел достать их в этой пустыне?

— Я на своем веку видел немало хороших колдунов, ханум, и сам от них кое-чему научился, — улыбнулся Карач-мурза.

---

[1]) Джейхун — арабское название реки Аму-Дарьи.

[2]) Караван-баши — караvановожатый.

— Наверное ты учился у очень добрых колдунов, оглан. Но я сейчас хотела бы знать другое...

— Спрашивай, ханум. Если я сам знаю это, я тебе отвечу.

— Хорошо, оглан, тогда скажи: ты так меня балуешь потому, что тебе это приказал великий хан Тохтамыш или потому, что тебе это приказывает твое сердце?

— И то и другое, ханум-джан. Хан Тохтамыш повелел мне заботиться о том, чтобы тебе было хорошо и удобно ехать, но я никогда не думал, что мне будет так приятно исполнять это повеление!

ГЛАВА 7

«Я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам в землю хозар и расположились возле устья реки Итиль. Я никогда не встречал людей с более совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, белокуры, румяны лицами и белы телами».

Ахмед Ибн-Фадлан,
арабский путешественник 10 в.

Два дня спустя, после особенно длинного и унылого перехода, отряд Карач-мурзы остановился на ночлег у самого края Сарыкамышской котловины, получившей свое название от густых зарослей желтого камыша[1]), которые покрывали ее дно. Но прежде тут находилось огромное озеро, — его поверхность достигала почти десятка тысяч квадратных верст, при глубине до пятидесяти сажень. Некогда в это озеро, которое историки древности называют Хорезмийским, — впадала река Аму Дарья. Отсюда, по пересохшей теперь реке Узбою, воды ее вливались в Каспийское море.

Но Аму-Дарья, в своих низовьях несущая большое количество ила, в силу некоторых особенностей своего течения, откладывала почти весь этот ил на левый берег, что при совершенно ровной местности вызывало постоянное смещение ее русла вправо, — до тех пор пока она не проложила себе путь в Аральское море, находивше-

---

[1]) Сары́ — по-татарски «желтый». Камыш тоже татарское слово.

еся сравнительно недалеко. Хорезмийское озеро, лишенное притока воды, со временем высохло. Но еще и сейчас, при особенно сильных разливах, часть амударьинских вод устремляется в свое старое русло и достигает Сарыкамышской котловины, отстоящей от нынешнего русла реки всего на сто двадцать верст. И потому у многих властителей Хорезма и Персии уже с глубокой древности возникала мысль о возвращении Аму-Дарьи на ее прежний путь[1]).

Еще накануне Карач-мурза рассказал Хатедже все, что ему было известно о Сарыкамышской котловине, и именно по ее просьбе он приказал отклониться немного в сторону от прямого пути, чтобы показать ей это интересное место, с которым у хорезмийцев было связано много легенд и преданий.

Пока разбивали шатры и устраивали стойбище, Карач-мурза, вместе с Хатедже и сопровождавшей ее Фатимой, подошел к самому склону гигантской впадины, полого уходившему вниз на несколько десятков сажень. По склону местами были рассыпаны небольшие заросли и отдельные кусты саксаула, да тускло серебрились чахлые кустики полыни. Дно впадины, кое-где ерошившееся желтой щетиной высохших камышей, волнистой песчаной пустыней уходило вдаль и только в одном месте, — совсем близко от стоявших наверху людей, виднелся небольшой оазис зеленой осоки, среди которой еле приметно поблескивала вода.

— Будет хорошо, если там вода пригодная для питья, — сказал Карач-мурза. — Здесь, наверху, мы наш-

---

[1]) Таким образом, этот ныне воскрешенный проэкт далеко не нов. В России его первым выдвинул Петр Великий, которого соблазняла возможность открытия водного пути из Волги почти к самым границам Индии. В то время ходили также слухи о том, что на дне Аму-Дарьи залегает золотой песок, который можно будет добывать в огромном количестве, отведя реку в ее прежнее русло. Для изучения этого вопроса на месте, Петр отправил туда специальную экспедицию под начальством одного из образованнейших людей своего времени, князя Девлет-мурзы Бековича-Черкасского. Эта экспедиция была предательски истреблена хивинцами.

ли только одну большую яму, наполненную последними дождями, но этого нам едва ли хватит. Если хочешь, ханум, спустимся вниз и попробуем эту воду, а если ты устала, я пошлю туда кого-нибудь из моих людей.

— Нет, оглан, пойдем сами, ведь это совсем близко. Я целый день сидела в кибитке и теперь буду рада походить немного.

Они начали спускаться в котловину, что оказалось совсем не так легко, как думала Хатедже, глядя на откос сверху. Местами он был довольно крут, песок осыпался и скользил под ногами, но все же, схватившись за руки и поддерживая друг друга, они со смехом спустились, вернее, сбежали вниз и попробовали воду. Она оказалась соленой и для питья была непригодна. Под слоем нанесенного ветром песка, дно впадины было покрыто солончаками, кое-где выступавшими даже на поверхность.

Отдохнув немного, они стали подниматься, что заняло гораздо больше времени, чем спуск, и выбрались на поверхность, когда совсем стемнело. В стойбище все было уже налажено: шатры и кибитки стояли в обычном порядке, всюду горели костры, на которых люди готовили себе пищу; пощипывая редкую траву, вокруг ходили стреноженные кони.

Прямо у места, куда вышли Карач-мурза и Хатедже, за жидкою порослью саксаула, пылал большой костер, возле которого сидела кучка нукеров, о чем-то оживленно беседуя. Уловив несколько слов из их разговора, Карач-мурза легонько потянул за руку свою спутницу.

— Может быть мы услышим кое-что интересное, ханум: здесь рассказывают всякие истории, связанные с этим местом. Но если мы подойдем к костру, воины из почтения замолчат или будут говорить очень коротко. Лучше сядем здесь, по эту сторону кустов, и будем слушать.

— Это правда, что тут было озеро, — говорил пожилой десятник Салех, очевидно продолжая спор с

кем-то из товарищей. — Но попробуй объехать эту впадину кругом: если у тебя хороший конь, и если Аллах будет к тебе милостив и защитит по дороге от джинов[1]), тебе понадобится для этого шесть или семь дней. Разве могло такое озеро высохнуть, как обыкновенная лужа?

— Так мне говорил в Ургенче один старый араб, который очень много знал, — ответил нукер Шахмир, сидевший по другую сторону костра.

— Это ты думаешь, что он многое знал. А я думаю, что когда Аллах раздавал людям мудрость, в мешок твоего араба ничего не попало.

— А куда же тогда девалась вода из этого озера?

— Ее выпил шайтан, — промолвил один из воинов.

— Шайтан не так глуп, чтобы надуваться водой, — сказал Салех, — он может пить напитки получше. А воду из озера выпустили джины, когда им понадобилась эта яма.

— Куда выпустили?

— Под землю. Они пробили в дне озера дыру, и через эту дыру вся вода ушла в великое море, которое находится под нами.

— Говорят, что землю держит на рогах корова, а она стоит на спине рыбы, которая плавает в этом море, — сказал Шахмир. — Рыбе-то ничего, а корова могла рассвирепеть и сбросить землю со своих рогов, когда джины вылили ей на голову столько воды.

— Так думали раньше, а теперь в эту корову и рыбу не верят даже дети. Ученые люди уже узнали, что наша земля, как большая лепешка, просто плавает в великом море.

— А зачем джинам понадобилось выпускать воду из этого озера? Разве им мало места на суше?

— Им пришлось уйти оттуда, где они прежде жили и искать себе новое убежище. Ты что, никогда не слыхал про войну черных и белых джинов?

---

[1]) Джины — духи. По верованьям татар, они делились на черных — злых, и белых — добрых или, во всяком случае, не делавших людям особенного зла.

—Кое-что слыхал, абый[1]). Но если тебе известно все, как у них было, прошу тебя рассказать, — промолвил Шахмир. — Мы все будем благодарны тебе за те дары, которые ты нам уделишь из сокровищницы твоих знаний.

— Хорошо, слушайте: когда-то очень давно, в самых богатых и цветущих землях Арабистана жил народ, который назывался хаду. И ни один другой народ на земле не был так щедро одарен всеми милостями Аллаха. Это были красивые, стройные, как пальмы, великаны, со светлыми волосами и голубыми глазами; самый маленький из них был ростом как два обыкновенных человека, поставленных один на другого, а жили они по тысяче лет и больше. Ими правил грозный и могущественный царь Шаддад, который покорил себе соседние народы, и все они платили ему дань. У хаду было все, чего только может пожелать человек: на их тучных пастбищах множились стада скота, земля сама производила для них лучшие плоды, и им не нужно было даже работать.

Но вместо того, чтобы жить в благочестии и славить Аллаха за все его милости, хаду стали забывать его и впадать в самые черные грехи. И настал день, когда Аллах не захотел больше терпеть этого и решил сурово наказать хаду. Он навел сон на весь их народ, а потом послал страшный вихрь, который поднял их с земли и перенес далеко, в холодный полунощный край, где месяцами не видно солнца. И когда хаду проснулись, Аллах сказал их царю Шаддаду: — «там, где вы были раньше, вам жилось слишком легко, и от безделия вы впали в грехи и нечестие. Теперь я перенес вас в такую землю, где вам придется много трудиться, чтобы не умереть от голода и холода. Если это вас исправит и вы научитесь жить достойно, я возвращу вас назад. Но если и здесь не смиритесь, будет совсем худо: я переселю вас еще дальше на полночь, где никогда не восходит солнце, и откуда отрезаны все пути».

---

[1]) Абый — по-татарски старший брат. Также почтительное обращение к старшему товарищу.

Ну, хаду сначала взялись за ум и стали жить так, как хотел Аллах. Кругом были дремучие леса, и в них много всяких зверей и птиц. Хаду сделали себе луки, стрелы и копья, стали охотиться, питаться мясом убитых животных и одеваться в звериные шкуры; из древесных стволов они построили себе теплые дома, научившись этому искусству у русов, которые были их ближайшими соседями. Русы тогда были совсем другие, — низкорослые и темноволосые, — но хаду стали общаться с их женщинами и вот, прошло четыреста или пятьсот лет, и все русы сделались похожими на хаду, — такими же сильными, голубоглазыми и светлыми, только поменьше ростом.

— Теперь я понимаю, почему русы такие хорошие воины, — промолвил Шахмир, воспользовавшись тем, что рассказчик на минуту замолк: — свою силу и храбрость они получили от этих великанов!

— Это так и есть, — подтвердил Салех. —И если бы хаду остались там дольше, то наверное эти два народа совсем бы смешались, и русы сделались бы непобедимыми. Но на счастье всех других народов, этого не случилось...

«Недалеко от того места, куда Аллах перенес хаду, в глубине лесов находилось царство белых джинов, земля которых была подобна раю. Золото там лежало, как простой песок, а драгоценные камни всюду валялись кучами. А черные джины жили за стеной высоких гор, в диком полунощном краю, где всегда темно и холодно. Белые джины были сильней, и черные никогда не отваживались нападать на них. Но когда здесь появился народ хаду, царь черных джинов начал уговаривать царя Шаддада вместе идти войной на белых джинов. — «Я возьму себе их землю, — говорил он, — потому что в моей земле очень скверно жить, а ты возьмешь их богатства, которые сделают тебя владыкой и повелителем всех людей».

— Царь Шаддад долго не соглашался, но потом подумал: — «когда еще Аллах захочет перенести нас обратно в нашу землю? А тут, если мы победим белых джинов, мы и без помощи Аллаха станем жить лучше,

чем в раю!» Ну, началась у них война, и продолжалась она девяносто лет. Вначале побеждали черные джины и их союзники хаду, которые в это время уже покинули свои леса и вышли на берега реки Итиль[1]). Но потом на помощь белым джинам пришел святой Кидырь[2]) со своим волшебным копьем, и они победили врагов. Царство черных джинов было разрушено, и им пришлось искать себе другое место. И вот, тогда они прилетели сюда, выпустили воду из этого озера и поселились в его пустом ложе.

— Чем же им так приглянулась эта пустыня? — спросил молодой нукер. — Если бы я был джином, я бы выбрал место получше.

— Для черных джинов это было самое лучшее место потому, что когда они высушили озеро, получилась впадина может быть самая глубокая на земле[3]). И тут им не надо бояться белых джинов, потому что белые джины не могут спускаться так низко, точно так, как человек не может спуститься под воду.

— Не даром говорят: у лисы от врага сто уверток, но самая лучшая из них — не лезть на глаза, — сказал один из нукеров.

— Если это верно, то да помилует нас Аллах, — сказал другой: — здесь внизу полно джинов, а мы пришли сюда ночевать!

— Не бойся, — успокоил его Салех, — с нами ничего плохого не случится: наш оглан, да живет он тысячу лет, очень ученый человек и знает верные заклинания от джинов. Разве иначе посмел бы он остановиться в таком месте?

— Ну, а что сделали белые джины с народом великанов хаду? — спросил Шахмир после небольшого молчания.

— Они загнали их туда, где прежде жили черные

---

[1]) Итиль или Атиль, — арабское и тюркское название Волги.

[2]) Св. Кидырь или Хызр, — Георгий Победоносец, столь же высоко почитаемый мусульманами, как и христианами.

[3]) Дно этой впадины лежит на 45 метров ниже уровня моря.

джины, в страну ночи и холода, а дорогу назад загородили такими высокими горами, что через них нельзя перейти. Там совсем нет зверей и птиц, — водилось только огромное животное хуту, с одним рогом на носу, и еще другое — мухор[1]), у которого были два длинных белых рога на голове. Великаны хаду научились убивать этих животных и питались ими, но потом белые джины послали туда громадную птицу Тавлынг, которая начала преследовать этих зверей и, спасаясь от нее, все они ушли под землю, где живут и сейчас, в пещерах, которые сделали когда-то черные джины, чтобы зимой укрываться там от стужи.

— И все хаду умерли с голода?

— Нет, Аллах не дал им погибнуть: теперь к берегам их земли два или три раза в год приплывает рыба такой величины, что нужно идти целый день, чтобы дойти от ее хвоста до головы. Хаду обрезают с этой рыбы мясо, сколько им нужно, потом рыба уплывает в море и опять обрастает мясом и тогда возвращается к хаду, которые снова едят ее.

— И они никогда не пробовали уйти из этой гиблой страны и отыскать дорогу в теплые земли? — спросил Шахмир.

— Они, наверное, и сейчас пробуют, но не могут этого сделать: горы, которые их замыкают, слишком круты и высоки. Только десять хаду за все время сумели добраться до их гребня, но белые джины заколдовали это место, и всякий, кто туда ступит, сейчас же превращается в камень. Так эти десять окаменевших великанов стоят там и до сих пор[2]). Но под горами есть множество пещер и случалось, что кто-нибудь из хаду,

---

[1]) Так в то время представляли себе ископаемых носорога и мамонта, бивни которого часто находили в северных землях, считая их рогами и думая, что эти животные живут под землей. Преданья о них и о птице Тавлынг сохранились в мансийских сказаньях.

[2]) На гребне Маньпапы-Ньер, — одной из гор Северного Урала, действительно высятся десять каменных глыб, похожих на фигуры великанов, что, вероятно, и дало основание для этой легенды.

заблудившись в этих пещерах, несколько дней спустя выходил по эту сторону гор. Только теперь они стали совсем дики и свирепы, и их сразу убивают те народы, в земли которых они приходят. Я сам видел костяк одного такого хаду возле города Великий Булгар. Он висит на большом дереве, к которому булгарский царь когда-то велел приковать этого хаду за то, что он убивал и ел людей.[1])

— И очень велик этот костяк?

— Он имеет двенадцать локтей высоты, а голова — как большой котел. Такой человек может перешагнуть через коня, как через овцу.

У костра воцарилось довольно долгое молчание. Карач-мурза и Хатедже хотели уже встать и незаметно уйти, но в это время над самой котловиной небо прочертила падающая звезда и Шахмир сказал:

— Это наверно один из здешних джинов слишком близко подлетел к небу, и Ризван[2]) поразил его огненной стрелой[3]).

— Я слыхал, — промолвил один из сидевших у костра, — что если такая стрела не попадает в джина, она уходит в землю и превращается в золотую палочку.

— Это правда, — сказал Салех. — И тому, кто найдет такую палочку, не страшны никакие духи и никакое колдовство.

— А вот, ты говорил, абый, что в царстве белых джинов золото и драгоценные камни лежат прямо на земле. Что же джины делают с этими сокровищами?

Салех, видимо, не знал, как распоряжаются джины своими богатствами, но он не хотел показать этого своим подчиненным и потому, подумав немного, сказал:

— Они просто сваливают эти сокровища в кучи.

---

[1]) Арабский путешественник Ибн-Фадлан, побывавший в Волжской Болгарии в 922 году, пишет, что он сам видел и измерил этот скелет.

[2]) Ризван — страж мусульманского рая.

[3]) По верованиям ордынцев, падающие звезды — это стрелы, которыми ангелы отражают злых духов, пытающихся пробраться на небо.

Джин, также как и человек, когда у него слишком много золота, не знает, что с этим золотом делать, но ему нравится иметь его побольше. Ты, может быть, слыхал сколько золота было у багдадского халифа Аль-Мустансира и как оно ему пригодилось?

— Не слыхал, абый. Но если ты удостоишь нас этим рассказом, мы с радостью послушаем.

— Халиф Аль-Мустансир владел самыми плодородными землями и покорил многие народы, которые платили ему дань. Ему со всех сторон везли золото, и он был богаче, чем все другие цари, взятые вместе. И вот, пошел на него войной ильхан Хулагу[1]) и осадил Багдад. У халифа было войска вдвое больше, чем у ильхана, но это войско сражалось плохо, потому что оно не любило скупого Мустансира. На третий день Хулагу взял город и захватил халифа в плен. В его дворце он нашел огромную башню, которая почти доверху была наполнена золотом. И тогда ильхан спросил Мустансира: — «почему ты не раздал это золото своим воинам, чтобы они лучше тебя защищали?» Халиф ответил: — «я не хотел его расходовать на это потому, что воины и так обязаны были защищать меня». — «Для чего же ты берег эти сокровища?» — спросил ильхан, и Мустансир не знал, что ему ответить. Тогда ильхан Хулагу приказал запереть его в этой башне и сказал: —«если ты всю жизнь собирал золото, не зная, для чего это делаешь, попробуй есть его, потому что ничего другого я тебе не дам». И халиф Мустансир на пятый день умер в этой башне от голода.

— Один мудрец сказал: добро скупого приносит пользу насильнику.

—Ильхан Хулагу был великий воин, — промолвил Салех. — Но его старший брат Хубилай-хан[1]) был самым мудрым из правителей. Я слыхал такой рассказ: однажды к великому хану Хубилаю пришли священнослужители различных народов, и каждый уговари-

---

[1]) Ильхан — что значит «лучезарный хан» — титул, который носил Хулагу и его царствовавшие потомки.

[2]) Хубилай-хан — внук Чингиз-хана, китайский император, основавший династию Юань.

вал его принять свою веру. Великий хан Хубилай выслушал их всех и ответил: «я вижу, что есть один Бог и четыре великих пророка, которых почитают в мире: Магомет, Исса, Мосса[1]) и Будда. Зачем выбирать для поклонения одного из них, а трех других делать своими врагами? Я буду почитать их одинаково и молиться всем четырем, чтобы тот из них, который воистину старше и сильнее, мне помогал, а три остальные не мешали». И из всех царей ни у кого не было такого счастливого царствования, как у Хубилай-хана.

— Счастливое царствование бывает у такого царя, у которого хорошие и верные военачальники, — сказал Шахмир.

— Еще счастливее царствуют те, которые знают, кого надо поставить военачальниками. Мне рассказывали в Хорезме: пришел один мудрец к какому-то царю, и тот стал жаловаться: — «я самый несчастный из царей, ибо у меня плохой начальник войска и плохой лекарь, а потому враги мои долго живут, а друзья скоро умирают». Тогда мудрец сказал ему: — «а ты, царь, поменяй их местами. Твой начальник войска будет хорошим лекарем, потому что он осторожен и не умеет лишать людей жизни. А лекарь, у которого большой опыт в умерщвлении людей, будет очень полезен во главе твоего войска.»

Все засмеялись, а Шахмир сказал:

— Это, наверное, был тот самый мурдец, который, когда его спросили, — что на свете тяжеле всего, ответил: — «сейчас я голоден и для меня тажелее всего пустой желудок». Наш плов уже сварился, и я думаю, что нам пора наполнить наши желудки, чтобы они стали легче![2])

---

[1]) Исса — Иисус Христос, Мосса — Моисей. Оба они у мусульман почитаются великими пророками.

[2]) Различные варианты легенды о народе хаду и о войне джинов дошли до нас в сочинениях арабских писателей Ибн-Фадлана, Аль-Масуди и Ал-Гарнати. Другие упомянутые тут предания, легенды и суеверия почерпнуты из книг Абуль-Фараджа, Ала ад-Дина Джувейни, Марко Поло и др.

— Тебе пришла очень счастливая мысль, послушать у этого костра, — сказала Хатедже, прощаясь с Карач-мурзой у входа в свой шатер. — Я получила большое удовольствие и услыхала так много интересного, оглан!

— Если так, я рад и за тебя и за себя, ханум. Этот вечер и для меня останется памятным.

— Но ведь ты, наверно слыхал почти все, что рассказывали эти воины про джинов и про великанов?

— Слыхал все и даже много больше того, ханум. Завтра, если хочешь, я расскажу тебе остальное. Но сегодня мне хотелось, чтобы их разговоры у костра продолжались еще долго.

— Мне тоже, оглан, — поглядев Карач-мурзе в глаза, сказала Хатедже. Потом опустила голову и добавила после небольшого молчания: — когда мы выехали из Сарая-Берке, я думала, что наш путь будет очень долгим. А теперь я жалею, что Ташкент не находится на тысячу фарсахов дальше.

ГЛАВА 8

«Тигра не хватай за хвост, а если схватил, то не отпускай».

Туркменская пословица.

В начале ноября отряд Карач-мурзы вышел на берег Аму-Дарьи. Самая трудная часть пути была закончена и теперь, до самого Самарканда, предстояло идти почти все время берегами рек, не испытывая больше недостатка в воде и в хороших пастбищах. Здесь еще было достаточно тепло, — осень только вступала в свои права, — люди повеселели и после семи недель пути по унылым полу-пустыням, долина Аму-Дарьи показалась им раем.

Тут и в самом деле было хорошо. Могучая река своим недавним разливом оживила вокруг себя широкую полосу низменности; высушенная летним зноем земля опять накинула на себя зеленый покров, хотя на этот раз не надолго: осень уже вплетала в него желтые и красные нити.

Стояла тишь. Среди высоких трав и кустарников, тут и там стройные тамариски вздымали кверху свои вишнево-сизые ветви; часто встречались целые рощи по-осеннему золотившихся карагачей, а в местах более низких серебряно-желтыми свечами уходили ввысь белоствольные тополя. Вдоль самого берега тянулись густые заросли лозняка, да кое-где, возвышаясь над ними, кряжистые ивы клонились к реке, роняя в нее свои облетающие листья. Нередко по пути попадались и обширные болотистые низины, заросшие буйными камышами и изобилующие всевозможной дичью.

В первый же день пути по этому оазису, отряд ми-

новал два или три небольших кочевья с пасущимися вокруг отарами овец, а к вечеру добрался до маленького поселка Тубенташ, возле которого Карач-мурза решил остановиться на несколько дней, чтобы дать отдых людям и лошадям, а заодно поразнообразить питание отряда дичью и рыбой, в которых тут не было недостатка.

Весь Тубенташ состоял из восьми глинобитных лачуг и нескольких войлочных юрт, в которых ютилось десятка полтора полуоседлых туркменских семейств, промышлявших, главным образом, рыбной ловлей, хотя чуть поодаль виднелось и довольно обширное рисовое поле.

Подъезжая к поселку, Карач-мурза сразу заметил, что мирная жизнь его чем-то нарушена. Лица людей были мрачны и взволнованы, детвора, вопреки обыкновению, не высыпала навстречу приближающемуся отряду, а взрослые толпились возле одной юрты, откуда слышались громкие голоса и плач. Уловив несколько слов, Карач-мурза понял: женщины голосили по мертвому.

— Что тут у вас случилось? — спросил он у крепкого старика в обесцвеченной солнцем тюбетейке, — очевидно старшины поселка, который, поспешно отделившись от толпы, подходил к нему с низкими поклонами.

— Юлбарыс[1]), сиятельный эмир, — ответил старик. — Юлбарыс, да сожрут его собственные дети, и да подохнут они сами при этом, растерзал юношу Мистаха. Это уже третьего человека он убивает у нас, пресветлый эмир, а перед этим сколько унес овец!

— Когда же он сюда пришел?

— Он пришел больше месяца тому назад и поселился вон в тех камышах, — указал старик на болотистую низину, сразу за рисовым полем. — Сначала он ел наших овец, но потом мы их угнали далеко отсюда, и тогда он стал нападать на людей, пресветлый эмир.

---

[1]) Юлбарыс — по-татарски тигр.

— И вы не пробовали его убить?

— Мы хотели устроить западню на тропинке, по которой он ходит, но место там очень низкое и нельзя выкопать глубокую яму, потому что на два-три ариша[1]) под землей уже стоит вода. А для того чтобы сделать облаву, у нас слишком мало мужчин, сиятельный эмир.

— Ну, этот юлбарыс больше вам не будет вредить: завтра мы его убьем.

— Да возвеличит тебя всемогущий Аллах, и да пошлет он счастье всему твоему роду, эмир! И если бы Он не привел тебя сюда, нам всем пришлось бы уходить на другое место.

Карач-мурзе уже случалось охотиться на тигров: их немало водилось в густых камышах по берегам Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Но в те времена, когда еще не знали огнестрельного оружия, эта охота была трудна и опасна. Если ее предпринимал какой нибудь владетельный князь или военачальник, в распоряжении которого было много людей, — обычно устраивалась облава. Камышевую заросль, где находилось логово тигра, окружали пешие воины, вооруженные копьями, за ними, во втором ряду, шли лучники. Когда это кольцо стягивалось вплотную вокруг заранее намеченной поляны или прогалины, на которую выгоняли зверя, он, убедившись в том, что выхода нет, пробовал прорваться сквозь окружавшую его живую стену или перепрыгнуть через нее. Но прежде чем он успевал сделать прыжок, в него попадало несколько стрел, а затем, куда бы он ни бросился, его встречали лезвия копий. Тигра, конечно, убивали, но сильный и ловкий зверь дорого продавал свою жизнь, и такая охота почти никогда не обходилась без человеческих жертв, тем более что в зарослях, вместо одного тигра, часто оказывалось несколько.

При сравнительно небольшом количестве участ-

---

[1]) Ариш — среднеазиатская мера длины, немного более полуметра. Отсюда наш аршин.

ников, успех облавы бывал менее вероятен, и значительно возрастала опасность. Но тем не менее воины не упускали случая поохотиться на тигра и часто отправлялись на это опасное дело даже небольшими партиями, так как юлбарыс считался чрезвычайно ценной добычей. Туша его шла в дело почти целиком: большие деньги можно было взять за шкуру; высоко ценился тигровый жир, который считался лучшим средством для заживления ран; из печени и желчи изготовлялись снадобья, по верованию азиатов продлевающие человеческую жизнь; муку из костей тигра князья и эмиры раздавали воинам перед битвой для укрепления храбрости; когти его считались амулетами, предохраняющими от смерти в бою, а зубы — от нападения зверей и разбойников.

У жителей небольших прибрежных селений, у которых тигры пожирали много скота, существовали другие способы борьбы с ними. Если позволяли условия местности, обычно на тропинке, по которой ходил зверь, устраивали западню в виде хорошо прикрытой сверху глубокой ямы, а в дно этой ямы вкапывали два или три заостренных сверху кола. Ставились также ловушки из бревен, с привязанной внутри, в виде приманки, овцой. Однако, если тигр бывал старый и опытный, он редко поддавался на подобные ухищрения, и тогда на него охотились с клеткой. Но предназначалась она не для зверя, а для охотников.

Ее делали поперечником в сажень и такой же примерно высоты[1]), — четыре стенки и верх, — из толстых и крепких жердей, прочно соединенных в виде решетки. Пола или дна не было, чтобы снизу в клетку могли проникнуть охотники и, приподнимая ее за две укрепленные внутри перекладины, вместе с нею двигаться вперед. Пустую клетку ставили на тропинке, ве-

---

[1]) Позже такие клетки стали делать цилиндрическими, потому что их легче было продвигать в зарослях. Туземцы Туркестана применяли этот способ охоты еще в начале нынешнего столетия.

дущей к логову тигра, и оставляли на несколько дней, чтобы зверь к ней привык. В день охоты в нее залезало шесть или семь человек, вооруженных луками и короткими копьями; переднюю стенку клетки слегка заплетали зеленью, чтобы не было видно находящихся внутри людей, а сверху, на крыше, привязывали чучело сидящего человека.

Когда все это бывало готово, загонщики, оцепив логово, поднимали шум и крик, стараясь выгнать зверя, которому оставлялся свободный путь в сторону клетки. В это время последняя, вместе с сидящими в ней людьми,, тоже двигалась вперед, по направлению к логову, так как очень часто тигр не спешил его покинуть.

Когда он, наконец, показывался, клетку опускали, и четверо из находившихся в ней охотников садились на перекладины, чтобы крепко прижать ее к земле. Остальные сейчас же пускали в тигра по стреле. Ранить его смертельно или хотя бы тяжело, удавалось редко, но стрелявшие на это и не рассчитывали: им нужно было только разъярить зверя, чтобы он не пробежал мимо, а перешел в нападение. В этом случае, не видя настоящих виновников своей беды, но, заметив сидящее на клетке чучело, тигр бросался на него и прежде чем успевал понять свою ошибку, ему в брюхо вгоняли снизу несколько копий сразу.

Все это в тот же вечер Карач-мурза должен был подробнейшим образом рассказать Хатедже, ибо в стойбище теперь только и говорили о тигре и о предстоящей на завтра облаве, а ханум, к некоторому удивлению Карач-мурзы, проявила совершенно исключительный и несвойственный женщине интерес к этому событию.

— И ты завтра будешь охотиться на этого юлбарыса с клеткой, оглан? — спросила она после того, как выпытала у своего собеседника все, что он знал о тиграх и о способах охоты на них.

— Нет, ханум. Так на юлбарыса охотятся только чабаны и сабанчи[1]), а воинам не подобает прятаться от

---

[1]) Сабанчи — крестьяне-земледельцы. Чабаны- пастухи.

опасности в клетку. Нас много, мы окружим камыши и устроим настоящую облаву.

— А разве в такой клетке совсем, совсем нет опасности, оглан? Если юлбарыс бросится на нее, он не может ее сломать или опрокинуть?

— Если клетка прочная, и изнутри ее крепко прижимают к земле, самый сильный зверь ничего с ней не сделает, ханум, — простодушно ответил Карач-мурза, не подозревая за этим вопросом никакой хитрости. — Внутри можно сидеть так же спокойно, как в своей собственной юрте, посреди стойбища, хотя бы даже вокруг бегало несколько юлбарысов.

— Раз ты так говоришь, значит это истина, оглан... Но ведь тогда и женщина может находиться в такой клетке.

— Женщина, ханум?! Но разве это женское дело, лезть в клетку вместе с охотниками?

— А почему нет, оглан, если женщина очень хочет увидеть живого юлбарыса и посмотреть, как на него охотятся? И если мужчина, от которого это зависит, настолько добр, что захочет доставить ей это удовольствие?

— Мне очень жаль, ханум, но я не могу этого сделать: я поклялся великому хану, что с тобой ничего дурного не случится и что я привезу тебя к великому эмиру Тимур-беку живой и здоровой.

— Но ты же сам сказал, что, сидя в клетке, человек не подвергается никакой опасности.

— Пусть так, ханум. Но охота на юлбарыса не шутка, и всегда может случиться что-нибудь такое, чего нельзя предвидеть. Тебя может в суматохе поранить кто-нибудь из охотников, или ты испугаешься, когда зверь бросится на клетку и потом заболеешь...

— Не обижай меня, оглан! Если бы мы, мусульманские женщины, были так боязливы, то наши сыновья не покорили бы почти весь мир.

— Это правда, ханум, прости меня. Но ведь я тебе еще раньше сказал, что завтра мы не будем охотиться с клеткой, а сделаем облаву.

— А разве нельзя и облаву и клетку? Вспомни, ог-

лан: ты всю дорогу спрашивал меня, — чего я хочу, и обещал исполнить всякое мое желание. И это, кажется, первое, о чем я тебя прошу.

Просьба была настолько необычной, что Карач-мурза все же хотел отклонить ее и лишь на минутку замялся, подыскивая наиболее мягкую форму отказа. Но чарующие глаза Хатедже глядели на него с таким выражением, что он вдруг, почти неожиданно для самого себя сказал:

— Хорошо, ханум. Да простит мне Аллах, но завтра ты увидишь охоту на юлбарыса!

К следующему полдню, в десяти шагах от опушки камышей, на открытом лугу уже стояла деревянная клетка такой прочности, что ее не сокрушил бы и слон. Опрокинуть ее тоже было невозможно, потому что Карач-мурза приказал сделать ее не переносной, а неподвижной, вкопав глубоко в землю четыре угловых столба. Для того, чтобы можно было войти внутрь, она была снабжена маленькой, надежно закрывающейся дверцей.

Когда несколько сот воинов оцепили камышевые заросли, в клетку вошли Хатедже и Фатима, за которыми Карач-мурза собственноручно затворил дверцу и заложил ее двумя крепкими засовами. Поместить внутри кого-нибудь из мужчин он считал неудобным, да в этом и не было нужды, так как на несколько шагов дальше от опушки стояла цепь вооруженных копьями и луками воинов, которые должны были оставаться на месте: было решено выгнать зверя из камышей именно сюда, чтобы вся заключительная часть охоты была хорошо видна из клетки. Сам Карач-мурза пока оставался возле нее. За поясом у него был длинный, хорошо отточенный нож, а в руке копье, очень похожее на русскую охотничью рогатину.

Убедившись в том, что все стоят на своих местах,

он подал знак. Пронзительно запела труба, и сейчас же с противоположной стороны низины люди с криками двинулись вперед, шумно ломясь сквозь дремучие камыши. Их заросли раскинулись почти на версту, загонщики продвигались медленно, а потому появления тигра, который днем крайне неохотно покидает свое убежище, — можно было ожидать на поляне еще не так скоро.

— А, может быть, здесь живет не один юлбарыс, а целая семья, оглан? — спросила Хатедже.

— Нет, ханум. Это старый зверь, а такие живут и охотятся в одиночку.

— Почему ты знаешь, что он старый?

— Здешние жители говорят, что он, нападая на стадо, всегда убивал только одну овцу и сейчас же уносил ее. Старый юлбарыс знает, сколько ему нужно, чтобы насытиться, знает и то, что с добычей лучше поскорее уйти в безопасное место. А молодой об этом не думает. Он забавляется и всегда убивает нескольких животных, хотя может унести только одно.

— У нас говорили, что в Индостане юлбарысов так много, что они хватают людей прямо на улицах селений, а иногда забираются даже в дома. Должно быть, страшно жить в такой стране, оглан!

— Это правда, ханум, там много юлбарысов и других опасных зверей. Но Индостан не так страшен ими, как своим язычеством, хуже которого нет на свете. И если бы справедливый Аллах захотел покарать индусов за их нечестие, он бы, наверное, не придумал им наказания тяжелее того, которое они сами себе придумали.

— Какое же это наказание, оглан?

— Их собственная вера, ханум. Они выдумали себе десятки тысяч богов[1]), злых, глупых и мстительных, которые, будто бы, только и думают о том, как сделать человеку какое-нибудь зло. И почти вся жизнь

---

[1]) По подсчетам некоторых исследователей, культ браманизма насчитывает около тридцати миллионов различных богов и духов.

индуса проходит в том, чтобы этих богов задобрить и откупиться от них. Там верят, что кроме главных богов, — которых тоже великое множество, — каждая деревня, река, роща, гора, болезнь и все другое, что есть на свете, имеет своего бога или духа. Один из этих богов любит мясо, другой вино, третий деньги, четвертому нравится музыка или еще что-нибудь, человек же должен ублажить каждого и без этого не может сделать ни шагу. Но это еще ничего: есть такие боги, которым нравится, чтобы в их честь люди вырезали из себя куски мяса, выкалывали глаза, наносили себе всевозможные увечья, и находится немало глупцов, которые все это делают. Каждому индусу, едва ему исполнится восемь лет, дают духовного наставника, который учит, какому богу когда и что нужно давать, и всю жизнь его обирает. Воистину невозможно перечислить всего, что они выдумали, чтобы испортить себе жизнь, ханум!

— Может быть, за это Аллах и послал им столько юлбарысов?

— В том, что там много юлбарысов, можно скорее увидеть милосердие Аллаха, чем наказание, ханум. Юлбарысы убивают совсем не столько индусов, как об этом говорят, но зато они пожирают тысячи коров и тем оказывают этому народу великое благодеяние: в Индостане коровы считаются священными животными, — их нельзя убивать и есть, а потому коров и быков расплодилось там множество, и это тяжелая обуза для хозяев, которые, не имея от этого никакой пользы, должны их кормить, тогда как им самим очень часто нечего есть.

— Какая ужасная страна, оглан! Не хотела бы я там родиться и жить.

— Если бы ты родилась в Индостане, ты бы уже нигде не жила, ханум, — они бы тебя сожгли. По их законам, жена не может пережить своего мужа, вдов они сжигают на кострах... Но, погоди, ханум, — добавил Карач-мурза, прислушиваясь, — кажется, юлбарыс уже близко!

Действительно, крики загонщиков слышались теперь в какой нибудь сотне шагов. С трех сторон заросли трещали от ломившихся сквозь них людей, а встав на одну из перекладин клетки, Карач-мурза сразу увидел, как шевелятся невдалеке верхушки камышей, словно их раздвигает невидимый ручеек, быстро приближающийся к поляне.

Еще минута и тигр, выскочив на опушку, внезапно остановился, как вкопанный, издав отрывистый горловой звук, более похожий на кашель, чем на рев грозного хищника. Это был крупный самец, длиною почти в сажень. Его гибкое, ржаво-красное, расписанное черными полосами тело изобличало одновременно и кошачью ловкость и огромную, зловещую силу, а белые космы шерсти на щеках указывали, что это матерой и опытный зверь. Он, очевидно, не ожидал увидеть на поляне столько людей и теперь стоял, яростно шевеля хвостом и время от времени издавая тот же кашляющий звук. Он еще не знал, на что решиться, и пока только оглядывал свирепыми желтыми глазами живую стену, отрезавшую ему путь к отходу.

— Уходи скорее, оглан, — тихо сказала Хатедже. — Уходи, пока он не увидел, что ты тут стоишь один!

— Успею, ханум, спокойно ответил Карач-мурза. Цепь охотников стояла шагах в десяти сзади, в случае нужды он рассчитывал отскочить туда в два-три прыжка. — А если я не успею, воины сейчас же придут мне на помощь.

— Оглан! Именем Аллаха, молю тебя! — побелев, будто перед лицом смерти, крикнула Хатедже, увидев в это мгновение, что тигр, в которого вонзилась пущенная кем-то стрела, не раздумывая больше, огромными скачками бросился прямо к клетке.

Теперь нельзя было терять ни секунды, но Карач-мурза внезапно почувствовал, что на глазах женщин и своих воинов кинуться наутек ему не позволяет его достоинство. Взяв копье на изготовку, он медленно отступил два шага назад, как бы нащупывая лучшую точку для опоры и тут, окончательно пересилив страх,

остановился, ожидая зверя. Видя это, десятка два воинов, стоявших ближе, рванулись к нему, но было поздно: тигр находился уже в трех шагах и присел для последнего прыжка. Но было ли таковым его первоначальное намерение, или его испугали внезапно хлынувшие к нему люди, — только бросился он не на Карач-мурзу, а легко и мягко вспрыгнул на крышу клетки, откуда, бешено нахлестывая себя хвостом по бокам, грозно щерился теперь на подбегавших со всех сторон охотников.

Крыша клетки, как и ее стенки, была решетчатой, — в первый миг, пока зверь не утвердился наверху, одна из его задних лап провалилась между двумя жердями, едва не задев голову стоявшей внизу Фатимы, которая в ужасе повалилась лицом в землю и осталась в таком положении, громко бормоча молитвы. Хатедже, пережившая самый сильный испуг в тот момент, когда тигр готовился к прыжку, — как она думала, на Карач-мурзу, — теперь, наоборот, быстро приходила в себя и со смесью страха и любопытства глядела снизу на белое брюхо зверя и на громадные когти, вцепившиеся в настил крыши. До страшных полосатых лап она без труда могла бы достать рукой.

— Назад! — крикнул Карач-мурза подбегавшим людям. — Если вы подойдете близко, юлбарыс перепрыгнет через ваши головы и уйдет. Всем оставаться на своих местах!

Цепь подалась назад, а Карач-мурза, подойдя к ней, взял у одного из воинов лук и, воткнув свое копье в землю, стал целиться в тигра, голова которого была повернута прямо к нему. Видя, что собирается стрелять царевич, больше никто не стрелял, и зверь, несколько успокоившись, стоял неподвижно, шипя, как разъяренный кот, и в то же время высматривая место, где легче было бы прорваться сквозь окруживших его людей.

Хотя расстояние не превышало десятка шагов, Карач-мурза целился тщательно, — он давно не стрелял

из лука. Если попасть в глаз, тигр будет убит на месте, если нет, — он спрыгнет вниз и успеет задрать несколько человек, прежде чем его убьют. А зверь, уже понявший, откуда ему сейчас грозит самая страшная опасность, не отрывая взгляда от целящегося в него человека, медленно приседал, готовясь к прыжку.

Он прыгнул в тот самый момент, когда отделившаяся от тетивы стрела, молнией прорезав воздух, глубоко ушла ему в правую глазницу. Однако, в прыжок была вложена вся, еще ничем не ослабленная сила могучего хищника, и его уже агонизирующее тело грузно шлепнулось на то место, где стоял Карач-мурза, едва успевший отпрянуть в сторону. Меткий удар копья прикончил зверя, который еще пытался вскочить и броситься на стоявших вблизи людей.

— Ну, как, ханум? — с улыбкой спросил Карач-мурза, открывая дверцу клетки и помогая женщинам выйти наружу. — Что тебе говорил юлбарыс, когда остался с тобою вдвоем?

— Ох, оглан!... Он говорил: скажи всем другим женщинам, чтобы они лучше не смотрели, как охотятся на нас, юлбарысов!

— Ты очень испугалась, ханум?

— Я не за себя испугалась, оглан, я сразу поняла, что в клетке меня юлбарыс не достанет. Но когда я увидела, что он хочет броситься на тебя... и уже присел, а ты стоял один...

— То ты, наверное, подумала: ехать еще так далеко, а кто теперь будет рассказывать мне всякие интересные истории?

— Ты еще смеешься, оглан! А я...

— Что, ханум?

— Я только молилась, чтобы Аллах защитил тебя.

— Спасибо, маленькая ханум. И пусть шкура этого юлбарыса, которую я прикажу для тебя выделать, всегда напоминает тебе о том, что Аллах услышал твою молитву.

ГЛАВА 9

«Бухара была обителью славы, Каабой владычества и местом пребывания самых выдающихся людей своего времени».

Абу-Мансур Саалиби,
арабский писатель 11 в.

Шесть дней спустя, отряд ордынского посла подошел к Ургенчу, вернее к тому месту, где еще недавно стоял этот огромный и богатый город. Тут Карач-мурза воочию убедился, что слухи о том беспощадном разрушении, которому предал его Железный Хромец, отнюдь не преувеличивали действительности. Взорам его представилось необозримое поле безжизненных развалин, местами громоздившихся высокими, грязно-желтыми грудами, а кое-где разровненных и поросших чахлым кустарником и травой. Несколько сот семейств, уцелевших из двухсоттысячного населения Ургенча, жили в юртах, за чертою разрушенных до основания городских стен. Не осмеливаясь нарушить страшный приказ Тимура, они боялись отстраивать свои жилища или даже воспользоваться чем-либо из развалин.

С трудом отыскивая путь среди хаотических нагромождений глины и камня, Карач-мурза пробрался в центр мертвой столицы Хорезма, еще несколько лет тому назад блиставшей своим великолепием и бывшей одним из главных оплотов умственной жизни Азии. С содроганием в душе, по этим жутким останкам он старался восстановить в памяти прежний облик прекрасного города, взлелеявшего его юность. Вот здесь, на

этой площади, покрытой ровным слоем мелких, перемешанных с песком и поросших полынью обломков, стоял дворец его тестя, эмира Аслана Суфи... Вот развалины мечети, в которой почти тридцать лет тому назад венчали его с Наир. Ее изумительный минарет, — самый высокий в Азии, — стоит на месте. Только он, да непревзойденный по красоте мазар[1]) Тюрабек-ханум остались нетронутыми, — очевидно на эти замечательные памятники мирового зодчества все-таки не поднялась рука безжалостного деспота, или убоялся он возмездия Аллаха за поругание таких святынь.

Проехав еще немного, Карач-мурза остановил коня на том месте, где стоял прежде его собственный дом. Теперь о нем напоминали только поваленные колонны, кое-где еще покрытые остатками мозаики, да полуразрушенный портал, за которым виднелся засыпанный мусором изразцовый хаус[2]), с выросшим из него кустом бузины. Большая зеленая ящерица, уставив на всадника черные зернышки глаз, неподвижно сидела на обломке дорогой румийской[3]) вазы, некогда украшавшей айван[4])...

«И все это сделано злою волей только одного человека, — думал Карач-мурза, с сердцем полным грусти и возмущения выезжая из этого царства руин и смерти. — Не зря говорят, что там, где ступила нога Тимура, три года не растет трава!»

Переправившись возле Ургенча через Аму-Дарью, отряд восемь дней шел по ее правому берегу, а затем свернул на восток и, миновав несколько оазисов, разбросавшихся в безводных песках, еще через пять дней подошел к Бухаре. Карач-мурза бывал здесь уже не

---

[1]) Мазар — мавзолей, усыпальница.
[2]) Хаус — бассейн, небольшой искусственный водоем.
[3]) Румом на Востоке называли Византию.
[4]) Айван — арочный проход, связанный с порталом, нечто вроде вестибюля.

раз и хорошо знал историю этого края по книге бухарского ученого Ниршахи[1]) и по более поздным трудам арабских и персидских историков.

Город Бухара, прежде носивший название Нумиджкета, был основан здесь в глубокой древности, — еще в те времена, когда область, лежащая между Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей, называлась не Мавераннахром[2]), а Согдианой. Первые, дошедшие до нас письменные упоминания об этом городе относятся к началу христианской эры, но археологи установили, что нынешняя Бухара стоит на развалинах города гораздо более древнего, возникшего, по крайней мере, на тысячу лет раньше. В третьем веке Бухара была уже крупным центром, а в шестом она, несомненно занимала первенствующее положение в Согдиане, ибо тюркский завоеватель Шири-Кишвар, покоривший в это время значительную часть Средней Азии, именно Бухару сделал своей столицей и обнес ее мощными стенами.

История этого края протекала чрезвычайно бурно. На смену тюркским завоевателям вскоре пришли китайские, потом тюркский каганат снова ненадолго восстановил свое владычество, а в начале восьмого столетия тут уже утвердили свою власть арабы. Время их господства, длившееся сто семьдесят лет, изобиловало бесчисленными восстаниями и религиозными войнами. Пришедший с Арабами ислам насаждался силой, встречая яростное сопротивление со стороны приверженцев издревле существовавшего тут культа Зороастра и занесенного сюда китайцами буддизма.

В конце 9 века власть над Мавераннахром перешла к персидской династии Саманидов, которые правили здесь полтора столетия. Это был период пышного расцвета и относительного спокойствия: Саманиды умели избегать ненужных войн, навели в стране порядок,

---

[1]) Ниршахи (899-959 гг.) автор «Истории Бухары».

[2]) Мавераннахром, — что по-арабски значит «заречье», — эту страну назвали в 8 веке покорившие ее арабы.

окончательно утвердили в ней ислам, отстроили многие пришедшие в упадок города и не жалели средств на развитие ремесла, торговли и науки. Знаменитый бухарский ученый Абу Ибн-Сина[1]) описывает библиотеку Саманидов в таких выражениях:

> «Здесь было множество комнат с бесчисленными сундуками, доверху наполненными книгами, написанными на разных языках. Каждая комната соответствовала одной из наук. Я видел тут такие книги, которые многим ученым не были известны даже по названию. Мне никогда, — ни прежде, ни после, не приходилось видеть подобного собрания книжных сокровищ.»

К концу правления Саманидов, Мавераннахр превратился в могущественное государство, распространявшее свою власть на все соседние земли, от берегов Персидского залива до предгорий Тянь-Шаня. Бухара стала огромным и богатым городом, оплотом среднеазиатской культуры и ученой мысли. В это время прочными стенами был обнесен не только ее центр, Шахристан, но и выросший рядом торгово-ремесленный пригород, раббад.

Однако расцвет был недолгим: в конце десятого века между Саманидами вспыхнули кровавые усобицы, которые привели к тому, что их империя пала под ударами тюркских кочевых племен, объединенных династией Караханидов. Тюркский хан Илек-Насер въехал победителем в Бухару и, низложив последнего Саманида, Абд-Ель-Мелика, воцарился в Мавераннахре. Но власть Караханидов оказалась непрочной, и страна теперь быстро идет к упадку. Каждые несколько десятков лет, сменяя друг друга, приходят новые завоеватели: турки-сельджуки, кара-китаи, хорезмийцы и, наконец, монголы.

В феврале 1220 года Чингиз-хан, со своим войском, появился под стенами Бухары. Для бухарцев это было

---

[1]) Он больше известен европейцам под своим искаженным именем Авиценна.

почти полной неожиданностью, и город не был подготовлен к обороне. Большая часть его тридцатитысячного гарнизона, сделав удачную вылазку, во главе со своим правителем Инчи-ханом, прорвалась сквозь ряды неприятеля и ушла в Хорезм, остальные на третий день сдались. Только небольшая горсть храбрых заперлась во внутренней цитадели и защищалась еще двенадцать дней. Это героическое, но бесполезное сопротивление дало победителям повод жестоко расправиться с Бухарой: город был разграблен и сожжен, а большинство жителей перебито или уведено в рабство.

Отсюда, Чингиз-хан, сметая все на своем пути, двинулся к Самарканду и в начале 1221 года осадил его. Самарканд — крупнейший город Мавераннахра — был очень хорошо укреплен и к тому же имел достаточно времени, чтобы подготовиться к обороне. Его гарнизон, насчитывавший более ста тысяч воинов, был снабжен всем необходимым для того, чтобы выдержать длительную осаду и даже имел на вооружении устрашающую новинку — двадцать боевых слонов, полученных из Индии. Но дух этого гарнизона был подорван известиями о всех предыдущих победах Чингиз-хана и молвою о его непобедимости.

Все же первый приступ татар был успешно отбит. Но когда, три дня спустя, большой отряд осажденных сделал вылазку и был полностью уничтожен, городские власти вступили с Чингиз-ханом в переговоры и сдали город. Но если самаркандская знать при этом рассчитывала поладить с жестоким завоевателем, то простой народ знал, что в лучшем случае его ожидает разорение и рабство. И потому многие тысячи горожан не пожелали положить оружие: они заперлись в крепости Афросиаб, — внутренней цитадели города, и долго еще защищались. Но когда их сопротивление было, наконец, сломлено, — Чингиз-хан в отместку приказал разрушить Самарканд до основания. Из ста шестидесяти тысяч городского населения, пощаду получила только четвертая часть. Шестьдесят тысяч было перебито, и столько же уведено в рабство.

Вслед за Самаркандом очень скоро пали и все другие крепости Мавераннахра, и в Средней Азии прочно утвердилось господство монголов. Цветущая и благоустроенная страна была опустошена, города ее лежали в развалинах, обширнейшая оросительная система была разрушена, население наполовину уничтожено, и всякая умственная жизнь погашена.

Менее других пострадавший город Ходжент сделался резиденцией правителя Мавераннахра, — богатого купца Махмуда Ялавача, назначенного на этот пост Чингизом. Бухара и Самарканд оставались в запустении целое столетие и начали оживать только тогда, когда царствовавшие здесь потомки хана Чагатая[1]), усвоив ислам и местную тюркскую культуру, поняли преимущества оседлой жизни и начали восстанавливать хозяйственную жизнь страны. Но полного расцвета эти города, — в особенности Самарканд, — достигли уже под властью Тимура, утвердившегося здесь в 1369 году.

Всеми этими сведеньями, дополнив их различными преданьями и легендами, Карач-мурза, — как уже вошло у него в обычай, — успел поделиться с Хатедже еще до того, как отряд приблизился к Бухаре и разбил стойбище подле нее, на берегу Зеравшана. Здесь предстояло задержаться на целую неделю, так как захромал один из девяти бесценных коней, которые шли в подарок Тимуру, и нужно было подлечить его. Таким образом, времени для осмотра Бухары было достаточно, и в течение следующих дней Карач-мурза показал никогда не бывшей тут Хатедже все достопримечательности древней столицы Мавераннахра.

Город был обнесен глинобитной зубчатой стеной, имевшей одинадцать ворот и около ста тридцати небольших полукруглых башен. При общей протяженности в двенадцать верст, эта стена нигде не была ниже четырех сажень, а в толщину имела около двух, что

---

[1]) Чагатай — второй сын Чингиз-хана, которому при разделе империи достался Мавераннахр.

делало Бухару одною из сильнейших крепостей того времени.[1])

Обширное пространство, замкнутое этими стенами[2]), было застроено так тесно, как ни один другой город Средней Азии. Поэтому население его было очень велико, но постороннему наблюдателю оно казалось еще больше, так как бухарцы имели обыкновение почти всю свою жизнь проводить на улицах, базарных площадях и в чайханах, наполняя город сутолокой, шумом и разноголосым гамом. Эта особенность Бухары издревле обращала на себя внимание иностранцев, и еще в десятом веке арабский путешественник Абу Исхак Аль-Истахри писал: «нет ни в Хорасане, ни в Мавераннахре города более густо застроенного, чем Бухара, и кажется, что ее шумному населению нет числа.»

Немощеные улицы были кривы и узки, — в центральной части города их ширина не превышала двух сажень, а на окраинах они превращались в узкие щели, где не всегда могли разминуться два вьючных осла. Некоторые, более широкие перекрестки были накрыты низкими куполообразными крышами, а там, где сходилось сразу несколько улиц, образуя небольшую площадь, — вокруг нее шло кольцо мелких «куполов», на которые опирался большой, центральный. Под этими крышами располагались чайханы и базары. Тут порою едва можно было протиснуться сквозь толпу людей, толкающихся вокруг лотков с овощами, фруктами и рыбой или обступивших будки и ларьки ремесленников, торгующих своими изделиями.

В непосредственной близости от таких базаров стены домов тут и там пестрели развешанными на них за-

---

[1]) Эта стена была выстроена по повелению хана Чагатая на месте прежней, разрушенной Чингизом. Она почти без изменений сохранилась до наших дней.

[2]) Бухара занимала площадь около 670 гектаров. Для сопоставления укажем, что самый обширный из городов Руси того времени — Великий Новгород, с пригородами занимал пространство почти вдвое меньшее, а Москва 14 века, с посадом, имела площадь около восьмидесяти гектаров.

мечательной работы коврами, которыми на весь мир славилась Бухара, а среди проходивших мимо людей сновали предприимчивые зазывалы, громкими криками расхваливающие свой товар. На главной площади, Регистане, и в сорока городских караван-сараях торговали уже купцы побогаче, — свои и заезжие, — и тут можно было купить все, что производила Азия, начиная с китайских шелков и великолепных бухарских тканей[1]), и кончая драгоценным дамасским оружием и индийскими самоцветами.

Через город протекал большой, обсаженный тополями арык Шахри-Руд с перекинутыми через него красивыми мостами и со множеством отводов, идущих к двум или трем десяткам внутренних прудов, из которых жители брали воду. Вокруг этих прудов были разбиты сады и высились тенистые деревья, маня своей прохладой изнывающего от зноя прохожего. Но вода в них была грязная, подернутая зеленоватой цвелью, и служила источником многих болезней, а иногда и опустошительных эпидемий, которым способствовала царящая здесь жара и свойственная почти всем азиатским городам загрязненность улиц. Низкие, почти сплошь одноэтажные дома с плоскими крышами, как бы отворачиваясь от этой грязи, выходили на улицу глухими стенами, а окнами — на небольшие, со всех сторон огороженные внутренние дворики.

Дома победнее были сделаны из глины или из самана, а все более крупные строения из обожженного кирпича. Кирпич и кирпичный цвет были характерны для Бухары, — ими определялся весь внешний облик города. Из кирпича тут были выстроены дворцы, мав-

---

[1]) Ниршахи в своей «Истории» пишет: — «В Бухаре делали ковры такого высокого качества, как нигде в мире. Таковы же были и бухарские ткани, которые вывозились в Египет, Сирию и Рум, и не было царя, эмира или знатного вельможи, который бы не употреблял их для своих одеяний».

золеи, общественные здания и бани, десятки медресе[1]) и мечетей, и тысячи жилых домов, — причем кирпич служил здесь не только строительным, но и отделочным материалом.

Лучшим образцом такой постройки является один из самых замечательных архитектурных памятников Бухары, — мавзолей Саманидов, построенный в конце девятого или в начале десятого века. Это сравнительно небольшое здание, имеющее форму куба, увенчанного полушарием купола. Оно имеет четыре совершенно одинаковых фасада, — ни одна его стена ничем не отличается от трех других. Посередине каждой из них — широкий вход со стрельчатым порталом; по углам — вжатые в строение круглые, сверху донизу орнаментированнные колонны; наверху, — во всю ширину стены, легкая арочная галлерейка с окнами-нишами, над нею пояс фигурного орнамента и большой купол, без всякого барабана, — как бы поставленный прямо на плоскость крыши, а на углах четыре маленькие, закругленные сверху башенки.

Постройка, включая и купол, целиком сделана из обожженого кирпича, но вся его внешняя кладка — это сплошной и неповторимый по своему изяществу орнамент: тут кирпич положен и плашмя и на ребро, горизонтально, вертикально и косо, в елочку, в звездочку и в диск, местами он образует решетку, лестничку или замысловатую вязь, покрывая все здание узорами удивительной красоты и легкости. Это поистине архитектурный гимн кирпичу, — в смысле художественного использованья этого материала мавзолей Саманидов служит памятником, не знающим себе равных, и, как полагают, является отражением древнего зодчества Согдианы. Еще более разнообразен и гармоничен этот кирпичный орнамент, покрывающий внутренние стены и свод мавзолея.

---

[1]) Медресе — школы, некоторые из которых носили характер высших учебных заведений.

Другою достопримечательностью Бухары был минарет Калян, построенный в 12 веке по повелению хана Арслана и вздымающийся над городом на высоту свыше тридцати сажень.[1]) Он замечателен как по своему техническому расчету, так и по архитектурному исполнению. Форма его — кругло-коническая; наверху фонарь-ротонда, с шестнадцатью стрельчатыми окнами; над нею — несколько расширяющийся кверху пояс орнамента и плоская крыша, увенчанная белым конусом, в виде сахарной головы.

Весь минарет тоже сложен из кирпича, а облицовка его состоит из всевозможных фигурных кирпичиков, образующих тридцать поясов художественного и весьма разнообразного орнамента, снизу доверху покрывающего все строение.

Рядом с минаретом находилась обширная и уже довольно обветшалая мечеть с овальным куполом, покрытым синей глазурью, а по другую сторону — знаменитейшая на весь мусульманский Восток медресе. Кроме нее, в городе имелось свыше тридцати других, и каждую из них можно было сразу опознать по фасаду, характерному для всех медресе Бухары и Самарканда: в его центре непременно находились очень высокие ворота под стрельчатым порталом, вделанные как бы в поставленную на торчок гигантскую книгу. Эта «книга», также, как и весь проем входа, обычно бывала художественно орнаментирована фигурными кирпичиками, изразцами или цветными терракотовыми плитками. Иногда с боков к ней примыкали круглые колонны-башни, тоже искусно изукрашенные. Вправо и влево от этих ворот тянулись стены здания со стрельчатыми нишами-окнами в один или два ряда.

Величественно выглядел грозный Арк, — внутренняя цитадель, возникшая значительно раньше самого города. По преданию, этот своеобразный кремль Бухары был построен тут в незапамятные времена царем

---

[1]) Первый построенный тут минарет был значительно выше, но он рухнул, и на его месте выстроили новый.

Сиавушем, героем многих среднеазиатских легенд. Позже его не раз восстанавливали из развалин и расширяли другие правители Согдианы и Мавераннахра. Он стоял на плоской вершине искусственно насыпанного холма, с почти отвесными шестисаженными склонами, по верху которых шла кирпичная зубчатая стена протяжением в полторы версты[1]).

В Арке помещались дворцы монарха и высшей знати, некоторые общественные здания, мечети, пруды и парки. Главный вход в него был с площади Регистан, — монументальные стрельчатые ворота, зажатые между двумя высокими круглыми башнями; над воротами — квадратный каземат с бойницами, а еще выше — крытая терасса, с которой правитель Бухары в торжественных случаях показывался своему народу.

Настоящими крепостями, с башнями, бойницами и наблюдательными вышками, — казались также некоторые караван-сараи, иногда занимающие целые кварталы. Было в городе и множество мечетей, иные из них поражали своим величием и архитектурным совершенством, но немало встречалось и совсем невзрачных. Древнейшей и красивейшей из них была мечеть Магоки-Аттар, построенная в девятом столетии на развалинах прежде стоявшего здесь языческого храма богини луны.

Несколько мавзолеев замечательной архитектуры и огромная мечеть Намазга, предназначенная для всенародных праздничных молений, находились за чертою города, и наши путники осмотрели их пятью днями позже, когда, покинув свою стоянку у Бухары, они тронулись дальше, по дороге на Самарканд.

---

[1]) Арк Бухары занимал почти такую же площадь, как московский Кремль Дмитрия Донского.

ГЛАВА 10

«Аллах пожелал осчастливить бедняка: спрятал его осла, а потом помог найти.»

Восточная пословица.

Путь шел теперь все время долиной реки Зеравшана, по густо населенной местности, изрезанной множеством арыков и представляющей собой сплошной оазис. Но в это время года он выглядел довольно неприветливо: было начало января, — самый разгар короткой среднеазиатской зимы. Краски земного покрова поблекли, степь омертвела, лишь холодные ветры, озоруя, гоняли по ней свалявшиеся в шары колючки, свирепо трепали оголенные ветви деревьев и до костей пронимали путника своей леденящей назойливостью.

Короткость зимнего дня, холода и скудность кормов на пастбищах не позволяли теперь отряду делать переходы длиннее четырех фарсахов, а однажды ночью выпал снег, поверхность Зеравшана подернулась льдом и дальше пришлось двигаться еще медленнее. Но это продолжалось недолго. И когда, через две недели по выступлении из Бухары, отряд подходил к Самарканду, снега уже не было и в помине, легко разорвав свои непрочные ледяные оковы свободно струились воды реки и арыков, а в потеплевшем ветре чуялась близость весны.

В двух фарсахах от Самарканда, — у развалин замка Кешк-Алкама, построенного здесь еще во времена арабского владычества, отряд остановился на короткий отдых. Тут, среди тенистых деревьев, окружающих полуобвалившиеся стены некогда величественного зда-

ния, обычно останавливались на последний привал идущие из Бухары караваны. Но были здесь и постоянные жители: чуть в стороне от дороги полукругом стояло пять или шесть невзрачных лачуг, в которых ютилось несколько крестьянских семейств, занимавшихся разведением винограда. В самом замке, несмотря на то, что некоторые его помещения сохранили крышу, не жил никто. В народе говорили, что последнему ее владельцу, — какому-то благочестивому шейху, — разбойники отрубили голову в то время, как он совершал намаз[1]). Похоронили его тут же, в саду, но с той поры, едва кто-нибудь останавливался в этом помещении на ночь, шейх вставал из могилы и до рассвета бродил по замку, держа в руках свою окровавленную голову.

Карач-мурза знал это предание и потому был несколько удивлен, увидев теперь в развалинах множество каких-то оборванцев, по-видимому здесь поселившихся. Перед главным входом стояло несколько кибиток и большой шатер, возле которого сидело у костра с десяток воинов. Подозвав одного из них, Карач-мурза узнал в чем дело: оказывается, по распоряжению Тимура, большая партия пленных-рабов рыла поблизости новый арык, и начальник приставленной к ним стражи, отнюдь не озабоченный спокойным сном своих поднадзорных, разместил их в стенах замка. Свой шатер он из благоразумия поставил снаружи.

— Ну и что? — с любопытством спросил Карач-мурза. — Приходит к ним по ночам мертвый шейх?

— Нет, благородный эмир, — ответил воин, — ни разу не приходил. Шейх был богатый и почтенный человек, он, наверное, не хочет унижать свое достоинство и топтаться ночью среди этих грязных ослов.

Люди Карач-мурзы тем временем, насобирав поблизости сухих колючек и хвороста, разожгли костры и принялись готовить себе еду. Был обеденный час, и пленники-землекопы во дворе замка занимались тем

---

[1]) Намаз — обычная мусульманская молитва, совершаемая несколько раз в день, в определенные часы.

же. Среди них было немало татар, захваченных Тимуром в последних войнах, а потому едва стало известно, что остановившийся здесь отряд идет из Орды, несколько человек, отделившись от остальных, приблизились к ближайшему костру, возле которого, в предвкушении трапезы, расположился десяток Салеха.

— Туганнарча селям[1]), — сказал подошедший первым, кланяясь и прикладывая руку ко лбу и сердцу. — Да будет благословен Аллах, позволивший нам еще раз увидеть наших свободных братьев!

— Алейкюм салям, — ответил Салех. окидывая говорившего внимательным взглядом. Он не увидел, а скорее понял, что стоявший перед ним высокий и крепко сложенный человек был еще молод, хотя висевшие на нем лохмотья, страшная худоба и давно не бритое лицо старили его на много лет. — Ты татарин?

— Да, абый. Я был десятником в войске нашего повелителя, великого хана Тохтамыша, да поможет ему Аллах покорить всю землю. В битве под Яссами, раненый, я попал в руки врагов и вот уже два года живу в неволе, завидуя каждой пробегающей мимо собаке, ибо если ее и бьют, как меня, то хоть не заставляют работать.

— Почему же ты не бежал?

— Я два раза бежал, абый. Оба раза меня поймали, и сам я не знаю, как выжил после всех полученных побоев. Когда будет случай, побегу и в третий раз, хотя теперь уже меня просто убьют, если схватят.

— Я думаю, что в третий раз тебе не придется бежать, — сказал Салех, с участием взглянув на собеседника: — наш начальник, сиятельный оглан Карач-мурза, едет послом великого хана к великому эмиру и ведет с собой всех пленных, которых мы взяли под Яссами. Великий хан, желая мира, возвращает их Тимурбеку, и Тимур-бек, наверное, теперь отпустит всех вас.

— Да прославится великий Аллах, и да пошлет он тебе долгую и счастливую жизнь за эту отрадную весть, абый! — воскликнул просиявший пленник. —

---

[1]) Туганнарча селям — братский привет.

Значит, я еще буду пить воду из родного Джаика и увижу, как восходит солнце над Сараил-Джадидом!

— Так ты родом из Сараил-Джадида? По пути сюда мы проходили через этот город. Да ты садись с нами, сейчас будет готова еда.

— Благодарю, абый, но мне нельзя садиться: стража смотрит за нами во все глаза. Нам позволили только подойти к вашему костру и узнать новости.

— Что же ты хочешь знать?

— Все ли спокойно в Сараил-Джадиде, абый? Не нападали на город какие-нибудь враги, и не было ли там пожара или других больших бедствий?

— Все там, благодарение Аллаху, благополучно, и никаких несчастий не было, если ты не считаешь несчастьем того, что наш преславный начальник Карач-оглан по пути прогнал вашего ясакчи Халила и повелел хакиму поставить на его место другого.

— Да живет тысячу лет справедливый и мудрый Карач-оглан! Теперь наш город вздохнет свободно, избавившись от этого змея. Что же такое он сделал?

— Он преследовал и несправедливо осудил на смерть одну молодую женщину. Узнав об этом, Карач-оглан велел освободить ее и прогнал Халила.

— Наконец-то этот похотливый пес получил по заслугам! Все мы его хорошо знали и только теперь, после того, что ты сейчас рассказал, я буду спокоен за свою Фатиму...

— Это имя твоей жены — Фатима? — спросил Салех, быстро поднимая голову. — А тебя самого как зовут?

— Я Нух, сын Улу-Исхака, абый.

— Нух! — воскликнул Салех, вскакивая на ноги. — Тогда идем со мной! Тут есть один человек, который тебя знает и которого ты, наверно, рад будешь увидеть.

— Я не могу идти с тобою, абый! Начальник нашей стражи за это переломает мне все кости.

— Ничего не бойся! За тебя заступится сам Карач-оглан. Идем!

С этими словами Салех схватил Нуха за руку и повлек за собой. Оставив его стоять в нескольких ша-

гах от кибитки, в которой помещались служанки ханум Хатедже, сам он прошел вперед и, слегка раздвинув края кошмы, что-то тихо сказал.

А минуту спустя из кибитки вышла Фатима и, узнав мужа, со слезами бросилась к его ногам.

***

Когда Карач-мурза приказал позвать к себе начальника стражи и объявил ему, что хочет выкупить Нуха, тот сначала заупрямился.

— Я не могу этого сделать, хотя мне и хотелось бы угодить тебе, благородный эмир, — твердил он. — Этот раб не принадлежит мне. Я получил людей по счету и за каждого из них отвечаю перед своим начальством.

— Ну, а если бы он умер? — спросил Карач-мурза. — Наверное при такой тяжелой работе у тебя умирает немало людей.

— Когда умирают, это другое дело, эмир. Но если я отпущу или продам пленника, на меня обязательно донесет кто-нибудь из моих подчиненных, потому что многие из них ждут случая занять мое место.

— Ты скорее потеряешь свое место, если будешь упорствовать. За этого раба просит сама пресветлая ханум Хатедже, племянница великого эмира Тимур-бека, которая едет со мной.

— Племянница великого Тимур-бека, да вознесется шатер его славы до самого неба! — воскликнул пораженный начальник стражи. — Почему ты мне сразу этого не сказал, сиятельный эмир? Тогда бы я тоже сразу сказал тебе: бери этого человека, сиятельный эмир! И да усыплет Аллах цветами счастья дальнейший путь благородной ханум Хатедже, племянницы нашего великого повелителя!

***

Нуху все случившееся в этот день казалось сном. Утром — несчастнейший из рабов, оборванный, голодный и уже потерявший надежду на лучшую долю, к

вечеру он стал свободным человеком, нукером могущественного и славного Карач-оглана. Он снова был сыт, хорошо одет, получил прекрасного коня и оружие, а что самое главное и удивительное, — здесь, в этой чужой стране соединился с любимой женой, которую уже не чаял когда-нибудь увидеть. Воистину велик Аллах, если он может творить такие чудеса!

Несколько дней спустя, сидя с Фатимой под деревом, в стороне от остановившегося на ночлег отряда, Нух любовно гладил руку жены и говорил:

— Скажи мне, Фатима: это правда, что мы еще живы и находимся на земле? Или, может быть, мы оба умерли и теперь встретились в садах Аллаха?

— С тобою мне здесь не хуже, чем в садах Аллаха, мой Нух! Я думаю, что мы не умерли, и что только теперь начнется наша настоящая жизнь!

— Ты сказала истину! И теперь мы всегда будем вместе. Я останусь на службе у Карач-оглана, потому что это самый лучший князь на земле. Он спас тебе жизнь, он привел тебя ко мне и меня он тоже спас, Фатима! Когда он поедет назад, ты уйдешь от ханум Хатедже и мы вместе возвратимся в Орду.

— Ханум Хатедже тоже очень добра, и мне у нее хорошо. Мне не хочется уходить от нее, Нух.

— Значит, ты не хочешь быть со мной?

— Как можешь ты это говорить, Нух! Я сказала только, что не хочу покидать ханум Хатедже.

— Тогда, чтобы быть с тобою вместе, мне надо покинуть Карач-оглана? Но это невозможно, Фатима. Я не могу заплатить ему такой неблагодарностью!

— Тебе не нужно покидать Карач-оглана, Нух. И мне не нужно покидать ханум Хатедже. Надо только подождать немного. Если я не совсем глупа и что-нибудь понимаю, мы и так сможем быть всегда вместе.

ГЛАВА 11

> «Самарканд большой и очень красивый город. Здесь столько виноградников и садов, что, подъезжая, видишь сначала как бы лес из тенистых деревьев и, потом, внутри его обнаруживается самый город.»
>
> Маркиз Руис Гонсалес де Клавихо,
> посол кастильского короля к Тимуру.

Город Самарканд, — в древности Мараканда, — по времени своего возникновения является, вероятно, самым старым из всех городов, вошедших в состав Российской державы.По преданьям он был основан полулегендарным царем Афросиабом[1]) более чем за три тысячи лет до начала христианской эры. Возможно, что это несколько преувеличено. Но во всяком случае в 329 году до Р. Х., когда Самаркандом овладел Александр Македонский, это был уже большой и превосходно укрепленный город. Римский историк первого века, Квинт Курций Руф, пишет, что он был обнесен стеной общим протяжением в семьдесят стадий[2]) и что за этой стеной было еще и внутреннее укрепление.

Географическое положение города было исключительно удачно: он был окружен чрезвычайно плодородными землями и лежал на пересечении главных караванных путей того времени, идущих из Индии, Китая,, Персии и Хорезма. Все это способствовало пыш-

---

[1]) Древнее городище, с восточной стороны примыкающее к нынешнему Самарканду, и сейчас носит название Афросиаб.

[2]) Стадия — около ста сажень.

ному развитию земледелия и торговли, привлекая сюда множество народу и обеспечивая Самарканду быстрый рост. По количеству населения и по величине, он всегда был первым городом Мавераннахра, — даже в те периоды истории, когда столицей государства бывала Бухара.

По свидетельствам арабских историков 10-12 столетий[1]) можно заключить, что в их времена самый город Самарканд, то-есть его центральная часть — Шахристан, занимал огромную площадь в несколько тысяч десятин и был опоясан стеною протяжением около шестидесяти верст. К нему примыкало обширное предместье — раббад, тоже защищенное мощными укреплениями. Стены города, также как и все его ворота, были двойными.

Не в пример чрезвычайно уплотненной Бухаре, Самарканд был построен просторно, здесь в огороженное стенами пространство входило множество садов и виноградников. Но все же городское население его было очень велико: по данным китайского историка Чань-Чуня, перед нашествием Чингиз-хана тут насчитывалось около ста тысяч семейств, то-есть не менее четырехсот тысяч жителей.

Самарканд в это время был огромным торгово-промышленным центром, безусловно самым крупным во всей Средней Азии. Знаменитый арабский географ Макдиси оставил нам довольно подробный перечень товаров, которые вывозились из Самарканда. Сюда входят парча и ткани, преимущественно хлопчатобумажные; в большом количестве шелк, который по качеству не уступал китайскому: овечья и козья шерсть, ножницы и иголки; резные серебряные кубки, медные котлы и другая посуда; оружие, — в особенности луки и колчаны; походные шатры, кибитки, седла, шорные изделия и металлические части сбруи; кожи, виноград, фрукты, орехи и т. д. Но едва ли не самым важ-

---

[1]) Аль-Хамадани, Аль-Истахри, Ибн-Хаукаль, Аль-Несефи и др.

ным, — во всяком случае в культурном своем значении, — предметом вывоза являлась писчая бумага.

Секрет ее изготовления самаркандцы узнали в середине восьмого столетия от захваченных в плен китайских мастеров. В дальнейшем они усовершенствовали и упростили ее производство, опередив в этом отношении китайцев. Для развития культуры Средней Азии это обстоятельство сыграло исключительную роль, ибо благодаря ему к концу десятого века в мусульманских странах сравнительно дешевая бумага совершенно вытеснила папирус и пергамент, что способствовало бурному росту письменности и распространению научных знаний. Каждый, даже обладавший весьма скромными достатками ученый, мыслитель, философ, путешественник или поэт получил возможность записывать то, что он знал или создал, чем значительно облегчалось блестящее развитие арабской культуры средневековья. Европа же, которая и в интеллектуальном отношении стояла тогда гораздо ниже мусульманского Востока, в течение еще трех веков пользовалась пергаментом, по своей цене мало кому доступным. Тут, для того, чтобы создать новое письменное произведение, нередко уничтожалось старое, которое просто соскабливали с пергамента, дабы использовать его вторично.[1])

Ныне мало кто из европейцев правильно представляет себе истинное соотношение культурных сил средневековых Востока и Запада. В нашей памяти, в лучшем случае, сохранился десяток арабских имен, которым, на первый взгляд, нетрудно противопоставить гораздо большее количество имен европейских. Но это объясняется только неосведомленностью. На самом же деле, если сохранившиеся письменные памятники средневековой Европы исчисляются десятками, то дошедшие до нас труды представителей мусульманского Во-

---

[1]) Секрет изготовления бумаги от арабов узнали крестоносцы и в Европе она начала входить в употребление в конце 13 века.

стока исчисляются тысячами, и среди них есть немало подлинно гениальных. В этом заметную роль сыграла самаркандская бумага.

Широкое развитие торговли и промышленности Самарканда накладывало на все его население совершенно особый отпечаток: ремесленный и торговый люд имел здесь большую силу, которую всегда мог использовать для защиты своих жизненных интересов. Власти вынуждены были с этим считаться, ибо на всякое увеличение налогов и торговых пошлин или чрезмерный произвол должностных лиц, население города обычно отвечало мятежами, подавить которые бывало нелегко, так как это население было чрезвычайно многочисленно и поголовно вооружено. Может быть именно потому многие правители Мавераннахра предпочитали держать свою столицу в более спокойной и патриархальной Бухаре.

В 1221 году Самарканд был взят и безжалостно разрушен ордою Чингиз- хана. По приказу грозного завоевателя были срыты городские стены, обращены в развалины все крупные здания, кроме имевших религиозное значение, уничтожен Арзис, знаменитый свинцовый водопровод, который снабжал водою весь Шахристан, выжжены базары и караван-сараи и уведены в плен все ремесленники. Кроме того, во время военных действий были разрушены многие плотины, что совершенно расстроило оросительную систему области.

Под властью монголов Самарканд, в котором теперь едва теплилась жизнь, пролежал в развалинах почти целое столетие, прежде чем царствовавшие здесь потомки хана Чагатая начали его восстанавливать. Но в этом направлении они успели сделать весьма немного, ибо начавшиеся между ними усобицы и бесконечные восстания тюркских эмиров препятствовали какой-либо созидательной деятельности.

В 1346 году пал последний чагатайский хан Казанбек, но борьба за верховную власть между местными

эмирами продолжалась еще свыше двадцати лет, покуда победителем из нее не вышел Тимур. В 1369 году он стал полным владыкой Мавераннахра и объявил Самарканд своей столицей.

С этого момента начинается быстрое восстановление города и полная его перестройка. Тимур не жалеет ничего, чтобы сделать свою столицу самой блистательной в Азии. Из всех завоеванных стран непрерывным потоком текут сюда награбленные сокровища, лучшие строительные и отделочные материалы, редчайшие произведения искусства, золото, драгоценная утварь и все, что может способствовать украшению столицы великого завоевателя. Из Индии, Персии, Сирии, Хорезма и других покоренных стран свозятся сюда лучшие зодчие, художники и мастера, сгоняются десятки тысяч рабов. Возводятся и украшаются невиданной по роскоши и изяществу отделкой величественные дворцы, мечети, мавзолеи и караван-сараи; разбиваются великолепные парки и пруды, во всех окрестностях проводятся новые дороги и арыки. На небывалую высоту поднимаются ремесло и торговля. Количество жителей снова возрастает до двухсот тысяч человек.

Работа кипела днем и ночью. И только при совершенно неограниченных возможностях Тимура и при его беспощадно-жестокой воле это колоссальное строительство удалось осуществить в столь короткий срок; к концу века Самарканд по своему великолепию и благоустройству смело мог потягаться с любой столицей мира. Окрестным селениям и пригородам Тимур умышленно дал названия самых крупных и прославленых городов Востока, — Багдада, Дамаска, Каира и других, — чтобы подчеркнуть их ничтожество по сравнению с Самаркандом.

ГЛАВА 12

> «Хвала Аллаху, который, — да возвеличится Его имя и да прославится всякое деяние Его, — вложил в счастливые руки эмира Тимура вожжи правления миром и ключи покорения и побед.»
>
> Гийас ад-Дин Али,
> персидский биограф Тимура.

Хатедже была в Самарканде лет пятнадцать тому назад, когда его перестройка только начиналась. И потому теперь, столько наслышавшись о здешних чудесах, воплощенных в жизнь волею ее грозного родича, она горела нетерпением их осмотреть. Из кибитки почти ничего нельзя было увидеть и потому, когда вдали показался город, она выразила желание пересесть на верховую лошадь, которая, по распоряжению Карач-мурзы, сейчас же была ей подана.

Сам Карач-мурза тоже более восьми лет не бывал в Самарканде и потому также ожидал увидеть тут много нового. Обогнав медленно движущийся отряд, они выехали вперед и поднялись на стоявшую чуть в стороне горку, с которой открывался хороший вид на расстилавшийся внизу город. И здесь их восхищенным взорам действительно представилась величественная картина.

Склон горы полого спускался к огромному саду, раскинувшемуся у ее подножья. Там всюду виднелись кущи вечно-зеленых деревьев, местами образующих тенистые аллеи, и цветники самой причудливой фор-

мы, разделенные желтыми линиями дорожек и лентами арыков, посеребренных лучами солнца. Среди густой зелени были рассыпаны летние дворцы с бьющими перед ними фонтанами, разноцветные шатры, искусственные водопады и воздушно-легкие беседки, каждая из которых была подлинным произведением искусства. А в середине сада, на берегу большого пруда, высился непередаваемо прекрасный павильон, будто перенесенный сюда из китайской сказки. Его матовая, — голубая с белым, — облицовка не отражала солнечных лучей, а как бы впитывала их в себя, заставляя все это изумительное строение светиться каким-то мягким, волшебным светом[1]).

За этим садом начинался громадный город, обнесенный мощными стенами, но он тоже весь тонул в зелени, из которой тут и там выбивались разноцветные крыши зданий, синие купола мечетей, кружевные столпы минаретов, узорчатые порталы медресе, колоннады и башни дворцов и зубчатые стены караван-сараев. Весь город был окружен кольцом садов, таких же прекрасных, как тот, который расстилался у ног Хатедже и Карач-мурзы[2]), а за садами с одной стороны виднелась зеленая долина, иссеченная руслами реки и арыков, а с другой высились лиловатые, кое-где припорошенные снегом вершины и сбегающие вниз отроги гор.

— Как это красиво! — промолвила Хатедже, любуясь волшебным зрелищем. — Какие сады! Лучшие, наверно, есть только у Аллаха.

— Здесь, внизу, это Баги-Майдан, — пояснил Карач-мурза. — Когда я приезжал сюда в последний раз, его только начинали устраивать. Слева от него, — видишь, за широким арыком, начинается другой сад, — Баги-Дилкуш. А вон там, с другой стороны, под горами, — самый большой из всех, Баги-Джехан Нумо. Возле гор он переходит в настоящий лес, и там на свободе жи-

---

[1]) Этот павильон, носивший название Чин-Хана, был весь облицован плитками драгоценного фарфора, привезенного из императорских мастерских Китая.

[2]) Таких садов вокруг Самарканда было тринадцать.

вут всевозможные звери и птицы, которые совсем не боятся людей, потому что Тимур-бек под страхом смерти запретил на них охотиться[1]). Я думаю, что на всей земле нет такого огромного сада. Мне рассказывали, что однажды там убежала верховая лошадь одного знатного араба — зодчего, сотни рабов искали ее повсюду и нашли только через месяц[2]).

— Я понимаю, оглан, что можно насадить такие обширные сады, в которых потеряется и человек и лошадь. Но посмотри: сейчас зима, а тут повсюду цветут цветы! Мой слабый ум не может постигнуть — как это сделано, оглан. Или это цветы не настоящие?

— Это настоящие цветы, ханум, живые цветы. Тысячи пород деревьев и других растений привозили для этих садов со всех концов земли. И по повелению твоего великого дяди Тимур-бека, они подобраны так, чтобы во всякую пору года некоторые из них цвели, сменяя друг друга.

— Как хорошо он это придумал, оглан, — задумчиво промолвила Хатедже. — Я думаю, что вот так же должно быть и с людьми...

— Как, ханум?

— Чтобы в душе человека тоже был такой сад... Я не знаю, как это выразить, оглан.

— Ты, наверно, хочешь сказать, что в душе человека тоже всегда должно что-нибудь цвести? И когда увядают одни цветы, нужно сделать так, чтобы зацвели другие?

— Да, оглан. Если человек хочет счастья... и если он не засыхает сам, вместе с первыми цветами.

— Каждый человек хочет счастья, ханум.

— Но не всякий может его достигнуть. Ты сказал, что Тимур-беку эти цветы привозили со всех концов земли. Ну, а обыкновенный человек, если у него нет могущества Тимур-бека, — разве он всегда может по-

---

[1]) Это был, кажется, первый заповедник, известный в истории.

[2]) Исторический факт.

лучить тот цветок, для которого возделана почва его сердца?

— Человек, который очень хочет, достанет такой цветок.

— Может быть, если этот человек мужчина. А женщина сама подобна цветку, — ее просто срывают, и не всегда срывает тот, кем она хочет быть сорвана... Но посмотри: наш отряд уже совсем близко от города, — поспешно добавила Хатедже, которой вдруг подумалось, что всего этого не следовало говорить Карач-мурзе. — Получится нехорошо, если Тимур-бек вышлет кого-нибудь навстречу, а тебя там не будет, оглан.

Приказав своим людям разбить стойбище на широком лугу, верстах в трех от городских стен, Карач-мурза и с ним Хатедже в сопровождении небольшой свиты въехали в город. Тут они сразу же узнали, что Тимура нет в Самарканде: оставив здесь правителем своего сына Шахруха, он в начале января выехал к войску, которое стояло у Ташкента.

Чтобы узнать больше, нужно было повидать Шахруха. Последний, хорошо зная Карач-мурзу, принял его сразу и сообщил следующее: Тимур всю осень находился при войске, а потом заболел и в декабре приехал в Самарканд, но едва почувствовав себя лучше, возвратился обратно. Уезжая, он сказал, что двадцать второго января выступит из Ташкента и пойдет к городу Отрару, где предполагает быть первого февраля, так что гонцов со всякими известиями к этому времени надо посылать в Отрар. Кроме этого, Шахрух ничего не знал или не хотел сказать.

Эти новости обеспокоили Карач-мурзу. Обдумывая в пути все, что могло случиться, он почти не сомневался в том, что если Железный Хромец выступит в поход раньше, чем предполагали в Орде, то двинется обычной дорогой, через Бухару, то-есть навстречу посольскому

отряду. Но из того, что Тимур решил идти на Отрар, делалось очевидным, что он избрал другой путь: вниз по Сыр-Дарье и дальше, через Тургайскую низину.

Значит, теперь нужно было догонять Тимура и при этом дорожить каждым часом: было двадцатое января, и у Карач-мурзы оставалось времени в обрез, чтобы двинувшись отсюда прямо на Отрар, прийти туда одновременно с Тимуром и там попытаться отговорить его от продолжения похода. Было совершенно очевидно, что чем дальше Тимур успеет отойти, тем труднее будет это сделать.

Обдумав все это, Карач-мурза решил выступить на следующее утро. Времени на осмотр города не оставалось, но все же он не мог отказать Хатедже в желании помолиться у гроба ее любимой тетки Туркан-аки, которая, вместе со своей дочерью Шади-Мульк, покоилась здесь, в роскошном мавзолее, воздвигнутом для них Тимуром.

Этот мавзолей стоял на склоне громадного голого холма, с восточной стороны примыкавшего к городу. Именно на этом месте, которое еще сохранило свое древнее название Афросиаб, некогда возникла античная Мараканда, а позже находился шахристан Самарканда, включавший внутреннюю цитадель, дворцы местной знати, общественные здания и, вообще, всю ту лучшую часть города, которую орда Чингиз-хана обратила в руины.

Эта возвышенная местность была совершенно безводна, и того количества воды, которое подавал сюда уничтоженный монголами водопровод и прежде едва хватало на самые насущные потребности населения. Зная это, Тимур, более всего любивший сады и обилие зелени, не стал восстанавливать ни водопровода, ни прежнего городского центра, — он перенес последний на место бывшего раббада, Афросиаб же остался теперь за чертою города, как был, в развалинах, которые постепенно разбирали на нужды нового строительства.

Однако, здесь сохранились могильники многих му-

сульманских святых и мавзолеи[1]), — которых Чингиз-хан приказал не трогать, — и в том числе особо почитаемая святыня: гробница Кусама Ибн-Аббаса, двоюродного брата пророка Магомета. Считалось, что погребение возле могилы Кусама обеспечивает душам правоверных загробное блаженство, а потому тут постепенно вырос целый городок могильников, мавзолеев, мечетей и молелен, который носил общее название Шахи-Зенда, что означает «Живой Царь». Его объясняет легенда, согласно которой Кусам Ибн-Аббас, убитый на этом месте врагами, в действительности не умер: его бездыханное тело было поглощено скалой, за которою он воскрес и продолжает жить до сих пор.[2])

Религиозное значение Шахи-Зенды полностью сохранилось и при Тимуре, который за годы своего владычества воздвиг здесь более десятка новых мавзолеев, своим великолепием затмивших все, существовавшие прежде.

Мазар Туркан-аки и Шади-Мульк, построенный и отделанный знаменитыми самаркандскими зодчими Баред-дином и Шамси-дином, вместе с тремя другими новыми мавзолеями[3]) стоял на краю сбегавшей с вершины холма дороги, которая служила как бы главной улицей этого города мертвых. Он представлял собой величественное прямоугольное строение, увенчанное рубчатой скуфьей купола, который опирался на невысокий восьмигранный барабан. Огромная стрельчатая ниша портала, а также вся передняя стена здания, были сверху донизу покрыты панелями, заполненными вязью тончайших узоров из майолики и резной терракоты, с преобладанием нежно-бирюзового цвета. Еще

---

[1]) Самарканд у мусульман назывался «городом святых», — их тут было похоронено более двухсот.

[2]) Новейшие историки утверждают, что Кусам Ибн-Аббас вообще никогда не бывал в Самарканде и что тут похоронен какой-то другой святой, могилу которого приписывают Кусаму по ошибке.

[3]) Это мавзолеи Ширин-беки, — другой сестры Тимура и эмиров Заде и Хусейна. Внуком Тимура, царем-ученым Улуг-беком, к этому ансамблю был добавлен еще один замечательный мавзолей, позднее к ним присоединилось еще несколько.

более художественной была внутренняя отделка стен и свода, где сложнейшие узоры орнамента изящно сочетались с накладными вызолоченными надписями, воспроизводящими различные изречения из Корана.

Оставив Хатедже и сопровождавшую ее Фатиму молиться у гробниц, стоявших в мазаре, Карач-мурза вышел наружу. Оглядев соседние мавзолеи и увидев, что по архитектурному замыслу и по отделке они мало отличаются друг от друга, он пошел по дороге к вершине холма, где находился мазар Кусама Ибн-Аббаса.

Тут стояла большая группа строений. Самый мавзолей святого, — древнейший из всех, — неоднократно перестраивался, но побывавший здесь в 14 веке арабский путешественник Ибн-Батута дает такое его описание:

> «над благословенной могилой возведено четырехгранное строение с куполом; у каждого угла стоят по две мраморные колонны зеленого, белого, черного и красного цветов; стены здания тоже сложены из разноцветного мрамора, с золотым орнаментом. Крыша сделана из свинца. В мазаре стоит гробница черного дерева, окованная серебром и изукрашенная драгоценными камнями».

Обойдя здание кругом, Карач-мурза вошел внутрь. «Зиарат-хана», — поминальная зала, из которой через особое окошко можно было взглянуть на гробницу, отличалась высокохудожественной отделкой, ее стены были покрыты сложнейшим изразцовым орнаментом белого и голубого цвета, с золотой росписью. Та часть мазара, в которой стояла гробница, была более древней постройки, — ее стены были украшены совсем простым узором, составленным из звезд и перекрещивающихся прямых линий.

Выйдя снова наружу, Карач-мурза окинул взглядом соседние строения: вот древняя мечеть Кусама,

выше — мавзолей имама Ходжи-Ахмата, еще несколько старых и изрядно обветшалых мавзолеев, которые он уже видел, а по другую сторону дороги — три новых. Один из них обращал на себя внимание своеобразием отделки, для которой тут были использованы разноцветные кирпичи и фигурная майолика. Подойдя ближе, Карач-мурза прочел над порталом, что тут покоится прах сиятельного эмира Бурундука, одного из любимых военачальников Тимура. Он хотел зайти внутрь, но в этот миг увидел, что внизу на дорожке показалась Хатедже, и поспешил к ней. Солнце уже склонялось к горизонту, и нужно было возвращаться в стойбище, чтобы с рассветом выступить в дальнейший путь[1]).

---

[1]) В этой главе не упомянуты наиболее прославленные архитектурные шедевры эпохи Тимура: его грандиозная усыпальница Гур-Эмир, соборная мечеть Биби-ханым, великолепный мавзолей Туман-ака (одной из жен Тимура) и некоторые другие, так-как все они были построены лет на 10-15 позже.

ГЛАВА 13

«Женитесь на женщинах, которые вам приятны, — на двух и на трех, и на четырех. А если боитесь, что не будете справедливы, — то на одной».

Коран.

На четвертый день по выступлении из Самарканда, перевалив через невысокий горный хребет Нура-Тау, отряд ордынского посла краем Кзыл-кумских песков направился к Сыр-Дарье. До нее оставалось еще три-четыре дневных перехода. А там, до Отрара еще два.

Итак, еще пять-шесть дней и долгий, утомительный путь будет закончен. В том, что они вовремя поспеют в Отрар и застанут там Тимура, Карач-мурза теперь не сомневался: дорога была хороша, и они двигались достаточно быстро. Но все же на душе не было спокойствия. И чем ближе оставалось до цели путешествия, тем сильнее им овладевало какое-то странное, томительное чувство.

Вначале, не желая самому себе признаться в истинной причине этого, Карач-мурза упорно заставлял себя думать о своей миссии посла и о том — что и как следует сказать Тимуру, чтобы эту миссию успешно выполнить. Но все это он уже обдумал много раз и потому довольно быстро осознал, что теперь обманывает самого себя. Мысль его все время соскальзывала на другое, и было очевидно, что подлинной причиной того угнетенного состояния, которое он сейчас испытывал, было вовсе не беспокойство за исход переговоров с Ти-

муром, а неприятное сознание того, что очень скоро ему предстоит навсегда расстаться с Хатедже.

Поняв это, Карач-мурза, уже не таясь от себя, стал думать о ней. Почему она заняла слишком много места в его душе и как это получилось?

Четыре месяца они ехали вместе и почти не было такого дня, когда бы он несколько часов не проводил в разговорах с нею. Она умнее многих женщин, которых он знал, и очень любознательна. Было приятно рассказывать ей всякие истории, — Хатедже так хорошо умела слушать и так разгорались при этом ее глаза, что хотелось рассказывать еще и еще... Если бы не она, этот долгий и однообразный путь был бы совсем скучным, а с нею время летело незаметно. Аллах! — За четыре месяца можно привыкнуть к своему спутнику, кто бы он ни был, женщина или мужчина. И он привык к Хатедже и к этим ежедневным разговорам, — только и всего. Теперь кончается их совместный путь и кончится все это. Он сдаст ее Тимуру, сделает свое дело и возвратится в Орду. И скоро они друг о друге позабудут. Так и должно быть...

Да, должно. Но Карач-мурза чувствовал, что будет иначе. Разве он сможет когда-нибудь забыть Хатедже? И разве он хочет ее забыть? Так хорошо, как с нею, ему давно ни с кем не было и может быть, никогда больше не будет... Когда она рядом, молодеет его душа и хочется, чтобы время остановилось. Разве можно изгнать из памяти такое и разве нужно, чтобы все это теперь кончилось навсегда? Ведь закон дает ему право взять вторую жену, а Хатедже свободна. Она, должно быть, тоже согласится, — видно, что и она привыкла к нему, — а если согласится Хатедже, то согласится, наверное, и Тимур. Все это можно устроить...

Ну, а как же Наир? Ведь она его любит всю жизнь и ей это, конечно, не будет приятно. А разве он сам ее не любит? Да, любит, но уже не той любовью, что прежде, ведь Наир почти старуха. К тому же, разве он собирается ее прогнать или лишить того положения в

семье, которое она заслужила? И разве сама Наир не поймет этого, — ведь она знает, что так делают все. Стоит ли столько размышлять об этом? Он размышляет потому, что слишком близко соприкасался с христианским миром, у христиан это иначе, там и думать о таком нельзя. Но ведь он-то мусульманин! Наир и Хатедже тоже мусульманки, для них это жизненная обыденность, которую они с детства видят кругом, положение, освященное обычаем и законом, даже больше того, — установленное самим Пророком. И, конечно, они обе примут это, как должное, не сказав ни слова. Значит, так и надо сделать...

Но, придя к этому, Карач-мурза не почувствовал облегчения. С точки зрения мусульманина, его рассуждения были логичны и здравы, но в глубине его собственной души полного согласия с ними не было.

Он вспомнил далекую молодость, свой приезд в Карачевское княжество и все, что тогда с ним случилось. Там, на земле своих отцов, он впервые услышал как громко говорит в нем голос его русской крови. Тогда, полюбив Ирину, он уже много думал о том, о чем думает и сейчас... И ему было не очень тяжело отказаться от Ирины только потому, что эти размышления в ту пору привели его совсем к обратному: он понял и осознал, что христианские законы о браке возвышеннее и лучше мусульманских. И придя к этому, он всю жизнь им следовал, хотя и оставался мусульманином. Почему же теперь он хочет поступить наперекор тому, что всегда считал правильным? Разве он не понимает, что Наир, — хотя и не осмелится протестовать против того, что он берет вторую жену, — будет жестоко страдать от этого? И разве он сам, в глубине души, не будет испытывать перед нею стыда?

Нет, тогда, в молодости, голова его наверное работала лучше, и он решил правильно. А сейчас он стареет и теряет волю и твердость, без которых мужчина не достоин уважения. Он раскис от того, что на него ласковыми глазами смотрит красивая женщина и готов

сделать то, чего не следует делать. А если он это понял, то должен победить свою слабость. Значит, кончено! Ничего этого не будет!

До сих пор он честно исполнял то, что ему было приказано великим ханом: в пути заботился о Хатедже и старался, чтобы она всем была довольна. И если ему самому это было приятно, никто не сможет его за это упрекнуть, потому что он также честно выполнит и ту часть приказа, которая ему неприятна: отдаст Хатедже Тимуру. Пусть сердцу его при этом будет больно, он этого никому не покажет и сделает именно так, как сейчас решил. И больше не стоит об этом думать.

Остановившись на этом, Карач-мурза старался больше не пропускать в свой разум никаких сомнений и ему стало легче. Чтобы не подвергать лишним испытаниям свою нелегко обретенную твердость, он в эти последние дни избегал общества Хатедже, ограничиваясь только обычными приветствиями и редкими разговорами, настолько короткими и сдержанными, насколько допускала вежливость. Казалось, Хатедже это не удивляло. Она была грустна и подавлена, — чего почти не старалась или не умела скрыть, — и этих случайных и натянутых разговоров со своей стороны не поддерживала.

Отряд, между тем, вышел на Сыр-Дарью и тут, в первом же попутном селении, Карач-мурза узнал, что Тимур два дня тому назад прибыл в городок Кара-Саман, вокруг которого были хорошие зимние пастбища, и там остановил свои передовые тумены, ожидая, пока подойдут остальные.

До Кара-Самана отсюда было не больше семи фарсахов и, если в пути не встретится никаких помех, — к ночи отряд мог быть уже на месте. И потому Карач-мурза приказал немедленно двигаться дальше, не жалея лошадей и насколько возможно сокращая время привалов.

Однако, дорога оказалась скверной: во многих ме-

стах она была занесена песком, который затруднял движение, сильно утомляя коней и обрекая кибитки и повозки на частые остановки. И вследствие этого, несмотря на все старания Карач-мурзы, отряд в этот день не смог добраться до цели и когда уже совсем стемнело, вынужден был остановиться на ночлег в двух фарсахах от Кара-Самана.

Привычно быстро были разбиты шатры, в лагере тут и там запылали костры, и утомленные трудным переходом люди, разместившись вокруг них, в ожидании когда поспеет еда, повели обычные вечерние разговоры о былых походах, о похождениях хитрого ходжи Насреддина[1]) и о коварных проделках черных и белых джинов.

Карач-мурзе не хотелось есть. Умывшись, он отослал слуг и остался один в своем шатре. Он был сейчас особенно не в духе: разбирала досада, что не удалось сегодня же дойти до Кара-Самана, — по крайней мере все сразу было бы кончено... В сутолоке огромного стойбища, в водовороте новых встреч, забот и деловых разговоров, так легко было бы проститься с Хатедже! Там на людях, можно было бы просто высказать ей несколько добрых пожеланий на будущее, и все. Может быть, она сегодня же перешла бы в лагерь к Тимуру. А теперь впереди длинный, ничем не занятый вечер, их шатры стоят в пяти шагах друг от друга, она сидит одна, знает, что и он сидит один и, конечно, ожидает, что он придет, чтобы проститься с нею и в последний раз поговорить. В течение четырех месяцев они ежедневно встречались и подолгу беседовали, и если уклониться от этого сегодня, — в последний день их совместого пути, — будет глупо и невежливо... Она не заслуживает такой обиды. Надо пойти... И если уж оно необходимо, лучше сделать это как можно скорей.

---

[1]) Ходжа Насреддин — легендарная личность, излюбленный в Средней Азии герой всевозможных анекдотов и забавных историй.

Когда вошел Карач-мурза, Хатедже сидела на низкой, крытой бухарским ковром оттоманке, грея озябшие руки над стоявшим перед ней мангалом. В полумраке шатра, освещенного масляным светильником, выражения ее лица нельзя было уловить, но голос прозвучал ласково, когда она сказала:

— Садись, оглан, если ты не очень спешишь. Я рада, что ты пришел.

— Ты знаешь, ханум, что я всегда рад тебя видеть, — пробормотал Карач-мурза, садясь на подушку, возле оттоманки.

— Раньше я в этом не сомневалась, оглан. Но в эти последние дни... мне казалось другое.

После этих слов наступило довольно долгое молчание. Карач-мурза сидел неподвижно, уставившись на рдеющие в мангале угли. Наконец, не поднимая головы, он сказал:

— Я не хочу тебя обманывать, ханум, и не хочу чтобы ты думала обо мне плохо. Мне и в эти дни очень хотелось быть с тобою. Но если человек привык к чему-нибудь хорошему и знает, что близок день, когда он должен это потерять, лучше отвыкать постепенно.

— Если так , я тебя понимаю, оглан и даже радуюсь этому. Только я думаю, что потерять и отдать — это не одно и то же.

— Иногда отдать тяжелее, чем потерять, ханум.

— Это смотря по тому, с кем надо бороться за то, чтобы не отдавать: с другими или с самим собой.

— Ты думаешь, что с собою бороться легче?

— Не знаю, оглан, потому что мне не нужно бороться с собой. А для того, чтобы бороться с другими, я слишком слаба.

— Иногда слабые побеждают, ханум, а сильные оказываются побежденными... Вот, если хочешь, я расскажу тебе одно татарское преданье.

— Расскажи, оглан, я так люблю тебя слушать!

— Хорошо, ханум, слушай: это случилось не так давно, лет полтораста тому назад. Жил тогда в Мого-

листане могущественный хан Кайду[1]), и у этого хана была дочь Аярук, девушка такая красивая, каких немного бывало на свете и такая сильная, каких на свете совсем не бывало. Ни в скачке на диких конях, ни в стрельбе из лука, ни в борьбе с нею не мог состязаться ни один мужчина.

Кайду очень любил свою дочь и гордился ею. Он хотел выдать ее замуж за достойного человека, и это было нетрудно, потому что многие владетельные ханы, царевичи и эмиры искали ее руки. Но Аярук сказала: «я выйду замуж только за такого человека, который будет сильнее меня. »

И хан Кайду объявил: «каждый, кто пожелает свататься к Аярук, должен бороться с нею. Если он ее положит на землю, она станет его женой; если она его положит, — он должен дать ей тысячу коней, а если тысячи коней у него нет, ему будет отрублена голова».

Ну, стали приезжать и пробовать свое счастье многие знатные и простые люди. Но всех их побеждала в борьбе Аярук. Одни отдавали ей тысячу коней и уезжали, другие оставляли у ее шатра свои головы, и никого из них ей не было жалко. Так прошло немало лет. Женихов приезжало все меньше и, меньше и, наконец, они совсем перестали приезжать, к великому огорчению хана Кайду, который уже начал терять надежду, что его любимая дочь когда-нибудь выйдет замуж.

Но вот, однажды приезжает царевич, — сын одного из самых могущественных владык, — просит руки Аярук и говорит, что готов с нею бороться. Был он молодой, красивый, веселый и казался очень сильным, но Кайду уже не верил, что кто-нибудь может одолеть его дочь. И стал он тогда уговаривать Аярук: — «поддайся ему нарочно и выйди за него замуж! Лучшего мужа ты никогда не найдешь». Аярук полюбила этого царевича с первого взгляда, но она ответила отцу: «я

---

[1]) Хан Кайду — внук императора Угедея, третьего сына Чингиз-хана.

буду бороться честно, потому что не смогу уважать мужа, если не уверюсь, что он сильнее меня.»

Они стали бороться. Долго боролись и иногда казалось, что царевич одолевает, но Аярук все же положила его на землю. Он встал, низко поклонился ей и сказал: — «ты оказалась сильнее меня, Аярук, и не станешь моей женой. Но я не хочу уходить отсюда побежденным. Я не дам тебе тысячи коней, пусть мне на твоих глазах отрубят голову!»

Аярук стала белее снега, а Кайду промолвил: — «нам не нужно твоих коней, и я не хочу рубить тебе голову. Иди с миром!» Тогда он спросил: — «а что скажешь ты, Аярук?» И она ответила: «иди с миром!» Но царевич не тронулся с места и сказал: — «если бы я воспользовался твоей милостью, я был бы побежден второй раз и ушел бы отсюда посрамленным дважды, унося на плечах твое презрение. А я еще могу остаться победителем, ибо теперь знаю: ты меня любишь!» И, сказав это, он выхватил свой кинжал и закололся.

— И что же было потом с Аярук? — спросила Хатедже после довольно длинной паузы.

— Аярук, несмотря на свою силу, оказалась побежденной, ханум. Она больше ни с кем не боролась, никогда не вышла замуж и до самой смерти любила этого царевича.

— Она потом, наверно, жалела, что не поддалась ему.

— Не думаю, ханум. Лучше сохранить любовь и уважение к мертвому, чем презрение к живому. Она не могла уважать слабого человека, а он не мог пережить поражения, и в этом оказалась его сила. Значит, они оба поступили правильно.

— Оба пожертвовали тем, что было дороже всего... Что же, я, кажется, догадываюсь для чего ты мне это рассказал, оглан. Только я не совсем понимаю, зачем тут нужна жертва? И мне пришло в голову другое: на самом деле царевич был сильнее, чем Аярук, и он мог

ее побороть. Но поддался потому, что вдруг почувствовал, что ему легче умереть, чем жениться на ней.

— Как могла ты подумать такое, ханум? — в сильном смущении воскликнул Карач-мурза. — Я же сказал тебе, что она была красавица, каких мало!

— Может быть, пока он боролся с нею, успел рассмотреть, что эта красавица уже не очень молода. Ты же сам говорил, что много лет к ней ездили женихи, а под конец уже и ездить перестали.

Карач-мурза, вовсе не зная, что теперь говорить, растерянно взглянул на Хатедже. Она смотрела прямо на него, улыбаясь, и в прекрасных глазах ее не было ни горечи, ни обиды, — как он ожидал, — а было нечто совсем другое.

Улыбнулся и он, сперва уголком рта, потом улыбнулся шире, засмеялся, сдерживаясь, но вдруг не выдержал и, хлопнув себя ладонями по коленям, расхохотался от всей души. Глядя на него, смеялась и Хатедже.

— Ханум-джан! — воскликнул он, справившись с этим приступом смеха и вскакивая на ноги с таким чувством, будто с него свалилась гора. — Я все перепутал и только сейчас вспомнил, как было дело: царевич совсем не закололся! Они поборолись еще раз, он одолел Аярук, и они сразу поженились. И говорят, были очень счастливой парой. Давай и мы поженимся, ханум! Может быть, мы будем еще счастливее!

Конец первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

К ВЛАДЫЧЕСТВУ НАД МИРОМ

ГЛАВА 14

«На седле можно завоевать мир, но управлять миром с седла нельзя.»

Элю-Чу-Цай
Китайский ученый 13 в.

Среди всех величайших завоевателей, когда-либо создававших мировые империи, Тимур, так же, как и Наполеон, занимает особое место: почти все другие, по самому рождению своему, имели право на известную власть и, начиная свое возвышение, уже располагали для этого какими-то отправными силами. Тимур же свое восхождение к вершинам власти начал с самой низкой точки, не имея ничего, кроме хорошей головы. И всем тем, чего достиг, он был обязан только своим личным качествам.

Он родился в марте 1336 года, в селе Ходжа-Ильгар, близ города Шахрисябза, в небольшом княжестве Кеш, которое входило в состав Мавераннахра. Отец его, некий Тарагай, принадлежал к тюркскому кочевому племени барласов и был человеком совершенно незначительным. Сам Тимур, еще не достигнув двадцатилетнего возраста, собрал небольшую шайку головорезов, с которыми начал свой жизненный путь, грабя на больших дорогах проходящие караваны.

Личная отвага, щедрость, незаурядный ум и замечательные организаторские способности скоро сделали его популярным, сначала среди любителей легкой наживы, а потом и в массе его соплеменников — барласов. Шайка его быстро росла. Вскоре она превратилась в хорошо вооруженный воинский отряд, услугами ко-

торого начали пользоваться враждующие между собой эмиры.

Чагатайское государство в эти годы служило ареной кровавых войн и бесконечных восстаний: потомки хана Чагатая боролись между собой за престол, а местные эмиры, пользуясь этим, вообще старались избавиться от власти чингизидов и утвердить свою.

В 1346 году был убит великий хан Казан-бек, последний повелитель Чагатайского улуса, который после этого распался на два самостоятельные государства: Моголистан, — куда вошли области Семиречья и Кашгара, и Мавераннахр. В Моголистане продолжали править потомки Чагатая, и, первым из них утвердился на престоле хан Туклук-Тимур; в Мавераннахре власть перешла в руки тюркских князей, среди которых вскоре выделился и взял верх эмир Казаган, сделавшийся правителем государства. Однако, по твердо установившемуся в Азии обычаю, сам он, не будучи чингизидом, ханского титула не принял, а возвел на престол подставного хана-чингизида Денишменда, именем которого и правил.

Но успокоения не наступило: Моголистан и Мавераннахр сейчас же вступили между собой в жестокую борьбу. Она шла с переменным успехом. В 1358 году эмир Казаган пал от руки убийцы, подосланного к нему моголистанским ханом Туклуком. Год спустя, в разгоревшейся войне сложил голову его сын и преемник Абдулла, после чего Мавераннахр распался на несколько независимых областей, с местными эмирами во главе. Этим воспользовался хан Туклук, который, не теряя времени, приступил к их последовательному завоеванию.

Тимур со своим отрядом в это время находился на службе у Кешского эмира Хаджи-Барласа. Когда войско Туклука вторглось в Кеш, Хаджи-Барлас, после недолгого сопротивления, бросил свой город и бежал. Тимур за ним не последовал. Он сумел поладить с по-

бедителем и перешел на службу к нему. Хан Туклук назначил его темником шахрисябзского тумена, что по положению сделало Тимура главою племени барласов. В это время ему было двадцать пять лет.

Борьба между претендентами на верховную власть шла своим чередом и, искусно лавируя между ними, Тимур продолжал свое возвышение. В 1362 году он уже стал владетельным эмиром Кеша. В том же году был убит хан Туклук, и престол Моголистана перешел к его сыну, Илиас-ходже. В Мавераннахре к этому времени главенство приобрел внук Казагана — Хуссейн. Взвесив все и правильно определив соотношение сил, Тимур сделал новый удачный ход: он заключил союз с Хуссейном, женился на его сестре Улджи-Туркан и вскоре сделался его правой рукой. Вдвоем они продолжали воевать с Моголистаном и одновременно вели борьбу с эмирами за объединение под своей властью Мавераннахра. В одной из бесчисленных битв Тимур был сильно изранен, — ему отрубили два пальца на руке и изувечили правую ногу, после чего он всю жизнь страдал от жестоких болей в этой ноге и навсегда остался хромым, откуда и пошло его прозвище Тимур-Ленг[1]), искаженное европейцами в «Тамерлан».

К 1366-му году Хуссейн и Тимур одержали полную победу над Моголистаном и окончательно смирили местных эмиров. Теперь начинается соперничество между ними, — каждый хочет быть единым повелителем чагатайского улуса. Тимур действует ловко, сея рознь между военачальниками Хуссейна и щедрыми подарками переманивая их на свою сторону. Наконец, между бывшими союзниками начинается открытая война. Успех сопутствует Тимуру. В конце 1369 года он осадил Балх, в котором заперся Хуссейн, и после упорного боя взял город приступом. Хуссейн был убит,

---

[1]) Тимур — значит «железный». «Хромой» — по-персидски «ленг», а по-тюркски — «аксак», поэтому Тимура называли также Тимур-Аксаком.

и Тимур сделался единовластным владыкой Мавераннахра.

В короткий срок он сумел прочно утвердить свое положение, жестоко расправившись со всеми сторонниками Хуссейна и поставив на все руководящие посты преданных ему людей. Осыпал милостями он и представителей высшего духовенства, влияние которого на народные массы всегда учитывал. Сам по себе Тимур особой религиозностью не отличался: внешне он старался казаться благочестивым, но в запрещенных Кораном удовольствиях никогда себе не отказывал.

Стоит отметить, что Тимур, — ни теперь, ни даже впоследствии, когда он сделался неограниченным повелителем созданной им колоссальной империи, — официально не объявил себя носителем верховной власти. Не рискуя порвать с господствовавшей в Азии традицией, он называл себя только великим эмиром, в некоторых случаях султаном, но всю жизнь придерживался системы подставных ханов-чингизидов. Он возводил их на престол, предоставляя жить в праздности и роскоши, занимаясь делами своих гаремов, чеканил деньги с их именем, а в государственных делах с ними ни в малой степени не считался[1]). Свое собственное происхождение он постарался облагородить женитьбой на вдове Хуссейна, — которая была дочерью великого хана Казан-бека, — после чего присоединил к своему титулу слово «гурхан», — что значит «ханский зять», — и этим добавлением очень гордился.

Тимур не получил никакого образования, никогда не посещал даже начальной школы и до конца жизни оставался неграмотным. Но он говорил на нескольких языках, был умен, отличался незаурядными способностями и в жизни приобрел много разносторонних знаний. Он очень заботился о благоустройстве Мавераннахра, покровительствовал науке и искусству и обла-

---

[1]) Такими подставными ханами были при Тимуре сначала Суюргатмыш (1370-1388 гг.), а потом его сын Махмуд.

дал большим вкусом, о чем красноречиво свидетельствует тот внешний облик, который он постарался придать своей столице, и те непревзойденные по красоте здания и сады, которыми он ее украсил.

Но подлинным его призванием была война. Это был прирожденный полководец, равных которому история знает не много. Всю свою жизнь он провел в походах и завоеваниях, из года в год расширяя пределы созданной им империи. Он говорил: «все земное пространство не стоит того, чтобы иметь двух царей.» И он шел неотступно к мировому господству. В этом стремлении им, может быть, руководило не одно честолюбие, но и некоторая идейность: он утверждал, что единодержавие является залогом порядка на земле и блага народов, которые, по его мнению, — весьма, надо сказать, близкому к истине, — более всего страдали от постоянных войн и распрей своих правителей.

За тридцать пять лет, прошедших после того, как Тимур утвердился в Мавераннахре, идя от победы к победе, он последовательно сокрушил Моголистан, Хорезм, Персию, Азербайджан, Герат, Грузию, Армению, Орду Тохтамыша, Афганистан, Индию, Египет, Багдадский халифат, Сирию и Малую Азию. И только смерть положила предел его завоеваниям, настигнув его во время похода на Китай.

Свои завоевания он проводил с исключительной жестокостью, порою необъяснимой. Некоторые историки полагают, что у него она являлась следствием тех, временами доводивших его до исступления болей, которые он испытывал в искалеченной ноге. Но такое объяснение едва ли можно признать удовлетворительным. Более вероятно то, что Тимур старался следовать примеру Чингиз-хана, которого он во многом ставил себе за образец, — в частности в делах управления он руководствовался почти исключительно его Ясой.

Но если у Чингиз-хана жестокость служила одним из подсобных средств в проведении общего стратегического и административного плана, будучи по-своему разумной и никогда не переходившей в садизм, — то у

Тимура она очень часто бывала ничем не оправданной и безмерной.

Так, например, при завоевании Афганистана, из двух тысяч пленных, захваченных в городе Исфизаре, Тимур приказал построить башню, укладывая их как кирпичи, на глиняном растворе; в Малой Азии, четыре тысячи пленников, взятых при осаде города Сиваса, по его повелению были закопаны в землю живыми; за восстание персов в Исфагани, он приказал обезглавить там семьдесят тысяч человек и из отрубленных голов сложить пирамиду; во время похода на Индию, набрав по пути более ста тысяч пленных, он, перед решительным сражением с Делийским султаном, распорядился перебить их всех до одного, из опасения, что они могут взбунтоваться у него в тылу. Подобных примеров можно было бы привести еще множество.

Такого рода жестокость едва ли можно объяснить припадками какой-то неврастении или даже приступами безудержного гнева: подобные вспышки почти всегда мгновенны и скоропроходящи, а осуществление бесчеловечных приказов Тимура обычно требовало времени достаточно долгого, чтобы он успел опомниться и эти приказы отменить. Но он никогда этого не делал, хотя при своем уме и понимал, конечно, что их отмена не унизила бы его достоинства. В Азии такие случаи не были редкостью. Так, например, бухарский эмир Насер Второй, зная свой необузданный и вспыльчивый нрав, повелел, раз и навсегда, исполнение всех его приказов о казнях или разрушениях откладывать на три дня, чтобы он имел время одуматься. И сверх того, учредил при своем дворе особую должность «заступника», которому вменялось в обязанность настаивать на смягчении несправедливых приговоров эмира.

Небезынтересно отметить, что в частной жизни и вообще вне войны, Тимур вовсе не был жестоким. Для него мир делился на две неравных части: своих и чужих. Своими для него были, прежде всего, члены семьи, родственники, ближайшие сотрудники и воена-

чальники, — по отношению к ним он бывал неизменно щедр, справедлив и часто даже снисходителен, чему хорошим примером может служить тот же Тохтамыш; своим был город Шахрисябз, на благоустройство которого он не жалел никаких средств, украсив его, подобно Самарканду, многими замечательными строениями, из которых особенно знаменит был его грандиозный дворец Ак-Сарай, отделанный с ослепительной роскошью и с редким вкусом; своим было племя барласов, которое он возвысил и осыпал милостями, главным образом из него черпая своих сотрудников и военачальников; своим был, наконец, Мавераннахр, достигший при Тимуре невиданного благосостояния. Таким образом, эти концентрические круги «своего», постепенно расширяясь, достигали какой-то границы, за пределами которой страны и земли превращались в представлении Тимура только в источники нужных ему материальных средств, а их население — в некую неодушевленную человеческую пыль, которая была ему совершенно безразлична.

И если тут он часто бывал беспредельно жесток, то это была жестокость отнюдь не припадочная, а совершенно холодная и неумолимая. Ее размеры скорее всего можно объяснить желанием Тимура и в этом превзойти Чингиз-хана,, как старался он превзойти его во всем остальном. Он говорил: «Чингиз-хан мой учитель, но способный ученик должен пойти дальше своих учителей».

В завоеванных городах Тимур обычно уничтожал значительную часть населения, ему ненужного, но уводил в рабство всех мастеров, ремесленников, красивых женщин и молодых, здоровых мужчин. Затем вывозил оттуда все ценности, а остальное предоставлял своему войску на разграбление.

Покоренные народы он облагал тяжелой данью, а земли раздавал в управление своим сыновьям, родственникам и эмирам, но оставлял их под своей верховной властью.

ГЛАВА 15

«Два бедняка поместятся на одной циновке, а для двух ханов и целый мир тесен».

Татарская пословица.

Посольство Тохтамыша было принято Тимуром только на четвертый день, хотя в походной обстановке никаких особых приготовлений для приема не требовалось. Но этим только подчеркивался истинный смысл такого промедления: Железный Хромец хотел показать, что он не считает татарского хана слишком крупной величиной и не очень интересуется тем, что последний желает ему сообщить.

Тем не менее, он распорядился, чтобы послу великого хана были оказаны подобающие почести и принял его, хотя и сухо, но вежливо, ни в чем не нарушив установленных обычаев.

Когда к шатру, возле которого он сидел, окруженный своими военачальниками, приблизился посол в сопровождении довольно большой свиты, и все преклонили колени, Карач- мурзу он сейчас же попросил встать, а остальных, казалось, не заметил, и они простояли на коленях до конца приема; выслушав приветствие посла, поинтересовался здоровьем великого хана; поданного ему драгоценного сокола посадил, как было принято, к себе на руку, но при этом даже не взглянул на него; не больше внимания обратил и на другие, сложенные к его ногам подарки, но когда подвели к нему девять великолепных коней, — невольно полюбовался ими с минуту и коротко велел благодарить хана.

Наконец, вступительная часть была закончена, и Карач-мурза, снова преклонив колени, подал ему письмо Тохтамыша, — свернутый в трубку лист, перевязанный золотым шнуром. Развязав шнур, но не разворачивая свитка, Тимур передал его стоявшему сбоку нарядно одетому юноше, своему старшему внуку Мухаммед-Султану.

— Читай, — коротко приказал он.

Пока Мухаммед-Султан читал длинное и витиеватое вступление, воздававшее хвалу достоинствам великого эмира и пересыпанное самыми лестными пожеланиями, изречениями древних мудрецов и прочими цветами восточной вежливости, Карач-мурза исподволь разглядывал Тимура.

Он заметно изменился с тех пор, как Карач-мурза приезжал к нему послом в Самарканд, девять лет тому назад. Сейчас ему было пятьдесят пять, — сказывались и годы и бурно прожитая жизнь. Те же тяжелые, как бы топором высеченные черты темного лица, толстые, выпяченные вперед губы, мясистый нос с хищной горбинкой, косматые брови, нависшие над узкими, тигрово-желтыми глазами, все это выглядело сейчас еще грубее, как бы нарочно подчеркнутое резкими линиями морщин. Его жидкие, висячие усы и клином подстриженная короткая борода были теперь почти белы, но голова сидела на прочной, жилистой шее твердо и вся осанка изобличала властную, еще далеко не растраченную силу.

Роскоши в одежде Тимур вообще не любил, а сейчас, — на походе, — в желтых разношенных сапогах и в простом, темно-зеленого шелка халате, с накинутой на плечи лисьей шубой, — он был одет проще, чем все его окружение, если не считать белой войлочной шапки, расшитой жемчугом и украшенной наверху огромным рубином.

— «Ты, великий и высокодостойный эмир, — да благословит каждое твое действие всевышний Аллах, — читал между тем Мухаммед-Султан, — поистине за-

менил мне отца и права твои на меня и на мое почтительное повиновение превышают все, что можно исчислить и определить. И я, как преданный и покорный сын, униженно молю тебя: проведи теперь драгоценным пером своего прощения по листу моих прошлых ошибок! В мудрости и великодушии, которыми Аллах отметил твое рождение, забудь мою недопустимую вражду и те недостойные действия, в которых я горько раскаиваюсь и на которые осмелился только из-за несчастной судьбы своей и по коварному подстрекательству низких людей, да покарает их за это справедливый Аллах.

И если я получу теперь твое милостивое прощение, которое будет для меня подобно благодатному дождю, пролившемуся на иссушенный зноем сад, я обещаю всегда и во всем быть послушным твоему непререкаемому величеству. Я ни на один волос не отойду от прямого пути повиновения и ни одной мелочи не упущу в соблюдении моих обязанностей и условий почтительного и благопристойного послушания[1]).»

По мере того, как чтение письма подходило к концу, на лице Тимура, вначале каменно-неподвижном, все отчетливей проступала злая, саркастическая улыбка.

Истинную цену раскаянию и обещаниям Тохтамыша он давно знал, да и сам не раз в своей жизни прибегал к такого рода уловкам. Ему было совершенно очевидно, что противник его просто не готов к войне и хочет выгадать время, чтобы к ней подготовиться. И потому он сказал:

— Хан Тохтамыш в своем письме много говорит о моей мудрости, а сам, наверно, считает меня глупцом, если думает, что я поверю его обещаниям. Он давал их мне уже не один раз и всегда после этого нарушал.

— Великий хан Тохтамыш, — да будет благословен Аллах, открывающий нам наши ошибки, — сожа-

---

[1]) Вольный, но очень близкий к оригиналу перевод письма Тохтамыша к Тимуру.

леет об этом, великий эмир, и кается перед тобою. Меч сильного и мудрого не сечет склонившейся пред ним повинной головы. И вина великого хана не так велика, как вина его дурных советников, которые не хотят между вами мира, и тебя теперь тоже направляют против него, великий эмир, — с поклоном промолвил Карач-мурза и заметил, как при этом искривилось в насмешливой улыбке лицо Эдигея, стоявшего за спиной Тимура.

— У плохого дровосека всегда виноват топор, а у хана Тохтамыша всегда виноваты дурные советники! Разве я стал бы слушать таких советников, которые учат заплатить своим благодетелям злом и неблагодарностью за их добро и помощь? Ты был вместе с ним, когда он, шестнадцать лет тому назад, приехал ко мне в Самарканд просить приюта и защиты от своих врагов. И ты знаешь, что я принял его, как сына, дал ему много больше того, на что он смел надеяться, и сделал его великим ханом татарской Орды. А чем он мне заплатил? — Тем, что едва почувствовав свою силу, захотел отнять у меня Азербайджан; потом поднял против меня Хорезм; потом взбунтовал моих эмиров; и наконец, нанес мне предательский удар в спину и напал на Мавераннахр, пока я был занят войной в Персии. А теперь, когда я повернулся к нему лицом и иду на него с двухсоттысячным войском, он просит забыть все это и пишет столько хороших слов! Я не верю этим словам. Хан Тохтамыш не отбросил свой кинжал, а только обмазал его медом. Но пусть он не думает, что я стану этот кинжал облизывать!

Долго еще Карач-мурза уверял Тимура, что Тохтамыш раскаялся чистосердечно и теперь думает только о том, как загладить свои ошибки. Тимур несколько раз повторил, что этому не верит, но потом перестал возражать и под конец сказал:

— Я выслушал письмо хана Тохтамыша и выслушал то, что он мне сейчас сказал тво-

ими устами. Если он говорит правду, то сам же виноват в том, что этой правде трудно поверить. И все, что я тебе сегодня сказал, я велю написать в письме, которое завтра повезет ему мой посол. А ты останешься здесь. Когда сюда подойдут со своими туменами мои сыновья и эмиры, я соберу курултай[1]), и мы решим, — нужно ли продолжать поход. На курултае ты сможешь говорить еще, а пока довольно об этом. Сегодня, когда стемнеет, приходи со всеми твоими князьями и старшими нукерами, — будем пировать и веселиться.

Карач-мурза с низким поклоном поблагодарил Тимура и, чтобы не поворачиваться к нему спиной, начал отступать назад, продолжая кланяться. Но Железный Хромец сделал знак, чтобы он остановился.

— Подожди, оглан, теперь я хочу говорить только с тобой, а не с ханом Тохтамышем в твоем лице, — сказал он. — Я рад тебя видеть, потому что ты не такой, как твой хан. И если бы я шестнадцать лет тому назад мог знать то, что я знаю сегодня, повелителем Великой Орды сейчас был бы ты, а не он.

Карач-мурза молча поклонился. Поглядев на него с усмешкой, Тимур добавил:

— Я уже знаю, что в пути ты хорошо заботился о моей племяннице Хатедже и что она очень довольна этим путешествием. Так довольна, что хотела бы ехать с тобой и дальше, до самых садов Аллаха. Она мне все сказала. А что скажешь ты?

— Если пресветлая ханум Хатедже все тебе сказала, великий эмир, то мне к этому нечего добавить, потому что ее устами говорило и мое сердце. И нам остается только ожидать твоего милостивого решения.

— Вам не придется его долго ожидать, потому что я знаю тебя и знаю, что Хатедже сделала хороший выбор. До курултая мы успеем отпраздновать вашу свадьбу.

---

[1]) Курултай — верховный совет для рассмотрения особо важных государственных или династических дел.

ГЛАВА 16

> «Пили на пирах у Тимур-бека очень много и очень много веселились... До того доходило, что люди падали пьяные и полумертвые, и это там считают большим достоинством, ибо для них нет веселья там, где нет пьяных.»
>
> Р. Гонсалес де Клавихо.

Празднество в честь ордынского посла было устроено перед шатром Тимура, на просторной площадке, которую кольцом окружали шатры его эмиров и приближенных. На ней в разных местах пылали костры, — воины все время поддерживали в них большой огонь, — кроме того, когда совсем стемнело, вокруг расставили горящие факелы на высоких подставках.

Железный Хромец сидел отдельно, у своего шатра, на стопке овечьих шкур, покрытой дорогим ковром. За его спиной и по бокам стояло не меньше десятка слуг и приближенных, которые подавали ему кушанья и напитки, а также исполняли различные его поручения. Все остальные участники пиршества, — человек двести, — расположились по всей поляне на разложенных всюду коврах и подушках, — наиболее знатные ближе к Тимуру.

Когда все были в сборе, по знаку распоряжавшегося трапезой эмира, появились первые блюда: жареные баранина и конина. Мясо, в больших кусках, было навалено горами на несколько гладко выделанных лошадиных кож, с краями слегка собранными пропущенным сквозь них вызолоченным ремнем. Эти свое-

образные блюда, — взявшись за приделанные к ним гужи, — слуги волоком вытащили на середину поляны.

Сейчас же к ним подступило человек десять резачей, в белых кожаных передниках и в таких же нарукавниках. Длинными ножами они быстро и ловко принялись резать мясо на куски помельче, раскладывая их в золотые, серебряные и глиняные расписные миски, которые слуги ставили возле них на землю. Двое рабов из больших медных кувшинов поливали уже поделенное жаркое острым и пряным соусом, а двое других поверх этого клали в каждую миску по большой хлебной лепешке. Затем, поставив с десяток наполненных мисок перед Тимуром, прямо на землю, слуги начали разносить остальные гостям. Наиболее знатные из присутствующих получали еду в золотых мисках, те, что были положением пониже, — в серебряных, всем прочим доставались глиняные.

Одновременно с этим, чуть в стороне, другая группа слуг из больших сосудов разливала по золотым и серебряным кубкам вино и кумыс, которые тоже разносились пирующим.

К трепезе приступили в молчании и только после первых выпитых чар тут и там начали завязываться разговоры, сдержанные вначале и все более громкие по мере того, как хмель овладевал людьми. Ели при помощи пальцев, но руки вытирали не об одежду и голенища сапог, как было принято раньше, — а пользовались для этой цели белыми полотняными полотенцами, которые слуги раздавали присутствующим.

Едва началось пиршество, Тимур что-то негромко сказал, указав пальцем на самую большую из золотых мисок, стоявших перед ним. Тотчас один из его окружения поднял эту миску и, приблизившись к Карач-мурзе, с поклоном подал ему.

— Это тебе посылает великий эмир, да прославится его имя по всей земле, — сказал он.

Карач-мурза хорошо знал здешние обычаи: это означало, что вместе с едой Тимур дарит ему и самую

миску. Съесть тут же хотя бы глоток из ее содержимого считалось верхом неприличия, — это надлежало сделать дома. И потому Карач-мурза, низко поклонившись Тимуру, взял миску обеими руками, поцеловал ее край и передал одному из своих нукеров, с приказанием отнести в шатер.

Некоторое время спустя, виночерпий Тимура на круглом золотом блюде подал ордынскому послу драгоценный кубок, наполненный вином. Поблагодарив поклоном царственного хозяина, вино полагалось тут же выпить до капли, что и сделал Карач-мурза, после чего и поднос и кубок тоже перешли в его собственность.

Пиршество, между тем, шло своим чередом. На смену первым блюдам пришли следующие: печеные головы ягнят, отварные лошадиные почки с овощами, рисовый пилав из дичи, копченые конские окорока, жареные колбасы и чебуреки. И, наконец, сладкое: засахаренные фрукты, изюм, орехи, мучные лепешки на меду и другое[1]).

Тимур ел и пил много, время от времени посылая блюда с едой и кубки с напитками тем из своих эмиров и приехавших с Карач-мурзой татарских князей, которым он хотел выказать особое благоволение. Еще несколько золотых и серебряных блюд и чарок получил в этот вечер и сам Карач-мурза.

Многие вскоре захмелели. На пиршествах Тимура это не только допускалось, но даже считалось почти обязательным, как знак того, что его угощению отдали должное. И сам он провожал шутливыми замечаниями тех упившихся до бесчувствия своих гостей, которых в конце попойки слуги и воины разносили по шатрам.

Теперь на площади отовсюду слышались раскаты пьяного смеха. Одни забавлялись тем, что перебрасы-

---

[1]) Описание обычаев, существовавших при дворе Тимура, его пиров, подававшихся на них кушаний и пр., нам оставил в своем «Дневнике» посол кастильского короля в Самарканде, маркиз Руис Гонсалес де Клавихо.

вались кусками мяса и иной еды, которой остались целые горы; другие спорили и галдели, тем более громко, что приходилось перекрикивать грохот бубнов и завывание зурен, ибо Тимур к концу пиршества распорядился вызвать музыкантов; некоторые вскакивали с места и пускались в пляс.

Карач-мурза, встав с подушки, чтобы размять затекшие ноги, молча наблюдал это зрелище, когда вдруг услышал у себя за спиной голос:

— Я вижу, что тебе здесь не очень весело, оглан?

Медленно обернувшись, он увидел стоявшего перед ним коренастого человека средних лет и среднего роста, с хитровато-благодушной улыбкой на очень смуглом и не лишенном приятности лице. Это был эмир Эдигей.

— Почему ты так думаешь, эмир? — спросил он, чувствуя в словах Эдигея скрытый вызов и внутренне принимая его. — Тимур-бек сегодня был очень милостив ко мне.

— Да, я видел, он подарил тебе много золота и серебра. Но разве ты за этим сюда приехал?

— То, зачем я приехал, еще не кончено, эмир. Тимур-бек не сказал своего последнего слова.

— Я могу поставить тысячу коней против одного барана, что это будет не то слово, которое хочет услышать хан Тохтамыш! Тимур умен, и он не отменит похода, особенно теперь, когда своим письмом Тохтамыш сам показал ему свою слабость.

— Тохтамыш не так слаб, как ты думаешь, эмир.

— Может быть, ты и меня начнешь уверять в том, что он теперь и вправду полюбил Тимура и хочет стать ему преданным и покорным сыном? — с усмешкой сказал Эдигей. — Если так, не трудись, оглан: я его слишком хорошо знаю.

— Тохтамыш не хочет войны с Тимуром. Но если его заставят воевать, у него найдутся для этого нужные силы. И хотя ты теперь твердишь Тимуру иное, война будет для него очень трудной и только Аллах знает, кто выйдет из нее победителем.

— До сих пор Хромец побеждал всех. И совсем не нужно быть Аллахом, чтобы знать, что он победит и Тохтамыша. Ты сел на больную лошадь, которая упадет на половине скачки. Но еще не поздно переменить ее, оглан.

— Благодарение Аллаху, я не принадлежу к тем людям, которые ради выгоды садятся на чужих лошадей и идут на них вытаптывать поля и пастбища своей земли. Тимур, может быть, очень достойный человек и щедрый хозяин, но он враг Орды, а я родился в Орде.

— Врагом Орды его сделал по своей глупости Тохтамыш, которому ты служишь. А я служу Кутлук-Тимуру, который хочет сделать Хромого другом Орды. Разве то, что было белым, когда Тимур помогал Тохтамышу, сделалось черным, когда он стал помогать Кутлуку?

— Тимур свободен делать то, что он хочет, эмир, — он никому не давал никаких клятв. Но ты и я, — мы оба клялись в верности Тохтамышу.

— Аллах! Мы не простые воины, а князья. Ни один умный князь не хочет всю жизнь оставаться бараном в чужом стаде, если даже ему позолотят рога. Баран идет туда, куда его гонят, а человек, рожденный для власти, сам выбирает свой путь.

— Не всякий человек и не всякий путь эмир. Тебе это следовало бы знать лучше, чем другим.

— Почему, оглан?

— Твой почтенный отец, эмир Балтыкчи, — да приблизит его Аллах к своему престолу, — оставался верным великому хану Мелику даже тогда, когда все другие эмиры его покинули. Ты знаешь, что это ему обещало не выгоду, а почти верную смерть, но все же тем, кто его звал на путь измены, он ответил: — «я не хочу уподобляться той собаке, которая, увидев что на соседнем дворе кормят лучше, начинает кусать своего хозяина.» Я тоже не хочу ей уподобляться, эмир. Таких собак у хана Тохтамыша было немало, и мы не жалеем о том, что они разбежались по чужим дворам.[1])

[1]) Ибн-Арабшах повествует, что перед казнью, в виде по-

— Я это запомню, оглан. Но народная мудрость говорит: тот, кто плюет против ветра, попадает себе в лицо. Запомни и ты: когда Тохтамыша прогонят с его двора, — а это будет очень скоро, оттуда придется убегать и всем его верным собакам. Новый хозяин не бросит им и обглоданной кости.

— На все воля Аллаха, эмир. Но засучить рукава — это еще не значит выдоить кобылицу.

Две следующие недели прошли в лагере Тимура в праздности и пирах. Железный Хромец почти каждый день приглашал к себе Карач-мурзу, осыпал его знаками внимания, но о деле, которое привело его сюда, не говорил ни слова.

В один из этих дней справили и свадьбу Карач-мурзы, что Тимур распорядился сделать с необыкновенной пышностью. Хатедже он подарил по этому случаю дворец в одном из так понравившихся ей садов Самарканда и целую шкатулку драгоценностей, а Карач-мурзе — пару великолепных арабских коней с седлами, изукрашенными золотом и слоновой костью, и персидскую саблю с ножнами, почти сплошь усыпанными сапфирами. Весь путь новобрачных от Кара-Саманской мечети до их шатра был выстлан коврами; на этом пути их девять раз обсыпали золотыми монетами, которые потом были собраны и поделены между нукерами Карач-мурзы[2]).

Тем временем к Кара-Саману постепенно подходили войска Тимура, на много верст вокруг заполняя весенне-зеленую степь бесчисленными шатрами, кибит-

---

следней милости эмир Балтыкчи попросил положить его тело на дно могилы, приготовленной для убитого хана Мелика. — «Если я, защищая своего повелителя, не умер раньше его, то хоть в землю хочу лечь раньше», — сказал он.

[2]) Девять у среднеазиатских народов считается счастливым числом. У мусульман, как и у христиан, принято новобрачных осыпать пшеницей, рисом, конфетами или деньгами.

ками, десятками тысяч выпущенных на пастбище лошадей и отарами овец, которых гнали с собой для пропитания войска. Если бы кто-нибудь вздумал обскакать на коне вокруг этого огромного стойбища, ему не хватило бы дня.

Наконец, все были в сборе, и на двадцать первое февраля Тимур созвал курултай. В нем приняли участие сыновья Тимура, Миран-Шах и Омар-Шейх, его внук Мухаммед-Султан, царевичи Кутлук-Тимур и Кунче-оглан, — тоже перебежавший от Тохтамыша, — Эдигей и более тридцати других эмиров.

Курултай закончился в один день. Как и хотел Тимур, — а вернее, именно потому, что он так хотел, и другие это знали, — все собравшиеся высказались за то, чтобы продолжать поход.

ГЛАВА 17

«И тогда повелитель обратил свой высокий взор на земли Дешт-и-Кыпчак[1]), принадлежавшие Тохтамыш-хану, который по бесстыдству своему забыл оказанные ему милости и вынул голову из ярма покорности, а шею из ошейника повиновения мирозавоевателю. И великий эмир признал за правильное сделать сверкающий меч посредником между собой и Тохтамышем.»

Гийас ад-Дин Али.

Два дня спустя, по приказу Тимура, все его огромное войско снялось со стойбища и вдоль берега Сыр-Дарьи двинулось к городу Яссы. Первым выступил передовой отряд в составе четырех туменов. За ним, на расстоянии одного дневного перехода шли все остальные, рассыпавшись лавой на несколько десятков верст в ширину, чтобы лошади по пути были обеспечены пастбищами.

При войске Тимура находился и Карач-мурза со своими нукерами. Железный Хромец был кровно заинтересован в том, чтобы Тохтамыш как можно позже узнал о его походе, а потому, когда Карач-мурза, считая свою миссию законченной, хотел покинуть ставку Тимура, ему не позволили этого сделать.

— Ты спешишь возвратиться в Орду? — сказал Тимур. — Зачем же тебе ехать другой дорогой? Я иду ту-

---

[1]) Дешт-и-Кыпчак, — половецкие степи.

да самым коротким путем. И если хочешь скоро увидеть Тохтамыша, тебе следует идти вместе со мной: я сам спешу с ним поскорее встретиться.

— Со мною жена, — попробовал настаивать Карач-мурза, думая, что Тимур не захочет подвергать свою племянницу невзгодам и опасностям военного похода. — И если я ее теперь оставлю в Самарканде, а у тебя, великий эмир, будет длительная война с ханом Тохтамышем, — один Аллах знает, когда она сможет ко мне приехать!

— Я понимаю, что тебе не хочется расставаться с женой через две недели после свадьбы, усмехнулся Тимур. — Но Хатедже может оставаться при тебе, в походе. Меня тоже будет сопровождать одна из моих жен, Чулпан-ака. Им будет веселее вместе.

Таким образом, несмотря на то, что Тимур попрежнему относился милостиво к Карач-мурзе, последний, по существу, оказался на положении почетного пленника. Было совершенно очевидно, что, как с него самого, так и со всех его людей, приказано не спускать глаз, чтобы ни один из них не мог тайно покинуть ставку Тимура и предупредить Тохтамыша о надвигающейся грозной опасности.

А вместе с тем это необходимо было сделать и, притом, как можно скорей. Но как? — ломал себе голову Карач-мурза. Попробовать ночью устроить побег одному из своих нукеров? Или подкупить кого-либо из воинов Тимура? Пока он раздумывал над этим, судьба неожиданно пришла ему на помощь.

Поздно вечером, накануне выступления из Кара-Самана, один из его приближенных доложил, что два каких-то неизвестных человека хотят говорить с ним по важному делу. Карач-мурза тотчас приказал ввести их в свой шатер.

— Кто вы такие и что вам нужно? — окидывая взглядом пришедших спросил он, когда они, отвесив ему положенные поклоны, подняли головы. Оба были людьми средних лет и не казались простыми воинами.

— Мы — татары и нукеры эмира Идику, пресветлый оглан, — ответил один из них. — И, наверное, в на-

казание за наши грехи, Аллах отнял у нас разум в тот день, когда мы согласились вместе с эмиром бежать к Тимур-беку. Два года уже мы томимся здесь, среди чужих людей, но мысли наши и сердца всегда в Орде, где оставили мы свои семьи, оглан.

— Чего же вы от меня хотите?

— Завтра войско Тимур-бека выступает в поход на Орду, но мы не хотим идти в этот поход, потому что нам тогда не будет прощения от великого хана, пресветлый оглан, а мы хотим возвратиться к своим семьям. И мы пришли просить тебя, милостивый оглан: ты теперь поедешь прямо в Орду, позволь же и нам ехать с тобою, чтобы под твоим высоким покровительством получить прощение от великого хана!

— Эмир Идику вас отпускает? — с удивлением спросил Карач-мурза.

— Он не отпускает нас, пресветлый оглан, но мы решили убежать от него. Сегодня ночью мы спрячемся, — у нас уже приготовлено для этого надежное место, оглан. Завтра войско Тимура отсюда уйдет, тогда мы выйдем из своего убежища и присоединимся к тебе. А если ты тоже завтра уйдешь, мы тебя догоним, пресветлый оглан.

— Слушайте меня, — сказал Карач-мурза после короткого раздумия: — Аллах вам посылает случай не только получить прощение, но и заслужить милость великого хана и щедрую награду. Я теперь не могу возвратиться в Орду: и меня и всех моих людей Тимур бек приказал задержать, чтобы никто из нас не мог предупредить великого хана Тохтамыша об этом походе. А предупредить его надо, и это можете сделать вы.

— Да прославится имя Аллаха по всей земле! Приказывай, светлейший оглан, что мы должны сделать.

— Сейчас вы спрячетесь в вашем убежище и выйдете из него только завтра ночью, когда здесь уже никого не будет. Я вам дам денег, чтобы вы тут же, в Кара-Самане, купили себе самых быстрых коней и потом покупали в дороге новых, когда старые будут падать от усталости. Скачите дни и ночи и, чем скорее вы бу-

дете в Сарае, тем выше будет та награда, которая вас ждет. Великому хану расскажите все, что вы знаете о войске Тимура и о том, что он идет вниз по реке Сейхун[1]) в Тургайскую долину и потом, наверное, к Джаику. Скажите ему также, что я задержан. Я ему ничего не буду писать, потому что если вас схватят с моим письмом, все пропало. Но, чтобы великий хан знал, что вы посланы мной, покажите ему это кольцо, — добавил Карач-мурза, снимая с пальца золотой перстень с большим изумрудом, подаренный ему Тохтамышем. — Поняли все?

— Поняли, пресветлый оглан! Да пошлет тебе Аллах сто лет счастливой жизни за то, что ты даешь нам такой случай заслужить прощение великого хана и его милость. Мы все сделаем, как ты приказал, сиятельный оглан, клянемся тебе!

От крепости Яссы войско повернуло на север и, миновав города Карачук и Сауран, краем пустыни Бет-Пак-Дала[2]) двинулось к реке Сары-Су, на берега которой вышло в начале апреля. Тут необозримые пространства степи были покрыты высокой, сочной травой, и потому Тимур приказал сделать остановку на несколько дней, чтобы дать подкормиться и отдохнуть лошадям, которые были измучены четырехнедельным переходом по местности почти безводной и лишенной даже в это время года хороших пастбищ.

Отдохнув, тронулись дальше и к концу апреля дошли до возвышенной местности Улуг-Даге[1]), где Тимур снова приказал сделать короткую остановку. Тут, на вершине невысокой горы Алтын-Чуку, возвышавшейся над беспредельной степью, он распорядился сложить

---

[1]) Сейхун — арабское и тюркское название реки Сыр-Дарьи. Это последнее название персидского происхождения.

[2]) Бет-Пак-Дала — Голодная степь.

[1]) Возле нынешнего города Карсакпай, в центральном Казахстане.

из камней высокий памятник, на котором повелел высечь по-арабски и по-тюркски надпись, гласившую, что двадцать третьего дня месяца джумади 793 года[1]) здесь останавливался гурхан Тимур-бек, великий эмир и султан Турана, идущий с двухсоттысячным войском в поход на Тохтамыш-хана[2]).

Все это время Карач-мурза внимательно присматривался ко всему, что его окружало, а особенно к устройству войска Тимура и к установленным в нем порядкам.

Основа воинской организации была здесь та же, что и у Чингиз-хана, но Тимур, умудренный практикой своих многочисленных походов, а также и природным талантом, значительно ее усовершенствовал. Войско у него тоже делилось на тумены, тысячи, сотни и десятки, но комплектовалось оно иначе. Чингиз-хан, а после него и все великие ханы татарской Орды, когда им нужно было увеличить численность своих вооруженных сил, — вдобавок к туменам постоянного состава, формировали новые, пользуясь для этого более или менее случайным человеческим материалом. Совершенно естественно, что такие тумены, по своим боевым качествам, всегда были слабее «кадровых». У Тимура же тумены в мирное время имели состав, сокращенный почти наполовину, а когда объявлялся поход, они быстро пополнялись до нормальной численности в десять тысяч человек сбором ополчений, причем каждый тумен — из определенного округа, к которому он был приписан.

Для такого сбора в каждый округ посылался «таваджи», — особый чиновник, наделенный почти неограниченными полномочиями и обязанный, не считаясь ни с кем и ни с чем, привести к определенному сроку указанное ему количество людей. И он их приводил, ибо в противном случае расплачивался своей головой.

---

1) По христианскому календарю — 28 апреля 1391 года.

2) Каменную плиту с этой надписью недавно нашли в этом месте археологи.

К своим войнам Тимур готовился тщательно, стараясь предусмотреть все и обеспечить войско всем необходимым. Нынешний поход он рассчитал на год, и каждому воину было приказано иметь при выступлении лук, колчан с тридцатью стрелами, щит, саблю или копье, четыре овцы, мешок высушенных хлебных лепешек и запас других продуктов. На каждых двоих — пеших или конных, — полагалась одна вьючная лошадь, а на каждый десяток — складной шатер, две лопаты, кирка, топор, пила, серп, шило, сто иголок, вязка веревок, котел, бурдюк и одна выделанная лошадиная кожа[1]).

В начале похода шли обычно широкой лавой, захватывая обширную полосу пастбищ. Но вблизи неприятеля каждый тумен двигался колонной в сто рядов, по сто воинов в каждом, на таких интервалах, чтобы всадник, не тесня соседей, свободно мог повернуться на месте в любом направлении. Такой строй тумена, занимая приблизительно тысячу шагов по фронту и столько же в глубину, был чрезвычайно удобен для мгновенных поворотов и перестроений в какую угодно сторону. На походе и в сражении каждый начальник, начиная с тысячника, обязан был иметь при себе особый, только ему присвоенный трехугольный флажок, по которому его могли издали опознать не только подчиненные, но и гонцы, прибывающие с приказаниям.

Передовой отряд Тимура всегда бывал достаточно великим, чтобы выдержать столкновение даже с крупными силами противника и удержаться до подхода главных сил. Впереди него шел сторожевой отряд, так называемый «караул». Кроме того, когда обстановка этого требовала, вперед и в стороны высылались разведывательные отряды — «хабаргари», составлявшиеся из особо храбрых и ловких воинов[2]).

---

[1]) Эти сведенья дает среднеазиатский историк 15 века Абдар-Резак Самарканди.

[2]) «Хабар» — по-тюркски «новость». «Хабаргари» — «приносители новостей».

Когда останавливались на отдых или на ночлег в таком месте, где можно было ожидать нападения, — с угрожаемой стороны сейчас же окапывались рвом и окружали лагерь плетеными щитами, которые всегда возили в достаточном количестве при войске. Если местность и подручные материалы позволяли, то укреплялись и более основательно. Такой стан назывался «курен»[1]). В нем запрещалось ночью зажигать огни, шуметь и громко разговаривать. Спали с оружием, положенным рядом, не расседлывая коней. Спереди, у рва, располагались пешие воины, готовые в любую минуту отразить ночное нападение.

По отношению к своему войску Тимур проявлял гораздо больше заботы и щедрости, чем другие полководцы его времени. Нередко он, чтобы воины лучше сражались, одаривал их даже перед битвой, а не после одержанной победы, как было в то время принято. Подчиненные перед ним трепетали, но вместе с тем были к нему искренне привержены и, несмотря на суровую дисциплину, измена военачальников, подкуп или перебежки к врагу были в его войске явлениями чрезвычайно редкими.

Наблюдая и постепенно знакомясь со всем этим, Карач-мурза с каждым днем все яснее видел, насколько Тимур за последние годы усовершенствовал организацию своего войска, далеко опередив в этом татарскую орду.

И он с грустью думал о том, что в предстоящем столкновении только исключительная милость Аллаха могла бы принести победу хану Тохтамышу.

---

[1]) От этого монгольского слова и «курень» у запорожских казаков. Таково же происхождение запорожского «коша»: у монголов отряд назывался «кош-ун». Кстати, и слово «казак» татарского происхождения: казаками, точнее «казахами», у Чингиз-хана назывались отряды особо-подвижной конницы.

ГЛАВА 18

«И когда побежало войско Тохтамыш-хана, спереди у него оказалась река Итиль, а сзади губительный меч. С великим трудом самому хану и немногим воинам его удалось спасти себя из этого омута бедствий.»

Шереф ад-Дин Али Иезди,
персидский историк 15 в.

Вскоре войско вступило в изобилующую водой и хорошими пастбищами Тургайскую долину и шестого мая остановилось на новый отдых между реками Джиланчик и Каратургай, в степи, покрытой сочными травами.

Здесь Тимур приказал произвести проверку оставшихся запасов, и оказалось, что они весьма скудны. Овец было совсем мало, мука почти кончилась, и дневное пропитание каждого воина пришлось ограничить миской ячменной похлебки. Но идти предстояло еще далеко, — чтобы не ослабить войско голодовкой, надо было как-то пополнить запасы продовольствия, и Тимур повелел устроить большую охоту.

Несколько туменов конницы, охватив огромные пространства изобилующей дичью девственной степи, два дня сжимали кольцо, сгоняя всех захваченных облавой животных к его центру. Добыча превзошла все ожидания: было убито много тысяч оленей и несметное количество диких коз, зайцев и другой живности. Мясо было частью съедено тут же, а частью порезано на тонкие ломти и высушено на солнце, после чего войско двинулось дальше.

Когда оставалось несколько переходов до реки Тобола, Тимур выслал вперед большой отряд под начальством своего внука Мухаммед-Султана, так как приходили слухи о том, что орда Тохтамыша находится где то поблизости. Но Мухаммед-Султан, перейдя Тобол, противника тут не обнаружил. Тем временем сюда подошли главные силы, и началась общая переправа. Она проходила быстро и споро. Связывая вместе по несколько надутых воздухом бурдюков, на них складывали вещи и оружие, после чего человек десять пеших воинов, держась за такой своеобразный плот, толкали его к противоположному берегу; конные переплывали реку сидя верхом или ухватившись за гриву лошади; переносные щиты-плетни, связанные пачками, тоже были превращены в плавучие средства.

Очутившись за Тоболом, Железный Хромец выслал во все стороны разведывательные отряды, и вскоре они обнаружили, что войско Тохтамыша стоит за рекою Джаиком, возле городка Крык-Кули[1]). Тогда Тимур быстро двинулся вперед, но не к тому месту, где ожидал его Тохтамыш, а севернее, с расчетом перейти Джаик гораздо выше и, обойдя противника, обрушиться на него с тыла.

Только в конце марта, от прибывших в Сарай нукеров Эдигея, Тохтамыш узнал о приближении врага и о численности его войска. По словам татарского «языка», захваченного разведчиками Тимура, при этом известии «у великого хана огонь загорелся в душе и дым пошел из головы, и он сказал: я соберу вдвое больше воинов и с ними встречу Тимура на Джаике.»

Разослав гонцов ко всем улусным ханам и правителям областей с приказанием немедленно собрать побольше людей и вести их прямо на Джаик, сам Тохтамыш со всеми наличными силами тоже направился туда и, найдя удобную позицию возле Крык-Кули, решил

---

[1]) Недалеко от нынешнего Магнитогорска.

именно здесь дать генеральное сражение, рассчитывая напасть на Тимура во время его переправы через реку.

Но Железный Хромец перехитрил хана и, переправившись выше, стал заходить в тыл татарам. Это вынудило Тохтамыша поспешно отступить от Крык-Кули. Два дня спустя, сюда подошло войско Тимура и стало лагерем на том самом месте, где стояла орда. Не зная об этой перемене, в тот же вечер сюда явился с собранным под Азаком[1]) пополнением сын Мамая, который служил у Тохтамыша темником. Уверенный в том, что в Крык-Кули стоят татары, он беспечно подошел вплотную к неприятельскому стану и вместе со всеми своими людьми попал в плен. Такая же участь постигла и многие другие запоздавшие пополнения Тохтамыша, которым было приказано идти именно сюда.

Но даже и без них, по сведениям среднеазиатских историков, у Тохтамыша войска было не меньше, чем у Тимура. Однако, зная, что после пятимесячного похода противник терпит острый недостаток во всем, Тохтамыш, прежде, чем дать решительное сражение, хотел теперь окончательно вымотать его силы и, не принимая боя, отходил на запад.

Железный Хромец, уяснив себе тактику великого хана, был не на шутку встревожен. Войско его, действительно, голодало, и боеспособность его уменьшалась с каждым днем. Нужно было как можно скорее догнать противника и заставить его сражаться.

Больше недели он гнался за Тохтамышем, совершая дневные переходы по сорок — пятьдесят верст, но татары были неуловимы. Тогда Тимур выслал вперед своего сына Омар-Шейха с четырьмя туменами лучшей конницы, приказав ему нагнать Тохтамыша во что бы то ни стало и завязать с ним битву.

Омар-Шейх настиг орду на реке Кундурче, возле

---

[1]) Азак — Азов.

самой Волги, и тревожа ее беспрерывными нападениями сзади, больше от нее не отрывался. Тохтамышу ничего не оставалось, как остановиться и приготовиться к битве. Наскоро выбранная им позиция, — недалеко от Самарской дуги, — была неудачна: в случае поражения войско его легко могло оказаться прижатым к Волге, которая находилась в нескольких верстах за его спиной.

Сражение произошло восемнадцатого июня. Тут стоит сказать несколько слов об особенностях боевого построения противников. Тохтамыш был посредственным полководцем и любил воевать по старинке: как велось в Орде еще со времен Чингиз-хана, он строил свой план на обходе неприятеля с двух сторон и потому сосредоточил большие силы на своих флангах. Но Тимур не сомневался в том, что Тохтамыш будет действовать именно так, и в своем построении применил новшество, позволяющее думать, что ему были хорошо известны обстоятельства Куликовской битвы, уроком которой он теперь воспользовался. Разделив свое войско на семь частей, он расположил его так же, как это сделал Дмитрий Донской в сражении с Мамаем, с тою лишь разницей, что Дмитрий, — правое крыло которого было надежно защищено речкой, — поставил засадный полк за своим левым флангом, а Тимур поставил такие полки с обеих сторон.

Следует также отметить, что в старину, начиная сражение, резервов обычно не оставляли, — наоборот, стремились все наличные силы бросить в бой сразу, чтобы подавить противника своею массой. И Дмитрий Донской был едва ли не первым полководцем, решившимся этот порядок нарушить в больших пределах: он выделил в резерв целую треть своего войска, что и принесло ему победу. Но, повторяя его опыт, Тимур все же не решился сделать этого в полном объеме, — он ограничился резервом гораздо меньшей численности, и это едва не привело его к поражению.

В разыгравшейся битве почти до самого конца перевес был на стороне Тохтамыша. Его центр стойко вы-

держал удар неприятеля и даже начал теснить его. Вскоре Тимур получил донесения, что татары обошли оба его фланга и заходят в тыл. Железный Хромец приказал немедленно бросить в бой резервы, страховавшие оба крыла его войска, но они оказались недостаточно мощными, чтобы отбросить татар и лишь с трудом сдерживали их натиск.

Вскоре положение Тимура сделалось критическим: фланги его начали отходить, оторвавшись от центра. Татары явно одолевали, и их победа казалась несомненной. Но тут, по преданию[1]), произошло следующее: некий находившийся при Тимуре сейид[2]), в тот миг, когда вокруг началось уже полное замешательство, готовое перейти в бегство, громовым голосом стал кричать: «Ягы кочды! Ягы кочды!»[3]). Крик этот сейчас же подхватил Тимур, а за ним его приближенные и войско.

На мгновение татары растерялись: никто из них не бежал, — наоборот, они всюду теснили неприятеля. Но на каждом участке сражения, услышав этот крик, подумали, — не бегут ли другие? Произошла заминка, которой воспользовались ободренные воины Тимура: они с яростью бросились на врага, и орда была обращена в бегство.

Однако, нет сомнения в том, что не только этому находчивому сейиду Железный Хромец был обязан своей победой: арабский историк Ибн-Халдун пишет, что в решающий момент Тохтамышу изменило несколько его темников, заранее подкупленных Тимуром. Может быть, крик «ягы кочды!» послужил для них условным сигналом, по которому они должны были обратиться в бегство, увлекая за собой других. Сам Тохтамыш свое поражение тоже объяснял изменой некото-

---

1) Случай этот описан арабским историком Ибн- Арабшахом.

2) Сейид — титул, который носили потомки пророка Магогомета.

3) «Ягы кочды» — неприятель бежит.

рых военачальников, во главе с царевичем Бекбулатом[1]).

В сражении Тохтамыш потерял сравнительно немного людей, но гораздо худшее ожидало его впереди: не давая татарам опомниться, Тимур бросил всю свою конницу в преследованье и, искусно прижав орду к берегу Волги, тут подверг ее полному разгрому. Согласно восточным хроникам, в этот день полегло более ста тысяч татар, — на протяжении сорока верст земля была усеяна их трупами. Сам Тохтамыш едва избежал плена.

Но войска Тимура тоже понесли огромные потери, а потому он не рискнул двинуться вглубь Орды, чтобы окончательно добить своего врага. Около месяца он простоял на Волге, приводя в порядок свои поредевшие тумены и грабя окрестные земли, после чего тем же путем возвратился в Самарканд.

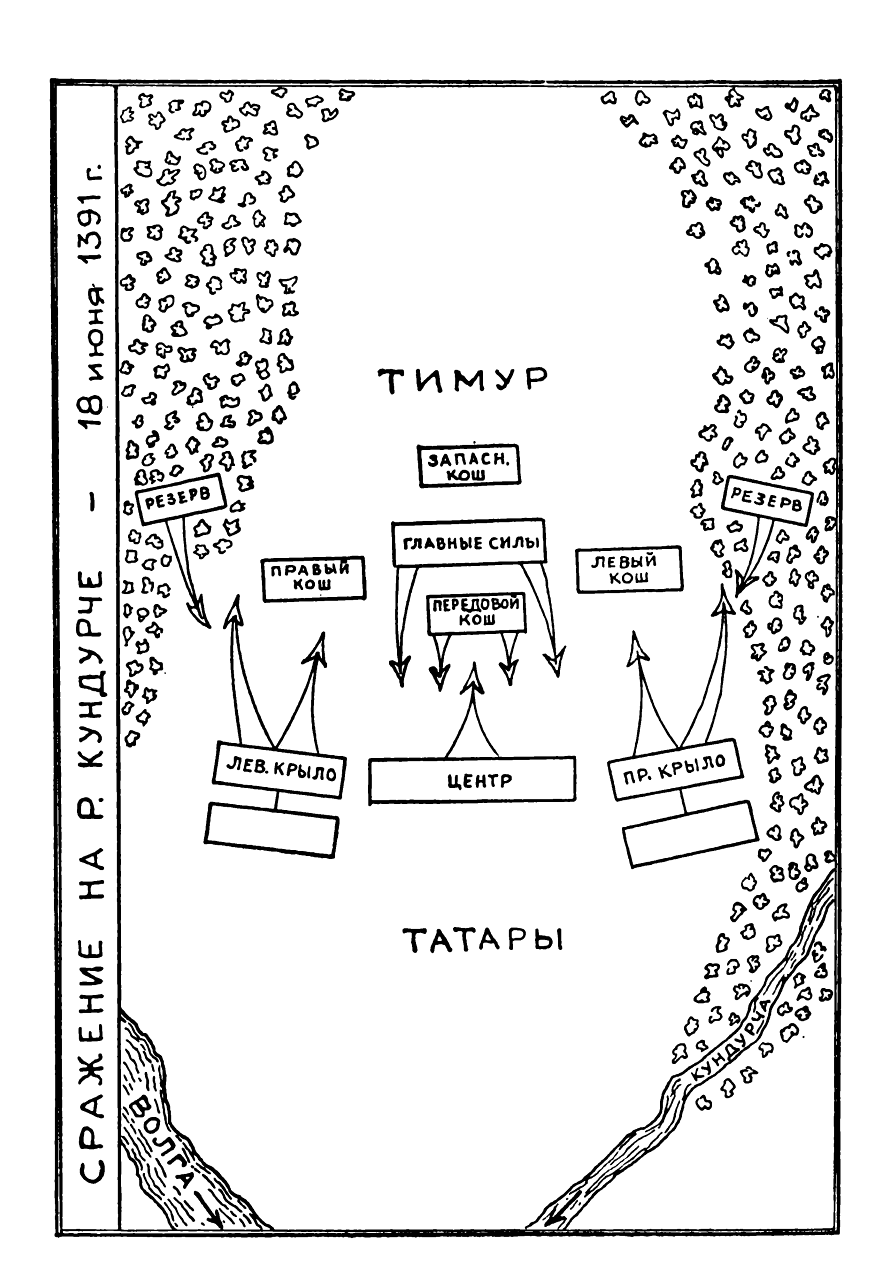
В руки победителей попала богатейшая добыча: каждому из воинов Тимура досталось по двадцать лошадей, а овец захватили столько, что едва смогли их с собою угнать; тысячи телег были завалены награбленным имуществом, а о количестве уведенных пленных можно судить по тому, что из их числа только лишь для Тимура было отобрано пять тысяч красивейших девушек и юношей.

Тимур, который вел беспрерывные войны, постоянно нуждался в громадном войске и потому теперь, понеся значительные потери, он был весьма озабочен их пополнением. Сразу же после битвы на Кундурче он разослал в подвластные ему земли таваджиев с приказом немедленно собирать людей.

Таким положением не преминули воспользоваться находившиеся у него на службе белоордынские царе-

---

[1]) Это видно из сохранившегося письма Тохтамыша к королю Ягайлу.


СРАЖЕНИЕ НА Р. КУНДУРЧЕ — 18 июня 1391 г.
ТИМУР
ЗАПАСН. КОШ
ГЛАВНЫЕ СИЛЫ
РЕЗЕРВ
ПРАВЫЙ КОШ
ЛЕВЫЙ КОШ
ПЕРЕДОВОЙ КОШ
РЕЗЕРВ
ЛЕВ. КРЫЛО
ЦЕНТР
ПР. КРЫЛО
ТАТАРЫ
ВОЛГА
КУНДУРЧА

вичи Кутлук-Тимур и Кунче-оглан, а также эмир Эдигей: они стали просить позволения отправиться в свои улусы, чтобы собрать там и привести к Тимуру столь нужные ему пополнения. И Железный Хромец, которому все они уже оказали немало услуг, завоевав этим его доверие, отпустил их.

Однако, на уме у них было совсем иное: страшное поражение, понесенное Тохтамышем, как им казалось, коренным образом меняло обстановку в Орде и открывало возможность захвата власти Кутлук-Тимуром. И потому, возвратившись в свои улусы, они принялись действовать именно в этом направлении, нимало не заботясь об интересах Тимура. Последний вскоре понял допущенную им ошибку и попытался вернуть Эдигея, вызвав его якобы для участия в каком-то военном совещании. Но присланному гонцу Эдигей ответил, что служить великому эмиру он больше не может, так как, возвратившись в свой улус, застал подвластное ему племя мангитов[1]) в полном упадке и теперь должен о нем позаботиться.

После одержанной победы был отпущен Тимуром и Карач-мурза. Он отправился прямо в Сарай-Берке, но Тохтамыша там не было, и никто не мог сказать ему, где находится великий хан, который после поражения на Кундурче в свою столицу не возвращался. Среди множества ходивших слухов самым правдоподобным казалось то, что он ушел с остатками своего войска в Мангышлакский улус, где сейчас собирает ополчения.

В Сарае ожидало Карач-мурзу и еще одно тяжелое известие: два месяца тому назад скоропостижно скончалась его жена Наир.

---

[1]) Из племени мангитов вскоре образовалась самостоятельная Ногайская Орда, которой правили потомки Эдигея.

ГЛАВА 19

«И прииде тогда некий царь именем Темир-Аксак от Самарханския земли и велику брань и мятеж сотвори в Орде... И прогна царя Тахтамыша, и оттоле восхоте ити на Русскую землю, к Москве.»

Повесть о Темир-Аксаке,
неизвестного автора начала 15 в.

Поражение на реке Кундурче было для Тохтамыша очень тяжелым ударом, однако полным крушением оно все же не являлось: он не лишился ни престола, ни независимости, а для продолжения борьбы у него еще оставалось достаточно материальных и людских резервов. И было нечто еще более важное: сочувствие низового народа, которому он, после длительного периода внутренних войн, ханских усобиц и разрухи, принес твердую власть и порядок. Всем было очевидно, что с падением Тохтамыша в Орде снова начнутся смуты, а потому люди шли к нему охотней, чем к другим претендентам на власть, и войско его быстро пополнялось.

Теперь Тохтамышу нужно было, прежде всего, укрепить свое положение в Орде и восстановить в ней единство власти. Во время его отсутствия, царевич Бекбулат[1]), изменивший ему в сражении с Тимуром, захватил Сарай и объявил себя великим ханом. Осенью того же года Тохтамыш с войском подступил сюда и овладел столицей, но Бекбулат, с частью своих людей, успел уйти в Крым. Чтобы не дать ему там окрепнуть, Тохтамыш

[1]) Некоторые восточные историки называют его Булат-огланом.

сейчас же пошел в преследованье и осадил город Салхат[1]), в котором заперся его соперник. Тем временем Сарай захватил Кутлук-Тимур, тоже провозгласивший себя великим ханом.

Узнав об этом, Тохтамыш бросил осаду Салхата и поспешно возвратился на Волгу. Выгнав из Сарая Кутлука, он оставался тут всю зиму и только в следующем году, окончательно укрепив свое положение в столице, вновь пошел на Крым, взял приступом Салхат и казнил захваченного тут Бекбулата. После этого, оставив в Крыму наместником одного из своих сыновей, он двинулся в Нижнее Поволжье, выбил из Хаджи-Тархани обосновавшегося тут Кутлук-Тимура и, наведя порядок в этих краях, возвратился в Сарай.

К осени 1393 года Тохтамыш уже полностью выправил все последствия понесенного им поражения. Он снова располагал огромным войском, и вся Орда была ему покорна, — только лишь Эдигей со своими мангитами ему не подчинился и кочевал где-то в Зауральских степях, вместе с бежавшим к нему Кутлук-Тимуром.

Тем временем Железный Хромец, перенеся свою ставку в Азербайджан, был занят новыми завоеваниями в Персии и в Закавказье. Очевидно, он полагал, что Тохтамыш, получив столь жестокий урок, больше не осмелится его тревожить. Но это оказалось не так: татарский хан отнюдь не считал борьбу законченной и усиленно готовился к ее возобновлению.

Действовал он на этот раз осторожно и продуманно, стараясь не упустить ни одной полезной для себя возможности. В частности, он отправил послов к польскому королю Владиславу-Ягайлу, литовскому князю Витовту, турецкому падишаху Баязету и к султану Египта Фараджу, пытаясь их склонить к союзу и совместному выступлению против Тимура. Все они, в особенности Баязет и Фарадж были бы рады поражению ненасытного завоевателя, не исключая возможности то-

[1]) Салхат — нынешний город Старый Крым.

го, что он доберется и до их владений. Но пока этого не случилось, выступить против него открыто никто из них не отважился, хотя все обещали Тохтамышу свою дружбу и поддержку. Гораздо решительнее оказались грузинские князья, черкесы и горцы Дагестана, которые уже хорошо почувствовали тяжелую руку Тимура: все они согласились оказать действенную помощь татарскому хану.

Железный Хромец повсюду имел своих людей и потому о всех дипломатических действиях противника довольно быстро получал подробные сведения. Новые враги, тайные и явные, были им взяты на учет. С Египтом и Турцией он расправился позже, а сейчас, узнав о том, что грузины ведут с Тохтамышем переговоры и нисколько не сомневаясь в их сущности, он немедленно выступил из Азербайджана в поход на Грузию, рассчитывая раздавить ее до новой схватки с Ордой. Но Тохтамыш, бывший уже наготове, сейчас же провел свое войско через Дербентские ворота и, заняв Ширванское ханство, незадолго до того покорившееся Тимуру, создал этим угрозу его тылу.

Великий эмир приостановил поход, отправил в Самарканд всех находившихся при его ставке женщин и стал готовиться к большой войне, отовсюду стягивая в Азербайджан подкрепления. Чтобы выгадать время, он сделал вид, что хочет восстановить с Тохтамышем былую дружбу, и отрядил к нему посла с мирными предложениями.

Арабские историки говорят, что Тохтамыш склонялся к миру, но под влиянием своих советников все же эти предложения отверг и ответил Тимуру вызывающе-грубым письмом. Однако, судя по всему предшествовавшему, можно смело утверждать, что советники тут были не при чем и что сам Тохтамыш желал войны. Так или иначе, Тимур был возмущен формой его ответа, но в то же время она послужила для него удобным поводом к началу военных действий.

В феврале 1395 года Железный Хромец велел по-

вернуть свой шатер выходом в сторону Дербента, где стояло татарское войско: это означало, что он объявляет поход против Орды.

Узнав об этом, Тохтамыш приказал отходить к реке Тереку, где рассчитывал дать генеральное сражение в наиболее выгодных для себя условиях. Вслед за ним Тимур, с огромным войском, прошел через Дербентские ворота, по пути безжалостно истребляя горские племена, оказавшие какую-либо помощь Тохтамышу.

У города Тарха произошла встреча передовых отрядов, и татары были отброшены за Терек. К середине апреля оба войска, укрепив свои лагери рвами и плетеными щитами-«чапарами», стояли в полной боевой готовности, разделенные только рекой.

Несколько раз Тимур пытался начать переправу, но татары его отбрасывали. Сам Тохтамыш, наученный горьким опытом на Кундурче, переходить реку не хотел, боясь оставлять ее за своей спиной. Наконец, Тимур совершил ночью переправу, обманув бдительность противника, и к рассвету выстроил свое войско в боевой порядок. Изготовился к битве и Тохтамыш.

Как планы сражения, так и расстановка действующих сил были у противников и здесь почти те же, что в битве на Кундурче: Тохтамыш рассчитывал на обход и сокрушение флангов Тимура, а последний снова расположил свое войско по примеру Дмитрия Донского, но на этот раз значительно усилил резервы, поставленные за флангами.

Весь день пятнадцатого апреля оба войска простояли в полной готовности, не начиная сражения. Ночью Тохтамыш выслал сильные отряды в обход противника, намереваясь, в случае удачи, внезапно атаковать его с тыла. Но эта попытка успеха не имела: татары были вовремя замечены и отбиты.

Наутро началось сражение. Тохтамыш за ночь сосредоточил подавляющие силы против левого крыла Тимура и теперь бросил их в битву, но предварительно

атаковал его правое крыло, чтобы отвлечь туда внимание и резервы противника.

Тимур очень скоро разгадал эту хитрость и, поняв, что исход сражения будет решаться именно на левом фланге, он быстро усилил его двумя туменами, переброшенными из центра, ввел в дело резерв и после упорного боя отбросил на этом участке татар. Но тут Тохтамыш удачно применил уловку, на которую очень часто пускались ордынцы: они побежали с поля вглубь своей обороны, увлекая за собой преследователей, а когда последние зарвались, — окружили их и перерубили почти всех.

Теперь над левым крылом войска Тимура нависла серьезная угроза: резервов с этой стороны больше не было, а татары бросали сюда все новые силы. Спас положение стоявший тут отряд тимуровой пехоты, который, огородившись чапарами, стойко выдерживал натиск врага, посылая в него тучи стрел, пока сюда не подоспели подкрепления, которым удалось оттеснить ордынцев.

Бой продолжался на следующий день. За ночь в войске Тимура значительно усилили левое крыло и теперь с этой стороны держались стойко, хотя и не продвигались вперед. Но татары в это время обошли их правый фланг и ударили с тыла. Однако, у Тимура с этой стороны стоял еще не использованный резерв. Пустив его в дело, он не только выправил положение, но и смял левое крыло орды.

Само по себе это обстоятельство еще не означало, что татары проиграли сражение. Но в это самое время на их правом фланге, который до сих пор стоял твердо и теснил врага, произошло нечто непредвиденное и гораздо худшее: тут повздорили между собой и оскорбили друг друга два крупные военачальника. Один из них потребовал у Тохтамыша, чтобы тот немедленно выдал ему противника на расправу, а когда хан ответил, что сейчас, в разгаре боя, не время разбираться в этом деле, оскорбленный эмир, не сказав больше ни слова, ускакал к своему тумену и увел его с поля сражения.

Этим немедленно воспользовался Тимур, бросив в образовавшийся прорыв несколько туменов своей конницы, и татары обратились в беспорядочное бегство.

Разгром был полный. Сам Тохтамыш с небольшой частью войска, сохранившей дисциплину и преданность своему хану, с трудом спасся от погони и ушел на Волгу.

Но на этот раз Тимур твердо решил доконать врага. Он тут же, на Тереке, где ему досталось все имущество бежавшей орды, щедро одарил своих военачальников и рядовых бойцов, а затем двинулся по следам Тохтамыша, опустошая все на своем пути.

Выйдя на Волгу, он взял приступом и разграбил Хаджи-Тархань, а потом по правому берегу пошел вверх и подступил к городу Укеку, где по слухам находился Тохтамыш. Однако, последний, с небольшим количеством приближенных и нукеров, успел переправиться на левый берег и ушел к волжским болгарам. Разграбив Укек, Тимур двинулся дальше, вторгся в болгарские земли, опустошил тут города Керменчук и Жукотин, а Великий Булгар приказал просто стереть с лица земли за то, что тут дали временное прибежище Тохтамышу, который теперь бежал куда-то дальше, в леса. Летописец отмечает, что в Булгаре было в эту пору более десяти тысяч домов, — Тимур же «сей град великий обратил в ничто, и осталось ныне лишь одно имя его.»

Из Болгарии, переправившись тут на левый берег Волги, Тимур пошел на Сарай-Берке, разграбил его начисто и посадил на ханский престол белоордынского царевича Куюрчука[1]), который служил у него темником. Приказав Куюрчуку собрать войско и навести на Волге порядок, Тимур двинулся на юг, в Крым и в низовья Днепра. Но Куюрчук обеспечить порядка не смог, так как силы его были ничтожны и потому, едва лишь ушел Тимур, некий царевич Таш-Тимур тоже объявил

[1]) Куюрчук-оглан был младшим сыном Урус-хана.

себя великим ханом. На Волге началась новая усобица и смута.

Железный Хромец тем временем разгромил и ограбил все южные улусы Орды, вторгся в Крым, где власть после поражения Тохтамыша захватили генуэзцы, обложил их столицу Каффу[1]) и взял ее после двухнедельной осады. Всех жителей христиан он распорядился увести в рабство, а непригодных перебить, мусульман отпустил на свободу, а самый город приказал разрушить. Затем по реке Дону пошел на север и вступил в пределы Рязанского княжества.

Первым русским городом на его пути был Елец. Он оказал сопротивление, но Тимур взял его без особого труда, Елецкого князя приказал убить, город разграбил, а большую часть жителей увел в рабство. После этого, через Рязанские земли двинулся на Москву, но дойдя до Оки, двадцать шестого августа повернул обратно и ушел на юг.

Восточные историки объясняют это неожиданное событие тем, что Тимур увидел плохой сон и усмотрел в нем дурное предзнаменование, а русские летописцы — чудом, которое совершилось потому, что, готовя Москву к осаде, в нее перенесли из Владимира величайшую православную святыню — чудотворную икону Божьей Матери, по преданию написанную самим евангелистом Лукой. Исторические же факты таковы: великий князь Московский Василий Дмитриевич, хорошо осведомленный о всех передвижениях Тимура и о том разгроме, который он учинил в Ордынских землях, имел достаточно времени, чтобы приготовиться ко всяким неожиданностям. Он собрал большое войско, с которым встал на московских рубежах, — по реке Оке, — как это всегда делал при приближении татар его великий отец, Дмитрий Донской.

Подойдя сюда и увидев за рекой огромный стан

---

[1]) Каффа — нынешняя Феодосия.

русских, — недавних победителей орды Мамая, — Тимур вступить в сражение не отважился и, простояв тут около двух недель, счел за лучшее уйти, тем более, что ограбив всю Орду, он был обременен таким количеством добычи, сверх которого едва ли мог многое увезти, а малейшая неудача на Руси ставила под угрозу все то, что уже было добыто.

Выйдя из русских земель, Хромец направился к городу Азаку, разграбил его, но всех жителей мусульман пощадил, христиан же приказал перебить, а дома их сжечь.

Отсюда он двинулся на Северный Кавказ, в земли косогов[1]), где уже свирепствовал со своим отрядом его сын Мираншах. За то, что косоги помогли Тохтамышу и при приближении войска Тимура выжгли свои пастбища, весь этот край был теперь опустошен, а все его население, попавшее в руки завоевателей, беспощадно истреблено. Спастись удалось лишь немногим, успевшим укрыться в диких горах и в гуще лесов.

Покончив с косогами, Тимур перешел в Дагестан, племена которого тоже сочувствовали и помогали Тохтамышу, и тут расправился с еще большей жестокостью. Все главные города и крепости Дагестана были взяты и разрушены, причем воины Тимура проявляли подлинные чудеса ловкости и отваги, перебираясь по веревкам через пропасти и с помощью приставных лестниц и шестов штурмуя неприступные горные гнезда дагестанцев.

Пока Тимур был занят всем этим, в Орде ширились смуты. Поставленного им хана Куюрчука за пределами Сарая никто не признавал, всем другим его наместникам, оставленным в крупных городах, ордынцы также оказывали открытое неповиновение. Узнав об этом, Железный Хромец пришел в ярость и, покинув Кавказ, снова двинулся на Волгу.

Он и на этот раз начал с Хаджи-Тархани, но теперь

---

[1]) Косоги — черкесы.

вывез из нее все, что имело какую-нибудь ценность, жителей приказал перебить, а город разрушить до основания. Это было исполнено настолько добросовестно, что татары и не пытались потом восстановить его, — проще и легче оказалось построить новый город на противоположном берегу Волги, там где стоит нынешняя Астрахань.

Такая же участь постигла Старый Сарай, а за ним и столицу Орды, Сарай-Берке. Тут Тимур проявил особенную свирепость, которая получила свое подтверждение при раскопках этого города: под развалинами были обнаружены целые нагромождения изрубленных на части человеческих останков, которые, видимо, нарочно складывались в особые пирамиды или штабели.

С подобной же беспощадностью были разрушены и все другие крупные города Орды. Укек, Сараил-Джадид, Бальджимин, Салхат, Маджар, Азак и иные важные центры обратились в руины, вокруг которых едва теплилась жизнь.

Уничтожая эти города, Тимур не только мстил Тохтамышу и татарам: он сознательно и продуманно разрушал всю линию караванной торговли Китая с Европой. Это ему было нужно по двум причинам: Китай уже стоял на очереди в плане его завоеваний, и этими действиями Железный Хромец наносил ему первый удар. Одновременно он хотел, вдобавок к военному разгрому, в корне подорвать экономическую жизнь Орды, чтобы она не могла больше помышлять о каком-нибудь соперничестве с его империей.

И этой цели он достиг вполне: могущество Орды было сломлено навсегда. Своим сокрушительным походом Тимур низвел ее на положение угасающей второстепенной державы, чем невольно оказал неоценимую услугу Руси, чрезвычайно облегчив ей полное освобождение от татарского ига.

Правда, в последующие годы, под властью Эдигея, Орда несколько оправилась от этого страшного разгрома и, прежде чем развалиться на отдельные ханства,

еще три-четыре десятилетия просуществовала как единое, хотя и непрочное целое. Но сейчас она лежала в крови и прахе, торговля ее была парализована, поля и пастбища вытоптаны, ремесло задушено, — всюду были развалины, пожарища, нищета и голод.

Положение было таково, что даже войску Тимура нечем было здесь кормиться и кое-как, за счет награбленного, продержавшись до весны следующего года, Железный Хромец увел его в Персию. Некоторые татарские племена и юрты[1]) он силою угнал с собою и поселил их в Мавераннахре. Другие, спасаясь от голода и смуты, откочевали в русские и литовские земли. Оставшиеся блуждали по степям, без крова и без скота, с трудом добывая себе пропитание. Но и в этом царстве разрушения и смерти не утихали ханские усобицы.

Тохтамыш, после бегства из Булгара, на несколько месяцев выпал из поля зрения историков. Но некоторые летописи говорят, что он скрывался где-то «близь страны мрака», то-есть на севере, а одна из них прямо называет Пермскую землю. Все это позволяет почти с полной уверенностью сказать, что он нашел прибежище в улусе Карач-мурзы[2]) и переждал опасность в городке Карачеле, далеком от тех мест, где свирепствовал Тимур, и надежно укрытом от посторонних глаз.

Хан и теперь не примирился с положением и был полон решимости продолжать борьбу. Собрав на Севере небольшое войско, он уже через три месяца после ухода Тимура появился в Нижнем Поволжье, где имел много сторонников. Значительно пополнив тут свои силы, он осенью того же года двинулся в Крым.

Обещав Ширинскому князю Руктимеру щедрые милости и руку своей дочери Джанаики, Тохтамыш с

---

[1]) В этом случае юрт — кочевая татарская община.

[2]) В улус Карач мурзы входила восточная половина Пермской земли.

его помощью взял город Каффу, получил от генуэзцев большой откуп и, выгнав из Крыма сидевшего тут Таш-Тимура, пока что объявил себя владыкою независимого Крымского ханства.

На развалинах Сарая ханствовал в это время Куюрчук, не имевший почти никакой силы; на Джаике властвовал Эдигей, а в Хаджи-Тархани — Кутлук-Тимур, находившийся в союзе с Эдигеем. Таким образом, в 1397 году Великая Орда временно распалась на четыре ханства. Но такое положение длилось недолго: Кутлук-Тимур и Эдигей, не принимавшие никакого участия во втором походе Тимура, усиленно готовились к захвату верховной власти и вскоре накопили достаточные для этого силы.

Кутлук начал с того, что подступил к Сараю, где за два минувших года кое-как был отстроен один жилой квартал, и без труда прогнал оттуда своего незадачливого дядю, хана Куюрчука, которому сразу же изменили все его немногочисленные темники. Усилившись этим пополнением, Кутлук и Эдигей весною следующего года выступили в поход на Крым. Тут им удалось, путем подарков и обещаний, привлечь на свою сторону крымскую знать, которая в решающую минуту подняла в тылу у Тохтамыша восстание, что и обеспечило победу Кутлук-Тимуру.

Тохтамыш, со своей семьей и с отрядом верных ему людей, — в числе которых находился и Карачмурза, бежал в Литву, к великому князю Витовту, пребывавшему в ту пору в Киеве.

ГЛАВА 20

«И кто же не возлюбит Киевъского княжения, понеже вся честь и слава, и величество, и глава всем землям русским — Киев.»

Никоновская Летопись.

По пологому берегу Днепра, местами взбираясь на склоны прилежащих гор, белой крапью рассыпались незатейливые строения города Киева. Их почти и не видно: притаились, спрятались в зелени садов, будто сами себя стыдятся и понимают: не пристало им носить священное имя древней столицы — матери городов русских и блистательной соперницы самого Царьграда.

Высились здесь когда-то белокаменные и розовые дворцы, гордо стояли величавые храмы, будто воеводы в золотых шлемах, волею Бога и мастерством великих умельцев поставленные над ратью из шестисот киевских церквей. Не счесть было просторных, на диво изукрашенных боярских хором, а домов меньших людей — неоглядное море!

Ничего теперь не осталось, все порушено и пожжено в огне княжеских усобиц, а что от них уцелело, доконали татары. И самое место, где стоял старый Киев, поросло ныне лесом. Кое-где лишь выбиваются из него развалины, а чего — и не угадаешь теперь, да скорбною памятью о былом стоит на горе любимое детище Ярослава Мудрого — Святая София. Обветшала она, — из тринадцати царственных глав ее ссекло время уже четыре.

Жизнь перешла на Подол, где хоть семь домов уце-

лело после страшного Батыева нашествия. Теперь их не семь, а может и семьсот наберется, да все равно поглядеть не на что: все невзрачны, один к одному, коегде лишь увидишь хоромы не хоромы, а так — дом побольше да поприглядней других. Стоит на площади, посредь города, старая каменная церковь святой Богородицы — Пирогощи, есть с десяток деревянных церквушек, да на плоской вершине горы Хоревицы, что над Подолом, высится бревенчатый замок, построенный литвинами. Вот и весь нынешний Киев. Когда подступил сюда Батый со своей ордой, было в нем больше ста тысяч жителей, а сейчас, хотя уже полтора века с тех пор минуло, — коли наберется семь тысяч, и то много.

Но знает русский человек: это минует. Не раз еще увидит Киев и плохие и хорошие времена, но стоять ему вечно, ибо нет на всей славянской земле более древнего очага жизни. Зародилась она тут еще в те непостижимо далекие годы, когда из Днепра пили воду мамонты и косматые носороги, — более двадцати тысяч лет тому назад. Видно какой-то семье одетых в звериные шкуры первобытных людей, забредших сюда в своих скитаниях, тоже что то сказала величавая красота этих гор, глядящих в синеву прекрасной реки. Люди не пошли дальше. Они поставили здесь свой шалаш, и на месте будущего Киева поднялся к небу дымок первого костра. С той поры жизнь тут не угасала.

На территории Киева, под десятисаженной толщей более поздних наслоений, археологи во многих местах обнаружили остатки очагов этой древней жизни. Особенно обширное и хорошо сохранившееся становище людей каменного века было открыто в районе нынешней Кирилловской улицы, на Подоле.

Тут нашли много человеческих скелетов, кости мамонтов и носорогов, наполненные золою очаги, изделия из камня и кости, кремневые орудия и остатки круглых шалашей-чумов. Поселок был довольно велик. Он принадлежал охотникам за мамонтами[1]), а охота на этих

---

[1]) На Кирилловской стоянке были найдены кости более семидесяти мамонтов и многих носорогов.

огромных животных требовала большого количества людей , которые не знали иного оружия, кроме дубины и копья с каменным наконечником. Сохранившиеся рисунки, — наскальные и вырезанные на костях, — объясняют нам, как доисторический человек справлялся с этой нелегкой задачей: мамонта загоняли зимой в глубокий снег, а летом в болотистую трясину и тут забивали копьями и дрекольем скованного в движениях четвероногого великана.

Был и другой способ: мамонтов гнали на высокий отвесный обрыв и сталкивали оттуда вниз. Вероятно, немало погибало при этом и охотников. Но риск себя оправдывал, ибо такая добыча давала человеку все, в чем он тогда нуждался: мясо мамонта шло в пищу, шкура на одежду, жир на топливо и на освещение; из костей делали орудия труда, они же употреблялись как прочный строительный материал. При помощи осколка кремня заготовить из дерева стойки и распорки для шалаша было гораздо труднее, чем приспособить для этой цели бивни и ребра мамонта.

Протекали сотни и тысячи лет, но, как видно по остаткам более поздних становищ, мало что менялось в быту этих древних обитателей киевских гор. Ныне один месяц приносит нам неизмеримо больше новшеств и перемен, чем принесли им десять тысячелетий. Изменился климат земли, иным стал животный мир и, вместо исчезнувших мамонтов и носорогов, вокруг жилищ этих первобытных охотников археологи находят груды костей дикой лошади, тура, оленя и медведя. А в остальном — все, как прежде, как десять тысяч лет тому назад: тот же костер, те же выдолбленные камни вместо посуды, то же копье с кремневым наконечником. Разве — что чуть поудобней стал каменный скребок для выделки кож, да немножко просторней жилище.

Но следующие тридцать-сорок веков ознаменовались крупными сдвигами. Об этом красноречиво свидетельствуют находки, сделанные в поселениях, которые обнаружены в районе нынешнего Печерска и отно-

сятся к седьмому тысячелетию до начала христианской эры.

К этому времени человек уже приручил кое-каких животных, научился ловить рыбу и, если не выращивать, то собирать зерна дикорастущих злаков. В его хозяйстве находят: рыболовные орудия (лодки, сети, крючки), лук и стрелы с костяными и каменными наконечниками, довольно обширный набор кремневых инструментов, иголки и шила из костей. Появляется и грубо выделанная, обжженная на костре глиняная посуда, иногда в ней находят присохшие остатки пищи, в том числе зерна ячменя. Очаги теперь выложены камнем; жилище шире и удобней, хотя, по существу, это все те же круглые чумы. Стоят они не на горах, как прежде, а у самой реки. Это понятно: в жизни человека ловля рыбы стала играть очень важную роль.

Прошло еще четыре тысячи лет, и человечество вступило в так называемый бронзовый век, — в его обиходе появились первые металлические изделия: ножи, мечи, мотыги, наконечники для стрел и копий, некоторые примитивные украшения. Это был огромный шаг вперед в развитии культуры, но все же медь и бронза были слишком мягкими металлами, чтобы произвести полный «технический переворот» и вытеснить кремневые орудия. Бронзовые мотыга и топор не могли заменить каменных, а потому некоторые кремневые инструменты продолжали существовать, наряду с бронзовыми, вплоть до появления железа.

На территории нынешнего Киева обнаружено много остатков поселений людей бронзового века и их могильников. Особенно интересные находки были сделаны в конце прошлого столетия возле киевского села Триполье, откуда и вся совокупность сделанных открытий получила название Трипольской культуры.

Хотя в жизни человека охота и рыболовство еще продолжали играть преимущественную роль, эта эпоха уже характеризуется широким развитием скотоводства и примитивного земледелия. Трипольцы разводи-

ли коров, коз и свиней, которые стали вполне домашними животными; несколько позже была приручена и лошадь. Земледелие ограничивалось огородничеством, ибо при помощи одной мотыги нельзя было, конечно, возделывать больших полей. Из хлебных злаков людям Трипольской культуры были известны ячмень, пшеница, просо и чечевица. Жали зерновые растения кремневым серпом с деревянной рукояткой, молотили в каменных ступках-зернотерках. Далеко шагнуло вперед и гончарное ремесло: глиняные изделия тут хорошо исполнены и украшены гравировкой или росписью в две-три краски, иногда довольно художественной. Найдено при раскопках также немало скульптурных изображений человека, собаки[1]) и других животных.

Но особенно интересны жилища трипольцев: вместо жалкого чума людей каменного века, здесь мы видим обширное строение, величиною до двухсот квадратных метров, с глинобитными полами и со стенами сделанными из жердей, оплетенных лозой и обмазанных глиной[2]). Такая постройка делилась внутренними стенами на несколько отдельных помещений, имела хорошо сложенные каменные очаги и, по существу, представляла собой настоящий дом, вероятно служивший обиталищем отдельного рода или нескольких родственных семей.

Поселки людей Трипольской культуры были довольно обширны и состояли обычно из нескольких десятков таких домов. Это говорит о том, что на смену семейно-родовому быту уже пришла община. Она не только производила для себя все, в чем нуждалась, но и вела довольно широкую меновую торговлю. Найденные при раскопках предметы не оставляют сомнений в том, что трипольцы имели торговые связи с придунайскими, балканскими и даже арабскими землями.

---

[1]) Собака была первым из диких животных, которое приручил человек.

[2]) Стоит отметить, что этот, так называемый «турлучный» тип построек и сейчас применяется крестьянами наших безлесных областей.

В начале первого тысячелетия до нашей эры, на смену бронзовому пришел железный век. Он ознаменовался, прежде всего, широким развитием земледелия. Каменные топор и мотыга, более двухсот веков бывшие почти единственными орудиями человека, уступают место железным. Несколько столетий спустя появляется первая соха, а вскоре за нею и «рало», — примитивный плуг с железным наконечником. Стало возможным, вырубая леса, очищать значительные площади под посевы и их возделывать.

Обнаруженные на территории Киева остатки поселений железного века[1]) свидетельствуют о быстром росте культуры и о больших переменах в быту людей. Прежде всего, сами поселения эти уже представляют собой городища, укрепленные валом и рвом. Благодаря железу, в обиходе человека появляется хорошее оружие и множество инструментов, допускающих развитие разнообразного ремесла: кузнечного, древообделочного, оружейного, кожевенного, шорного, ювелирного и т. д. К этому времени были созданы и еще два орудия производства исключительной важности: гончарный круг и ткацкий станок.

Пробуждаются в человеке и эстетические запросы. Прежде он предъявлял к каждой вещи только два требованья: чтобы она получше отвечала своему назначению и была, по возможности, прочной; теперь он стремится к тому, чтобы она была и красивой. В могильниках этой эпохи находят немало предметов, сделанных с подлинным мастерством и со вкусом, — художественно изукрашенную посуду и даже образцы ювелирного искусства, в виде золотых и серебряных украшений.

Кем же были, по своей племенной принадлежности эти «киевляне» железного века?

---

[1]) Это так называемые Хотовское и Ходосовское городища, оба на южной окраине Киева, а также Подгорцевское поселение, южнее города.

Древне-греческий историк Геродот причисляет их к скифским племенам и именует борисфенитами[1]) или скифами-земледельцами. И, хотя он под общим названием скифов произвольно объединяет множество древних народностей совершенно различного происхождения, можно смело утверждать, что борисфениты принадлежали к группе племен — непосредственных предшественников и прародителей славян[2]). Это ясно хотя бы из того, что несколько столетий спустя, Приднепровье населял уже определенно славянский народ венедов, органическая связь которых со скифами-земледельцами доподлинно установлена археологами. В первых веках христианской эры, восточная часть венедов обособилась под именем антов.

На месте нынешнего Киева анты имели, по-видимому, весьма значительный и важный жизненный центр. Многочисленные остатки их жилищ обнаружены на старокиевской горе и на Киселевке (бывшая гора Хоревица). В третьем-четвертом веках нашей эры густо был заселен ими и Подол.

Эти далекие предки наши оставили мало следов в истории, но кое-что пишут о них готский историк 6 века Иордан и его византийский современник Прокопий Кессарийский. Из этих источников мы знаем только, что анты совершали набеги на римские владения, успешно воевали с готами и с аварами, нанимались на службу к византийским императорам, следовательно были многочисленным, воинственным и сильным народом. Но эти скупые сведенья значительно пополнились находками археологов, известными под общим названием Черняховской культуры, целиком относящейся к антам[3]).

---

[1]) Борисфен — древнегреческое название Днепра.

[2]) К таким пра-славянским племенам, упоминаемым Геродотом и другими историками древности, относят также невров, будинов, бастарнов и роксаланов или росамонов, от которых, может быть и происходит столь спорное имя «рос» или рус».

[3]) Эта культура получила свое название от села Черняхов, Киевской области, где впервые были обнаружены многочисленные находки, относящиеся к эпохе антов. Ей предшество-

Исследованье ее многочисленных памятников, разбросанных по всей Южной Руси, дает нам правильное и довольно полное представление об антах и их образе жизни. Нет сомнения в том, что это был уже вполне оседлый, земледельческий и организованный народ, имевший прочно установившиеся формы общественного быта. Анты поддерживали широкие торговые связи со странами даже довольно отдаленными, о чем свидетельствует множество явно привозных предметов и иностранных монет, которые были найдены при раскопках их поселений. Дошедшие до нас имена антских князей — Бож, Доброгаст, Всегорд, Маджак, Мечимир, Целогаст, Идарий, Хвалибуд, — звучат чисто по-славянски. Известно также, что анты чтили бога Перуна, сжигали своих покойников и придерживались многих обрядов и обычаев, которые позже существовали у русов.

⁂

Из всех этих предпосылок видно, что историк, подходя к вопросу об основании города Киева, имеет в виду не появление здесь какого-то населенного пункта, — таковой существовал спокон веков, — а превращение его в укрепленный административный центр, столицу государственно сложившегося народа.

Сохранилось предание о том, что это осуществили три князя славянского племени полян. Древне-киевский летописец Нестор так повествует об этом:

> «И быша три братья: единому имя Кий, а другому Щек, а третьему Хорив, и сестра их Лыбедь. Седяше Кий на горе, где же ныне увоз Боричев, а Щек седяше на горе, где же ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, от него же прозвася Хоревица. И сотво-

---

вала так называемая Зарубинецкая культура, охватывающая эпоху венедов (2 век до РХ. — 2 век после РХ.) и органически связанная с Черняховской культурой.

риша град един во имя брата старейшего и нарекоша имя ему Киев.»

В достоверности этого факта и в том, что упомянутые князья действительно существовали, едва ли можно сомневаться. Данные Нестора подтверждаются не только сохранившимися географическими названиями (Киев, Щековица, Хоревица, река Лыбедь), но и многими иностранными источниками.

Нестор не указывает, даже приблизительно, время основания Киева, но он упоминает о том, что князь Кий побывал в Константинополе и был с большой честью принят императором. По косвенным данным византийских хроник можно определить, что это событие произошло в царствованье Юстиниана Великого, то-есть не позже 565 года; в русских, византийских и болгарских летописях есть сведенья о том, что в 6 веке на Дунае был основан город Киевец, — несомненно тем же князем, в какой-то связи с его поездкой в Византию; в трех различных византийских источниках[1]) имеются относящиеся к шестому веку упоминания о славянском князе Кувере, сидевшем одно время в городке, построенном им на Дунае, — трудно сомневаться в том, что тут речь идет именно о Кие; армянский историк седьмого века Зеноб Глак упоминает о городе Куаре в стране Полуни, — это, конечно, город Киев в стране полян. И, наконец, в Турции была найдена каменная плита с надписью, датированной 559-м годом, — в ней упоминается город Самбат[2]), а из трудов императора Константина Багрянородного мы знаем, что так в его время называли в Византии Киев.

---

[1]) Житие св. Димитрия Солунского, хроника Никифора Феофана и хроника Иоанна, епископа из Никиу.

[2]) Происхождение названия Самбат или Самбатос спорно и на этот счет историками выдвинуто несколько гипотез. Достаточно правдоподобной является следующая, кажется, еще никем не высказанная: в числе городов, существовавших в его время на Днепре и его рукавах, греческий географ 2 века Птоломей называет *Сарбак*. Отсюда — Самбат.

Все это позволяет с полной уверенностью отнести основание Киева и начало южно-русской государственности к середине шестого века. Это подтверждается и некоторыми польскими хрониками. Первые польские историки Ян Длугош и М. Стрыйковский относят основание Киева к еще более раннему времени.

Таким образом, безусловно следует признать ошибочным то, еще широко распространенное мнение, будто русская государственность начинается с призвания Рюрика, то-есть с 862 года, а о более далеком прошлом нашей земли не сохранилось сведений. В действительности это совсем не так. В древней истории русского народа есть, конечно, «белые пятна», как есть они и в истории других народов, Но трудами археологов и исследователей, обративших особое внимание на иностранные источники, эти пятна постепенно заполняются. И сейчас, если нам и не хватает еще некоторых отдельных звеньев, мы все же имеем достаточно данных, чтобы в общих чертах восстановить историю как Киевской, так и Новгородской Руси, за три века до так называемого призвания варягов.

И само происхождение русского народа для нас больше не является загадкой, — мы можем проследить его, начиная с самой глубокой древности.

ГЛАВА 21.

> « Киев был великолепной столицей князей, владевших всею Русью. Когда он был построен, как давно существует, не достигает ли времен Энея и Колхиды, — неизвестно. Все закрыли давняя старина и равнодушие историков. Остались только руины, — памятники прежнего величия.»
>
> Рейнгольд Гейденштейн
> историк 16 века.

Основание, вернее, оформление Киева как столичного города, при князе Кие выразилось в том, что отдельные поселения трех братьев-князей слились воедино, и была построена обнесенная рвом деревянная крепость, сделавшаяся общим центром и получившая название в честь «брата старейшего», как говорит летописец.

Это предание полностью подтверждается раскопками: под стенами эпохи Владимира Святого, археологи обнаружили остатки этих более древних укреплений и ров, позволяющий довольно точно определить положение и размеры городища князя Кия.

Дальнейший рост Киева шел за счет всевозможного ремесленного и торгового люда, в силу естественных причин всегда оседавшего под стенами больших и хорошо укрепленных городов. Здесь этому способствовало исключительно выгодное географическое положение: Киев стоял на перекрестке водного пути «из ва-

ряг в греки» и караванного, из стран мусульманского Востока — через Хозарию, — в Западную Европу. И потому он очень скоро превратился в крупнейший торгово-ремесленный центр.

Княжившим тут потомкам Кия удалось создать крепкое и сильное государство. Сохранилось предание о том, что хозары, одно время наложившие дань на полян, перестали приезжать за ней после того, как поляне им однажды заявили, что чем другим они не богаты, а по мечу от дыма дать могут. Известно, что киевские князья Аскольд и Дир побеждали волжских болгар и печенегов, совершили два похода на Византию и едва не взяли Константинополь.

Кстати, следует отметить, что эти князья отнюдь не были беглыми боярами Рюрика, как пишет киевский летописец, стремясь возвеличить род князей-рюриковичей. Нет никакого сомнения в том, что они принадлежали к династии старо-киевских князей, о чем имеются упоминания в некоторых иностранных хрониках и даже в киевском «Синопсисе». В частности, древнепольский хронист Ян Длугош, пользовавшийся изначальной русской летописью, до нас не дошедшей, говорит об этом вполне определенно:

> «После смерти Кия, Щека и Хорива, их дети и потомки по прямой линии господствовали над Русью в течение многих лет. Наконец наследство перешло к двум родным братьям — Аскольду и Диру, которые стали княжить в Киеве.»

Точно также и арабский писатель 10 века Масуди, упоминая о Дире, называет его природным русским князем.

Государство полян и в культурном отношении находилось далеко впереди всех других восточно-славянских племен. Тут особенно сильно сказывалось влияние Византии и распространявшегося оттуда христианства. В Киеве, задолго до официального крещения Руси и даже до принятия христианства княгиней Оль-

гой, было много христиан и существовало несколько православных церквей, по-видимому окормлявшихся своим, киевским епископом. В некоторых летописях имеются прямые указания на то, что князь Аскольд был христианином.

Стоит упомянуть и о том, что вселенский патриарх Фотий, в своем послании от 867 года (то-есть за 121 год до киевского крещения), сообщает другим патриархам о крещении Руси. Надо думать, что это относится к так называемой Тмутороканской Руси, находившейся на Таманском полуострове и в восточной части Крыма[1]). Именно со времен Фотия Тмуторокань появляется в списке подведомственных византийской церкви епархий.

Под властью князя Олега, в конце девятого столетия, Киев уже приобретает значение общерусской столицы, а спустя еще сто лет, при Владимире Святом, он становится одним из самых крупных, богатых и красивых городов Европы.

Владимир выстроил здесь новый кремль, то-есть городской центр, по площади почти в двадцать раз превышающий городище Кия и гораздо лучше укрепленный. В годы его княжения было построено множество великолепных зданий, некоторые из которых являлись тогда подлинными образцами строительного искусства. Из них прежде всего следует упомянуть Десятинную церковь. Судя по оставшимся руинам и по дошедшим до нас описаниям, это было грандиозное по тем временам строение, богато изукрашенное мрамором, мозаикой и фресковой живописью. Современники, видевшие эту церковь, говорили, что только на небесах может существовать что-либо более прекрасное.

На площади, перед входом в церковь, стоял на мраморном постаменте памятник в виде четырех бронзовых коней, а вокруг были расположены три дворца. Судя по сохранившимся фундаментам и остат-

---

[1]) Позже она была известна под именем Тмутороканского княжества.

кам каменных стен, толщиною в полтора метра, это были, вероятно, двухэтажные здания невиданных тогда размеров: самый большой из этих дворцов занимал по фронту семьдесят метров, а самый меньший — сорок пять. Одно из помещений, вероятно тронный зал или большая трапезная князя Владимира, имело двадцать пять метров в длину и двенадцать в ширину. Найденые обломки украшений свидетельствуют о том, что дворцы были отделаны с подлинной роскошью.

При Ярославе Мудром строительство продолжалось с еще большим размахом, и к концу его княжения Киев, по своему величию и красоте, действительно мог соперничать с Константинополем.

Территорию Владимирского города Ярослав расширил в восемь раз и все это пространство огородил мощными стенами, превратив Киев в неприступную крепость. Эти стены, как показывают раскопки, состояли из шести рядов наполненных землею бревенчатых срубов — «городниц» и имели у основания восемнадцать метров толщины, при высоте около четырнадцати метров. Поверху шло еще дубовое «заборало», с бойницами для стрельбы и сбрасыванья вниз камней. Так называемые Золотые ворота, служившие главным въездом в город, сохранились до наших дней.

При Ярославе Киев обогатился целым рядом замечательных строений, из которых стоит упомянуть новый дворец великого князя, дворец и подворье митрополита, библиотеку, школу и, в особенности, непревзойденный Софийский собор, сохранившийся доныне и еще сейчас поражающий зрителя своим архитектурным совершенством, величием и роскошью отделки. Вот что о нем написал современник Ярослава Мудрого и талантливейший писатель русской древности — митрополит Илларион:

> «Церковь сия дивна и славна есть всем окружным странам, яко же ина, подобна ей, не обрящется во всем полунощи земном, от востока и до запада».

В годы княжения Ярослава Владимировича возник также Киево-Печерский монастырь, который вскоре приобрел на Руси исключительное значение не только как крупнейшая цитадель православия, но и как главный оплот культурной мысли и просвещения. Первым поселившимся на Печерске отшельником был инок Илларион, но когда в 1051 году он был возведен в сан митрополита, его освободившуюся пещеру заняли подвижники Антоний и Феодосий, которые и основали эту замечательную обитель.

Густо был заселен к этому времени и Подол, где селился, главным образом, ремесленный люд. При Ярославе Мудром Киев был самым большим производственным центром Восточной Европы, и здесь процветало более шестидесяти видов различного ремесла. В частности, во второй половине одиннадцатого столетия тут уже существовал стекольный завод и производилась высокохудожественная мозаика. Киевские мастера обладали также секретом изготовления отличной эмали, а ювелиры своим искусством и тонкостью работы не уступали византийским.

Рост города, хотя и в более замедленном темпе, продолжался при ближайших преемниках Ярослава, и за следующее столетие Киев украсился целым рядом новых замечательных строений. Из них стоит упомянуть Успенский собор, построенный в 1073 году сыном Ярослава и родоначальником Черниговских князей — Святославом Ярославичем. Этот собор, внутренняя отделка которого отличалась необычайной роскошью, был истинной жемчужиной древне-русского зодчества и долгое время служил на Руси образцом для строения других храмов.

Рос Киев, росла и слава его, им восхищались побывавшие здесь иностранцы. Но над царственным городом уже сгущались грозовые тучи. И, вопреки господствующему мнению, сокрушила его величие не столько орда Батыя, как свои же русские князья.

В соперничестве и усобицах, разгоревшихся между русским Севером и Югом, князь Андрей Боголюбский в 1169 году захватил Киев и предал его беспощадному разрушению. Сделал он это вполне обдуманно, повинуясь холодному политическому расчету: ему, перенесшему великокняжескую столицу на север, в город Владимир, нужно было навсегда подорвать значение «матери городов русских.»

Вот в каких словах описывает это событие Ипатьевская летопись:[1])

> «Взят же бысть Киев месяця марта в восьмый день и грабиша за два дни весь град и Подолье, и Гору, и монастыри, и Святую Софью, и Десятиньную Богородицу и не бысть помилованья никомуже и ниоткудуже, церквам горящим, хрестьянам оубиваемым, а другим вяжемым. Жены ведомы быша в плен, разлучаемы от мужей своих, младенцы же рыдаху зряща матерей своих. И взяша суждальцы имения множество и церкви обнажиша, иконы, книги и ризы и колокола изнесоша и все святыни взята и бысть зажжен монастырь Печерский... И бысть в Киеве на всех человецех стенанье и туга, и скорбь неоутешимая и слезы непрестаньныя.»

От этого разгрома Киев оправлялся медленно, ибо за него шла непрекращающаяся жестокая борьба между Смоленскими, Черниговскими и Галицкими князьями, — в течение следующих тридцати лет он чуть ли не ежегодно переходил из рук в руки. В 1202-м году Смоленский князь Рюрик Ростиславич, вместе с половцами овладевши Киевом в седьмой раз, отдал его на разграбление своим союзникам, в качестве уплаты за их помощь. Предоставим на этот раз слово другому летописцу:[2])

---

[1]) Ипатьевская летопись, стр. 545, изд. Императорской археографической комиссии, С. Петербург, 1908 г.

[2]) Лаврентьевская летопись, стр. 418-419.

«Взят бысть Кыев Рюриком и всею Половецькою землею и сотворися велико зло на Рустей земли, якого же не было от крещения над Кыевом... Не токмо одно Подолье взяша и пожгоша, но и Гору взяша и митрополью святую Софью и Десятиньную святую Богородицу разграбиша и монастыри все. И иконы поимаша и кресты честные и сосуды священныя и ризы. А что чернец и черниц, и попов и попадей, и киян и жены их и дщери и сыны, — то все ведоша иноплеменници в вежи своя.»

Все это с достаточной ясностью показывает, что в деле разорения Киева, которое принято целиком приписывать татарам, значительная часть должна быть отнесена на счет своих же князей, проявивших тут больше вандализма, чем ордынцы, ибо грабили они и разрушали не чужие, а свои собственные национальные святыни и бесценные памятники русской старины.

Орда Батыя подошла сюда осенью 1240 года. Киевом владел в это время князь Даниил Романович Галицкий, но так как этот захиревший город не представлял для него особого интереса, сам он оставался в Галиче, а в Киеве сидел его наместник, воевода Дмитро.

Началась осада. Киевляне защищались с предельным мужеством и около двух месяцев отбивали все приступы врага. Но 6 декабря татары ворвались в город. Все его население продолжало сражаться с ордынцами на улицах, защищая каждую пядь родной земли. Наконец, все уцелевшие заперлись в Десятинной церкви, превратив ее в последнюю цитадель сопротивления.

Из этого факта следует сделать вывод, что трех каменных[1]) дворцов Владимира Святого, находившихся на

---

[1]) Некоторые историки считают, что эти дворцы Владимира Святого были деревянными. Но это совершенно не вяжется с обнаруженными при раскопках мощными фундаментами и

этой же площади, к моменту татарского нашествия уже не существовало, иначе киевляне, конечно, использовали бы для обороны их, а не церковь, гораздо менее пригодную для этой цели. Вероятно эти дворцы были разрушены Андреем Боголюбским, как и многие исторические здания Киева.

Под тяжестью массы людей, взобравшихся на хоры, Десятинная церковь рухнула, похоронив под своими развалинами последних защитников города. Но главный герой этой беспримерной обороны, воевода Дмитро, уцелел. Предание говорит, что когда его, израненного и связанного, поставили перед Батыем, последний похвалил его за мужество и спросил: «что ты будешь делать, если я прикажу возвратить тебе твой меч?» Дмитро ответил: — я снова подниму его против тебя, хан! — За исключительную доблесть Батый повелел сохранить ему жизнь.

Почти все оставшееся население Киева было перебито, а сам город разграблен, разрушен и сожжен. Но стоит обратить внимание на следующую подробность, приводимую летописцами: из всех исторических зданий, вернее из всего города, остались целыми только Софийский собор, Кирилловская церковь, Печерский монастырь и Михайловский монастырь. Из этого видно, что татары соблюдали тарханную грамоту[1]) Чингиз-хана и щадили церкви. Деревянные, конечно, сгорели в пламени общего пожара.

Всякая жизнь на Старо-киевской горе, после этого разгрома, замерла на несколько столетий, а горсточка переживших гибель города киевлян обосновалась на Подоле, где не все было разрушено. По преданью тут уце-

---

нижней частью каменных стен, толщиною в полтора метра. Деревянными могли быть только верхние этажи или терема этих дворцов.

1) Тархан значит «неприкосновенный». Этой грамотой Чингиз-хан утверждал полную свободу вероисповедания в покоренных им странах и неприкосновенность церковного имущества и личности священнослужителей.

лело семь строений. Краски здесь, надо думать, сгущены, но, во всяком случае, не очень, ибо папский легат Плано Карпини, побывавший в Киеве семь лет спустя, когда Подол уже в значительной мере отстроился, насчитал в нем около двухсот домов.

Насколько медленно возвращалась к жизни древне-русская столица, можно судить по запискам французского инженера Боплана, посетившего Киев в 1640 году, ровно через четыреста лет после нашествия Батыя. Он пишет:

> «Между горой и Днепром лежит Новый Киев, город малолюдный, насчитывающий пять-шесть тысяч жителей, обнесенный деревянной стеной с башнями и окопанный ничтожным рвом в двадцать пять футов шириной... От прежнего Киева, — одного из древнейших и красивейших городов Европы, — остались только следы былых укреплений, развалины церквей и княжеских усыпальниц, да храм святой Софии одинаково прекрасный, с какой бы стороны на него ни посмотреть.»

Завершив покорение Руси, Батый отдал Киевское княжество Суздальскому князю Ярославу Всеволодовичу, от которого оно перешло к его сыну, Александру Невскому, а потом к брату последнего, Ярославу. Но никого из них разоренный Киев не интересовал, и они ограничивались тем, что посылали в него своих наместников. Далее тут княжили по ханским ярлыкам различные мелкие князья, последним из которых был некий Феодор. Его прогнал литовский великий князь Ольгерд Гедиминович, который в 1362 году захватил Киевщину и отдал ее во владение своему сыну Владимиру.

Владимир Ольгердович, русский по матери[1]) и, как вся семья Ольгерда, с детства исповедывавший право-

---

[1]) Его матерью была кн. Ульяна Александровна Тверская.

славие, оставил по себе добрую память, как князь совершенно русский по духу и по воспитанию, а к тому же ревностный защитник православной церкви. Под его властью Киевское княжество значительно окрепло, а город Киев снова приобрел значение крупного политического и административного центра. Подол был полностью отстроен и обнесен деревянными стенами, а на горе Хоревице выстроен обширный и хорошо укрепленный замок — кремль, в котором размещались все органы управления и проживал сам князь.

Присоединение к Литовскому государству избавило Киевщину от татарской власти и здесь все шло хорошо пока был жив князь Ольгерд. Но положение резко изменилось после его смерти, когда власть перешла к его младшему сыну Ягайлу, который вскоре принял католичество, с именем Владислава, и, получив польскую корону, объединил под своей рукой Литву и Польшу. Литовским великим князем, подчиненным ему, в 1392 году был объявлен его двоюродный брат Витовт, тоже католик.

Началось окатоличиванье русско-литовских земель. Владимир Ольгердович новым порядкам не сочувствовал и оказывал Витовту открытое неповиновение. Дело кончилось тем, что в 1394 году он был изгнан из Киева и вскоре бежал в Москву, а киевский стол достался его младшему брату Скиргайлу[1]).

Однако, Скиргайло тоже не оправдал надежд Витовта, а вскоре сделался ему даже опасен. Он также не пожелал изменить православию и, став Киевским князем, решительно продолжал политику своего брата и предшественника Владимира. Твердою защитой русских интересов он быстро завоевал в Киевской земле популярность, к тому же был прославленным воином, а потому Витовт предпочел избавиться от него без шума и раз навсегда: в 1395-м году он был отравлен.

---

[1]) Православное имя Скиргайлы было Иван.

С той поры Витовт князя сюда не назначал и правил Киевщиной при помощи наместников, но нередко наезжал и сам, в связи с теми или иными событиями.

Он как раз находился в Киеве, когда, летом 1398 года, сюда прибыл со своей свитой и верными ему воинами, хан Тохтамыш, разбитый в Крыму Кутлук-Тимуром.

ГЛАВА 22

«Совещашася Витофт с Тахтамышем, тако глаголя: аз тя посажу в Орде на царствие, а ты мя посадишь на княжении на великом на Москве и на всеи Руской земли. И на том сташа и поидоша купно на царя Темирь Кутлуя».

Троицкая летопись.

— А у здешнего хана много войска? — спросил маленький Абисан, сидевший, поджав ноги, у выхода из шатра, внимательно наблюдая за сборами отца.

— Это не хан, — ответил Карач-мурза. Он только что натянул на ноги желтые, расшитые бисером сафьяновые сапоги и теперь надевал поданный ему нукером кафтан из синего с золотом аксамита[1]). — У литовцев и у русских повелители называются князьями. А войска у князя Витовта много.

— Я думаю, все-таки можно захватить этот город. Мы с Бехтибеком[2]) вчера подъезжали к крепости и хорошо все высмотрели. С полунощной стороны ее легче всего взять: там стена ниже, и в одном месте ров почти засыпан обвалом.

— Ах, ты, вояка! А зачем нам брать Киев? Князь Витовт наш друг, — промолвил Карач-мурза, с ласковой улыбкой взглянув на семилетнего сына. Это был рослый, крепко сложенный и большеглазый мальчик,

---

[1]) Аксамит — старинная драгоценная ткань, с золотым или серебрянным узором, вытканным на основе из шелкового бархата.

[2]) Бехтибек — один из младших сыновей Тохтамыша.

выглядевший старше своих лет. Он старался держаться с солидностью воина и одет был как взрослый, даже с маленькой, — по росту, — но настоящей саблей на боку.

— Ты говорил, что эмир Идику тоже был наш друг. А теперь он взял все наши города и пастбища.

— Собаку Идику мы еще побьем, сынок. Князь Витовт нам в этом поможет, если вы с Бехтибеком не отнимете у него Киева. Слыхала, жена? — добавил Карач-мурза, обращаясь к Хатедже, которая в эту минуту появилась из-за перегородки. — В сыне-то нашем твоя кровь говорит, тимуровская!

— Наверно моя. Кто не знает, что кровь Чингиз-хана и русских князей, которая в тебе течет, — это голубиная кровь, — смеясь, ответила Хатедже. Ей было сейчас за тридцать пять, но она мало изменилась за последние годы, только чуть-чуть располнела и выглядела свежо и молодо.

«В дочери мне годится, — с некоторой грустью подумал Карач-мурза, поглядев на жену. По существу это было верно: ему уже минуло пятьдесят шесть. Волосы и коротко подстриженная борода его были почти седы, но фигура сохранила свою стройность, и синие глаза были ясны, как прежде. Стариком он себя не чувствовал, и до сих пор никто из встречных людей еще не назвал его аксакалом. — Ну, что же? Аллах к нам милостив, — живем дружно, да и сын у нас, сразу видно, растет богатырь. А остальное разве важно?

Он с привычной сноровкой повязал голову белой шелковой чалмой, заколол ее спереди застежкой с большим рубином и, пристегнув к поясу драгоценную саблю, подаренную ему в день свадьбы Тимуром, спросил:

— Конь готов?

— Готов, пресветлый оглан, — ответил помогавший ему одеваться Нух.

Коротко простившись с Хатедже и кивнув сыну, Карач-мурза вышел из шатра. Стойбище Тохтамыша было разбито на живописном берегу Днепра, в несколь-

ких верстах от Киева. Сам хан тоже находился здесь, хотя ему, его семье и свите князь Витовт предлагал разместиться в замке. Но врожденная недоверчивость Тохтамыша заставила его отклонить это предложение, под тем предлогом, что только находясь при своем войске он сможет быть спокоен за то, что его татары сохранят дисциплину и ничем не обидят местных жителей.

Сегодня надо было ехать на переговоры с Витовтом. И хотя Тохтамыша сопровождало не менее сотни приближенных, в самом совещании, по предварительному уговору, кроме двух монархов, должен был принимать участие только Карач-мурза — в качестве переводчика, ибо обыкновенному толмачу нельзя было доверить столь важных тайн.

По берегу Днепра кавалькада въехала в город и, миновав его, стала подниматься в гору, к южным воротам замка, носившим название Драбских. Другие его ворота, Воеводины, выходили на север, но с той стороны подъем был настолько крут, что дорога местами была вырублена в виде лестницы и подняться по ней после сильного дождя или во время гололедицы было очень трудно даже пешему.

Замок представлял собой неприступную крепость, которую можно было взять только на измор, путем долгой осады. Стены его, имевшие около двух верст в окружности, были сделаны из четырехсаженных дубовых городниц, с наружной стороны обмазаных толстым слоем глины. По верху шло деревянное заборало, со скважнями для стрельбы, и на равных расстояниях друг от друга высилось десятка полтора бревенчатых, крытых шатровыми крышами шестигранных башен, с тремя рядами бойниц каждая[1]).

Едва конь Тохтамыша, ехавшего впереди других, ступил на площадку перед рвом, со стен замка ударил

---

[1]) Описание этого замка, уничтоженного в конце 17 века, оставили нам польские хронисты, а зарисовки — голландский художник Ван-Вестерфельд.

приветственный залп из пушек. Затем, под грохот барабанов, опустился подъемный мост, и хан со свитой торжественно въехал в распахнувшиеся перед ним ворота. Его глазам представилась довольно обширная площадь, посреди которой стоял католический костел, а по бокам три православных церкви, которых тут еще не решились закрыть, и несколько приземистых деревянных зданий. В дальнем конце высился бревенчатый двухярусный дворец, к крыльцу которого, от самых въездных ворот вела дорога, обозначенная двумя рядами вооруженных копьями воинов, поставленных для почетной встречи.

Привычной рукой сдерживая своего возбужденного пушечной пальбой арабского жеребца, Тохтамыш медленно двинулся вперед по этой живой улице. В трех шагах за ним следовали его старшие сыновья — Джелал ад-Дин и Керим-Берди, а с ними и Карач-мурза; остальная свита красочной россыпью растянулась сзади.

Когда хан приблизился к дворцу, на его высоком крыльце, окруженный десятком приближенных, появился великий князь Витовт, в белом атласном кунтуше с золотым шитьем и в такой же шапочке, украшенной пером серебристой цапли.

Тохтамыш легко соскочил с коня и стал подниматься на крыльцо, в то время как Витовт с него спускался. Встретившись на площадке, посреди лестницы, монархи обнялись под приветственные крики народа и на минуту замерли так, легонько похлопывая друг друга по плечам и спине. Затем Витовт взял гостя под руку и увлек во дворец. Карач-мурза и оба царевича последовали за ними.

— Хотя только сегодня Аллах даровал мне счастье тебя увидеть и обнять, как брата, великий и благородный князь, я всегда был тебе верным другом, — говорил Тохтамыш, когда трое участников совещания уединились в рабочей горнице Витовта, украшенной ору-

жием и охотничьими трофеями. — Ты это сам знаешь. Я никогда не поднимал против тебя оружия. Многие русские земли, которые платили Орде дань, потом отошли к Литве; когда король Ягайло был литовским князем, я заставлял его платить мне за эти земли. Но с тебя я ничего не хотел брать и даже никогда не напоминал тебе об этом.

Карач-мурза перевел слова хана на русский язык, которым отлично владел Витовт. Последний, выслушав их, внутренне улыбнулся. — «Еще бы ты стал мне об этом напоминать, когда последние годы только и успевал, что бегать от Тимура, — подумал он, но вслух сказал:

— Я видел и понимал это, великий хан. У нас есть общие враги, и перед лицом этих врагов нам всегда нужно оставаться друзьями. И потому я не только ценю твою дружбу, но и тебе готов доказать свою.

— Твои слова льются в мое сердце потоком радости, князь. Я знал, что ты мудр и великодушен и потому сейчас, в минуту несчастья, я здесь, у тебя.

— Ничья жизнь не слагается из одних удач. Но всякую беду можно поправить, особенно если у человека есть верные друзья. Говори, хан, чем я могу помочь тебе?

— Мне нет надобности много говорить, князь: ты сам знаешь, чем Аллах покарал Орду в эти последние годы. Если бы моими врагами были только те, кто, подобно Тимуру, шел на меня с оружием в руках, они были бы побеждены и уничтожены. Но более страшные и подлые враги находились вокруг меня, среди моих военачальников. Эти неблагодарные люди, которых я возвысил и осыпал милостями, предавали меня на каждом шагу, в каждой битве. Многие из них уже заплатили за это своими головами. Но самый коварный из этих врагов не только жив, но и захватил, попустительством Аллаха, власть в Орде. И вот, я приехал к тебе просить помощи против него.

—Ты говоришь о Кутлук-Тимуре, великий хан?

— Кутлук-Тимур сам по себе ничто, и мне хватило бы трех туменов войска, чтобы избавиться от него

навсегда. Я говорю об Идику, который стоит за его спиной и, не показывая своего лица, управляет и Кутлуком и всей Ордой.

— Тебе известно, сколько у них войска? — после небольшого молчания спросил Витовт.

— Когда мне пришлось уйти из Крыма, у них было десять или одиннадцать туменов. Но за это время они могли собрать еще столько же.

— И сверх того, если им будет нужно, они получат помощь от Хромого Тимура...

— Нет, князь, этого мы можем не бояться. Они изменили Тимуру, как прежде изменили мне, и он им ни в чем не поможет.

— Ну, а какими силами располагаешь ты?

— Здесь со мною немного больше трех туменов. И еще три или четыре мои люди приведут из верных мне улусов.

— Значит, чтобы обеспечить победу, тебе нужно еще тысяч полтораста воинов, — промолвил Витовт. — Много... У меня сейчас и половины того не наберется. Эх, будь ты христианином, было бы иное, — помолчав, добавил он, и его серые, с хитринкой, глаза из-под густых, разлатых бровей пытливо уставились на хана. — Тогда и король Ягайло помог бы, и великий магистр. А за «неверного» никто из них сражаться не захочет..

— Я уже думал об этом, князь, — сказал Тохтамыш, поглядев на Карач-мурзу и, как ему показалось, прочтя в его глазах одобрение. — Аллах от меня отвернулся, он помогает теперь моим врагам, а не мне. Может быть, ваш Бог будет ко мне милостивей... Если христианские цари и князья помогут мне победить моих врагов и утвердиться в Сарае, клянусь тебе: когда я снова буду единым повелителем Великой Орды, я приму христианскую веру и заставлю весь мой народ принять ее.

— Я рад это слышать, хан! И, поверь, так будет лучше и для тебя и для Орды. Вы, татары, великий и храбрый народ, вам давно пора приобщиться к истинной вере и стать нашими братьями. Римский первосвя-

щенник даст тебе королевскую корону и благословит оружие тех, кто придет к тебе на помощь. У нас будет достаточно войска, чтобы сокрушить всех твоих врагов и утвердить тебя на царстве в Орде. Я это на себя беру, и можешь мне верить. Но когда ты вновь обретешь власть и могущество, могу ли я тоже рассчитывать на твою помощь в некоторых делах моих?

— Клянусь тебе в этом, достойнейший князь! Говори, что я должен сделать, и если это будет в моей власти, считай, что ты уже достиг желаемого!

Витовт помедлил. Разумеется, он заботился, прежде всего, о своей собственной выгоде и давно обдумал те условия, на которых стоило помочь Тохтамышу возвратиться на ордынский престол. И принятие Ордой католичества было далеко не самым важным из них, хотя и оно обеспечивало ему благосклонность папы и королевскую корону. Сам же Витовт, за свою сорокавосьмилетнюю жизнь успевший уже три раза переменить религию, был к вопросам веры совершенно равнодушен.

История его жизни была необычна с самого рождения. Его отец, Кейстут, будучи язычником, как-то посетил на Жмуди знаменитый храм богини Прауримы в городе Полонге и тут, увидев прекрасную вайделотку[1]) Бируту, влюбился в нее без памяти. Посвященная богам, она не имела права на замужество, но это Кейстута не остановило: он увез ее силой и женился на ней. Первенцем от этого брака, оказавшегося, между прочим, очень счастливым, был Витовт.

С юных лет он испытал немало превратностей судьбы. Когда в борьбе с Ягайлом погиб его отец, а сам Витовт был схвачен и заточен, он сумел бежать, переодевшись в платье служанки, и нашел прибежище у Тевтонских рыцарей. Они обещали помочь ему против Ягайла, если он примет католичество. Витовт на это без колебаний согласился, получив при крещении имя Виганда.

---

[1]) Вайделоты — жрецы литовских языческих богов, хранители священного огня.

Началась война, на которой выгадывали только рыцари, беспощадно грабившие Литву, а потому два года спустя Витовт на довольно выгодных условиях помирился с Ягайлом и обратил свое оружие против тевтонов. Очевидно, желая подчеркнуть свой полный разрыв с Орденом, он перешел в православие, с именем Александра.

Однако, три года спустя, когда Ягайло, сделавшись католиком и польским королем, объединил Литву и Польшу в одно государство, Витовт с такой же легкостью отрекся от православия и возвратился в католичество, что при новых порядках было несравненно выгоднее.

Первый этап борьбы с Ягайлом закончился для него весьма удачно: он получил громадный удел, в который входили княжества Гродненское, Трокское и Бельское, почти вся Волынь и города Брест, Дорогочин, Сураж, Каменец и Волковысск, со своими областями.

Но честолюбивый Витовт этим не удовлетворился. Сочетая в себе ум, хитрость и отвагу с качествами дальновидного и очень гибкого политика, он продолжал борьбу, опираясь то на католический Тевтонский Орден, то на православных князей, недовольных католиками, то на языческую Жмудь, которая относилась к нему с симпатией и доверием, как к сыну князя Кейстута, боготворимого жмудинами. Выдав свою дочь Софию за великого князя Московского Василия Дмитриевича, он установил дружественные отношения с Русью, так что, в случае надобности, мог рассчитывать и на ее помощь.

Дела Ягайлы складывались плохо, и в 1392 году он вынужден был признать Витовта великим князем всей Литвы, сохраняя над ним верховную власть в качестве короля объединенного Польско-Литовского государства. Но эта власть была почти номинальной, на деле же Витовт распоряжался в Литве совершенно самостоятельно. Однако он и на этом не успокоился: к своим владениям, которые, помимо Литвы, уже охватывали почти все земли бывшего княжества Черниговского, Киевщи-

ну и Волынь, в течение трех следующих лет он присоединил княжества Витебское и Смоленское, а еще год спустя Ягайло вынужден был уступить ему и всю Подольщину. Теперь границы Литвы на западе соприкасались с Венгрией, а на Востоке — с татарской Ордой.

Но вожделения Витовта простирались еще много дальше: в мечтах он уже видел себя королем огромного государства, в которое войдут Псков, Великий Новгород, княжества Тверское и Рязанское, а может быть и все другие русские земли. Правда, для этого придется вступить в жестокую и трудную борьбу с Москвой. Но разве сама судьба, которая до сих пор была к нему неизменно милостива, не посылает ему сейчас случай создать себе могущественного союзника, при помощи которого можно будет достигнуть даже того, о чем он до сих пор и мечтать не отваживался?

Будет ли только благоразумно уже сейчас открыть Тохтамышу свои карты? Может быть, хитрый татарин, вероломно обманувший Тимура, заплатив ему за помощь предательством, точно так же поступит и с ним, с Витовтом? Но Тохтамыш, как бы прочитав его мысли, сказал:

—Теперь у меня нет и не будет друзей, кроме тебя, князь. Москва только и думает о том, как бы сбросить совсем власть Орды, а Тимур меня ненавидит, и от него я ничего не могу ожидать, кроме зла. Твоя дружба и твоя помощь мне будут нужны всегда, и потому я готов сделать все, что ты захочешь, чтобы сохранить их.

— В этой дружбе залог и твоего и моего могущества, великий хан, — медленно сказал Витовт, поняв, что Тохтамыш говорит правду. — И если она не будет нарушена, мы с тобою поделим власть над всеми землями, от Вислы до Иртыша и до Сыр-Дарьи. Я тебе помогу возвратиться на престол в Сарае и снова стать властелином над всеми улусами Золотой и Белой Орды. Но, когда ты будешь силен, как прежде, — ты мне поможешь овладеть русскими землями и сесть на царство в Москве.

ГЛАВА 23

«Люди сходны между собою в плохом, а отличают их друг от друга только хорошие качества и степень воздержания от пороков.»

Ибн-Халдун.

Вечером того же дня Витовт устроил празднество и пир в честь высоких гостей. В большой трапезной княжеского дворца, которая была невелика по своим размерам, за богато убранными столами поместилось человек семьдесят представителей высшей знати — литовской, татарской и русской. Народ попроще пировал прямо на площади перед дворцом, освещенной огромными кострами и факелами.

Тут жарились на вертелах целые туши домашних и диких животных и птиц, на столах громоздились горы нарезанного хлеба и во множестве стояли расписные глиняные чарки, а на площади, в разных местах, были расставлены бочки с вином, горелкой и медом, из которых каждый черпал, что ему было любо.

В трапезной, освещенной десятками свечей, столетние меды и дорогие вина лились рекой и царило неподдельное веселье. Радовались гости, радовались и хозяева, ибо состоявшееся соглашение было обоюдно выгодным: оно сулило и Витовту и Тохтамышу то, к чему каждый из них стремился. Но оба они в своих затаенных мечтах шли уже гораздо дальше.

Кто бы не оказался в конце концов на московском престоле, — пусть даже Витовт, — Тохтамыш в тайниках души твердо рассчитывал удержать верховную

власть над Русью, в чем, если понадобится, — думал он, — ему помогут польский король и тевтонский магистр, которые вовсе не хотят чрезмерного усиления Витовта, а к тому же всегда были врагами Руси.

Витовт, в свою очередь, был уверен в том, что, сделавшись при помощи Тохтамыша единым государем Литвы и Руси, он сумеет подчинить себе татарского хана и таким образом распространить свою власть на все земли Золотой и Белой Орды.

Все же в этот вечер все здесь казались искренними друзьями, и с обеих сторон было поднято много здравиц, которые Карач-мурза, нарочно посаженный между Тохтамышем и Витовтом, переводил с татарского языка на русский и наоборот.

— Диву я даюсь, слушая тебя, царевич, — обратился Витовт к Карач-мурзе, когда уже было много съедено, а еще больше выпито: — ты по-русски говоришь, словно бы всю жизнь на Руси прожил, да и лицом на татарина не похож ни мало. И не знай я наверное, что ты родич близкий великому хану, никогда бы не поверил тому, что ты ордынец.

— Моя мать татарка, князь, а отец был русский.

— Вот оно что! Значит, в него ты и удался. Как же так случилось, что при русском отце ты стал татарином?

— Спасаясь от врагов, которые были сильнее его, пришлось ему покинуть свою отчину и искать прибежища в Белой Орде. Там он женился, там и умер, когда мне еще и году не было.

— Экое дело! А кто же он был-то, родитель твой?

— Был он князем земли Карачевской, а звали его Василием Пантелеевичем. Воровством отняли у него стол родичи его, Козельские князья, — с того все это и пошло.

— Слыхал я про тот случай, хотя и давно это было. Так ты, стало быть, из рода Карачевских князей! Как же тебе доводится князь Иван Мстиславич, что ныне сидит в Карачеве?

— По двоюродной ветви он мне племянник, княже.

— Добрый человек, хотя будто и ворог твой, по делам отцов, — хитровато улыбнулся Витовт, наполняя кубки себе и Карач-мурзе из стоявшей перед ним серебрянной ендовы[1]). — Женат он на воспитаннице моей, Гольшанской княжне Юлиане, потому и не трогаю его пока, хотя всех иных русских князей в государстве своем я уже согнал со столов, ибо наскучили мне их свары. Земли им оставил много, но то уже не княжества, а поместья, и войска держать никому из них не позволяю. Так оно спокойней и мне, и им.

Витовт говорил правду, но объяснял ее не полностью. В первые же годы своего великого княжения на Литве, он упразднил в ней почти все удельные княжества, превратив их в воеводства, поветы и волости, во главе которых отнюдь не всегда оставались бывшие князья. Но мероприятие это было вызвано вовсе не тем, что Витовту надоели распри и претензии удельных князей: приняв католичество и обязавшись, по уговору с Ягайлом, насаждать его в литовско-русских землях, он ожидал сопротивления со стороны православных князей и потому заранее постарался их по возможности обезвредить, лишив права иметь вооруженные воинские силы и обратив в простых, хотя и очень крупных, помещиков, которые оказались в подчинении у поставленных им воевод и поветовых старост. Он даже распорядился, чтобы в государственных грамотах и списках их имена писались без княжеского титула.

Князь Иван Мстиславич Карачевский находился в несколько лучшем положении, чем другие: благодаря своей женитьбе на любимице Витовта[2]), он не был лишен удела и еще считался владетельным князем, хотя и был урезан в правах, подобно всем прочим русским князьям.

---

[1]) Ендова — сосуд для напитков в виде круглой вазы, с носиком для наливания чарок.

[2]) Впоследствии, когда оба они овдовели, князь Витовт женился на ней.

— Так что ты, по сути, старший в роду Карачевских князей, — продолжал Витовт, — и ныне надлежало бы тебе сидеть в Карачеве. Ну, да в том было бы тебе не много корысти: в Орде ты, поди, много большим уделом володеешь?

— Володел, князь, — усмехнулся Карач-мурза. — А ныне и показаться там не могу.

— Ну, о том не печалуйся! Вот побьем теперь ваших ворогов и не только свое вернешь, а еще больше получишь.

— Да услышит тебя Аллах, князь.

— А в земле отцов своих ты когда-либо бывал? — спросил Витовт.

— Был однажды, в молодых годах, когда княжил там Святослав Титович, — ответил Карач-мурза.

— Дед князя Ивана? Ну, при нем было иное, а сейчас совсем захирел Карачев: стены пообвалились, обветшали дома, народ подевался нивесть куда, — поглядеть не на что! Отжили свое старые княжества, ныне уже иное идет им на смену.

Карач-мурза промолчал, хотя ему и хотелось спросить своего собеседника: почему же это старые княжества, процветавшие во времена Ольгерда, который прекратил в них усобицы, но никогда не посягал на их бытовой уклад, всего за двадцать лет, прошедших со дня его смерти, так захирели и обезлюдели?

Впрочем, спрашивать Витовта об этом, а также и о том, что именно идет теперь на смену прошлому, у Карач-мурзы не было надобности: за несколько дней до этого, ему довелось беседовать с киевским епископом, от которого он знал правду. Старец горько жаловался на то, что православное население Литвы терпит все более жестокие утеснения и несправедливости, не говоря уж о том, что на смену старым русским порядкам, которые соблюдал Ольгерд, теперь пришли польские, несравненно более тяжелые для народа.

На Руси, зависимый крестьянин в ту пору работал на барщину три дня в неделю, а в Польше, где свободных крестьян вообще не было, ибо все они были

прикреплены к земле, принадлежавшей помещикам, барщина была доведена до пяти дней, причем зимою надо было работать одиннадцать часов в день, а летом шестнадцать. Стократ тяжелее были там и налоги, а потому неудивительно, что под гнетом всех этих перемен, разорявших население русско-литовских удельных княжеств, народ из них начал бежать в Московскую Русь или в низовые, свободные земли, где в те годы стало зарождаться вольное казачество.

— Прежде было так, — пояснил свою мысль Витовт, видя, что Карач-мурза молчит: — землею владели мелкие князья и были они друг другу истинно волками. Но потом пришли львы и передушили волков. Ныне настало время львов, царевич.

— И теперь львы будут душить друг друга? — улыбнулся Карач-мурза.

—Не токмо будут, а уже душат. Те, что послабее, погибнут, а сильные поделят власть и землю. К тому идет.

— У нас говорят: льва может победить и лисица, если найдет правильный способ.

— Так оно и есть! И одолеет не тот, у кого крепче когти и зубы, а у кого лучше голова. Ты слыхал сегодня, о чем договорились мы с ханом Тохтамышем и, должно быть, сам уразумел, что одною силою того не достигнешь: нужен и светлый разум. Коли хан, снова сев в Сарае, не заплывет жирком и не позабудет о том, что клялся мне в дружбе навеки, крепка будет его власть в землях Орды, а моя на Литве и на Руси. Ты ему близок, царевич, и коли будет нужно, — укрепи его в этом, а я тебя тоже не забуду. Мало ли что может случиться у вас в Орде? Так вот, ежели придется тебе когда-нибудь плохо, приезжай прямо ко мне и в обиде не останешься. Земля твоих отцов ныне под моей властью и потому ты для меня как-никак свой. На княжение тебя не посажу, ибо покончил я с этим, но поместье дам такое, что не всякий князь у меня имеет.

— На добром слове тебе спасибо, пресветлый князь, — промолвил Карач-мурза, которому внезапно вспомнились предсказания митрополита Алексея и

колдуна Ипата. — Никто не знает, что ждет его впереди. Может быть, судьба меня заставит напомнить тебе об этом великодушном обещании.

ГЛАВА 24

> «И беша Едигуй преболе всех иних князей ордыньских, лукавый и злохитрый, крепок и храбр зело, иже все царство держаша един и по своей воле царя поставляша, его же хотяща.»
>
> Рогожский летописец.

Едва закончились переговоры и завершившие их празднества, Тохтамыш, со своей семьей и приближенными, уехал в город Лиду, который Витовт предоставил ему для жительства, вместе со всеми окрестными землями и городскими доходами. Пришедшим с ним воинам-татарам и прибывающим из Орды пополнениям были отведены хорошие пастбища в пограничной полосе, возле города Черкасы.

Позаботившись, таким образом, о своем союзнике, сам Витовт, не теряя времени, начал готовиться к большой войне. Дело шло успешно. За лето к Киеву, возле которого собиралось войско, к тем немалым силам, которыми Витовт уже располагал, подошли ополчения, собранные в Подольщине и на Жмуди; волошский господарь, бывший в ту пору вассалом Литвы, готовил рать в помощь Витовту; узнав о том, что в случае победы Тохтамыш поклялся обратить Орду в католичество, король Ягайло и великий магистр Конрад фон Юнгинген, не желая упустить свою долю славы и папского благоволения, тоже обещали прислать вспомогательные отряды.

Чтобы заранее подорвать дух противника, Витовт, с тою частью войска, которая уже была в сборе, осенью совершил поход в низовья Днепра и Дона. Он доподлинно знал, что местные татарские князья не располагают крупными силами, а потому не рисковал ничем, и победа далась ему легко, хотя и не принесла особых результатов. Опустошив южные улусы Орды и угнав с собою стада захваченных у татар коней и овец, зимою он возвратился в Киев.

В Сарае этот набег вызвал переполох. Приписав его подстрекательству Тохтамыша и хорошо понимая, что это только начало, за которым последуют более серьезные действия, Эдигей и Кутлук-Тимур спешно приступили к пополнению своего войска.

Весною к Витовту прибыло ордынское посольство, которое, именем великого хана Кутлук-Тимура, потребовало выдачи Тохтамыша. Витовт принял послов высокомерно и ответил, что об этом не может быть и речи, ибо великим ханом Золотой и Белой Орды является именно Тохтамыш. И, далее, в свою очередь потребовал, чтобы Кутлук-Тимур подчинился своему законному повелителю, угрожая в противном случае войной.

Получив такой ответ, хан Кутлук, находившийся в Сарае, растерялся. Он понял, что подобным тоном может говорить только противник, совершенно уверенный в своей силе, а потому, не зная, что теперь предпринять, сейчас же отправил гонца к Эдигею, который в это время собирал войска в Зауралье. Эмир эмиров[1]) ответил, чтобы Кутлук, со всеми наличными силами, немедленно подступил к рубежам Литвы, куда и сам обещал подойти к середине лета с собранными пополнениями.

В июле Кутлук-Тимур, с тринадцатью туменами войска, разбил свой стан на левом берегу реки Ворсклы, намереваясь ожидать здесь подхода Эдигея. Но

---

[1]) Эмир эмиров — у татар титул верховного главнокомандующего.

раньше того подошел со своей ратью Витовт и стал на правом берегу, напротив татарского стана.

Кутлук такой возможности не предусмотрел и теперь, очутившись один на один с противником, который был много сильнее, совершенно пал духом и не знал, что делать. Войска у Витовта было почти в два раза больше, чем у него, и притом оно было обильно снабжено пушками и пищалями, которых у татар почти не было.

Если бы литовский князь немедленно начал битву, он без всякого труда разгромил бы Кутлука. Но он не знал того, что перед ним стоит не вся орда и что сюда вскоре должен подойти Эдигей а потому, видя огромное превосходство своих сил, он не спешил начинать сражение, надеясь, что устрашенный противник и так согласится на все его условия.

Разумеется, Кутлук-Тимур, со своей стороны, не проявлял никакой воинственности и думал только о том, как бы выгадать время и дождаться прихода Эдигея. Вступать первым в переговоры он, однако, не хотел, понимая, что какие бы уступки он ни предложил, Витовт обязательно будет требовать большего. Благоразумней было подождать — чего потребует Витовт и потом начать торговаться, елико возможно затягивая время.

Витовт, между тем, выбрал очень удобную позицию, хорошо ее устроил, затем тщательно разведал все ближайшие броды и возле каждого из них поставил на своем берегу сильную охрану и по две пушки. За всеми этими делами прошло три дня и только на четвертый к Кутлук-Тимуру явились его послы. Витовт требовал признания Тохтамыша великим ханом, немедленной передачи ему командования над татарским войском и уплаты большого откупа.

Кутлук попросил три дня на размышление, ссылаясь на необходимость посоветоваться со своими военачальниками. А по истечении этого срока ответил, что его эмиры и войско не согласны подчиниться Тохтамышу, но, что, оставаясь великим ханом Золотой Орды,

он, Кутлук-Тимур, готов признать себя вассалом литовского государя и платить ему дань.

Тогда Витовт, не возражая против этого, поставил четыре дополнительных условия: чтобы Тохтамышу была передана власть над Белой Ордой; чтобы в Сарае сидел литовский наместник, который, вместе с ханом, будет решать все государственные дела; чтобы монету в Орде впредь чеканили с изображением Витовта и, наконец, чтобы хан Кутлук оставил ему в залог своего сына Тимур-Султана.

К этому Витовт добавил, что ответа будет ожидать до следующего утра, и одновременно приказал ко всем бродам подвести сильные отряды войска, готовые в любую минуту начать переправу.

Положение хана Кутлука было отчаянным. Он понимал, что если примет позорные условия Витовта, Эдигей ему этого не простит и поднимет против него всю Орду. А если не примет, завтра его ждет жестокое поражение, может быть даже плен и выдача Тохтамышу, его смертельному врагу.

Не зная, на что решиться, около полуночи он отдал приказ, соблюдая тишину, начать отход. Но вскоре сообразил, что до рассвета все отступить не успеют и что, разбросав свое войско, он только облегчит неприятелю победу. Отменив свое распоряжение, он решил выбрать из двух зол то, которое казалось ему меньшим: согласиться на все требованья Витовта и тем, по крайней мере, обеспечить себе его поддержку против Эдигея.

Было уже далеко за полночь, когда придя, наконец, к этому, он отпустил слуг из своего шатра и прилег на постель, намереваясь уснуть. Но не успел сомкнуть глаз, как услышал быстро приближающийся конский топот, который замер у его шатра, и через минуту перед ханом предстал эмир Эдигей.

— Да воссияет имя Аллаха над всей вселенной! — воскликнул Кутлук, вскакивая с постели. — Наконец то ты приехал, эмир!

— Я задержался, потому, что когда ты ушел в поход, Сарай осадил хан Куюрчук. Узнав об этом, я свернул со

своего пути и навел там порядок. Куюрчук бежал, войско его рассеяно. А что происходит здесь?

Кутлук-Тимур, изрядно преувеличивая силу литовского войска, рассказал о событиях последних дней и о ходе своих переговоров с Витовтом.

— Значит, эта литовская собака осмеливается требовать, чтобы Великая Орда признала его своим господином? И чеканила деньги с его поганой мордой! — выслушав все, промолвил Эдигей. — Что же ты решил завтра ему ответить, хан?

— Если бы ты не приехал, эмир, пришлось бы соглашаться на все. Я и так тянул сколько мог, ожидая тебя. Но если ты привел много войска...

— Я собрал шесть туменов, но три из них должен был оставить в Сарае, потому что Куюрчук может снова напасть на город. Остальные три тумена завтра к полудню будут здесь. Я обогнал их и прискакал сюда с десятком нукеров, когда узнал, что тут происходит.

— Три тумена — это очень мало, эмир. У Витовта и у Тохтамыша войска наполовину больше, чем у нас. И у них много пушек...

— И что ты думаешь делать, хан?

— Я думаю, что надо соглашаться на то, чего требует литовский князь. Так мы, по крайней мере, спасем свое войско. А имея войско, потом можно будет повернуть дело по другому.

— Я бы хотел, чтобы у меня отвалились уши прежде, чем я услышу от тебя такое, хан!

—Ты забываешь, с кем говоришь, эмир!

— Я говорю с человеком, который стал называться великим ханом потому, что он показался мне достойным этого[1]). Но если я захочу, то завтра же этот человек станет прахом.

— Не будем ссориться, эмир. Я знаю все, чем я тебе обязан, и чту тебя как отца. Ты старше и опытней, посоветуй же, что мне завтра ответить князю Витовту?

— Утром я сам дам ему ответ. Ты услышишь, как надо разговаривать с наглецами, если даже за их спиной стоит большое войско.

[1]) Сам Эдигей, не будучи чингизидом, не мог вступить на престол.

ГЛАВА 25

«Князь великий Витовт Кейстутьевич Литовьский, собрав вои многи, с ними же бе и царь Тохтамишь со своим двором, а с Витовтом — Литва, немцы, ляхи, жемоть, татарове, волохи и подоляне. Единых князей с ним бе числом 50 и бысть сила ратных велика зело.
«И приде на царя Темирь-Кутлуя и сретишися на Воръскле и бысть им бой велик месяця августа в 12 день.»

Московская летопись.

Сразу же после разговора с Кутлук-Тимуром, Эдигей послал своим трем туменам приказание идти не прямо к общему стану, а забрать влево и остановиться в степи, не доходя полутора фарсахов до Ворсклы. Другие три тумена одновременно были отправлены из лагеря Кутлука на такое же расстояние вправо, с тем чтобы к рассвету быть на указанном месте и по возможности укрыться в каком-нибудь овраге или за рощей.

День двенадцатого августа родился ясным и солнечным. Когда над Ворсклой рассеялся утренний туман, противники увидели один другого в таком же положении, как накануне: литовское войско было сосредоточено у бродов, татарское, не принимая боевого порядка, стояло в версте от берега. Правда, Витовту показалось, что татар стало меньше, но заметив, что в их стойбище сейчас сложены почти все шатры, накануне

покрывавшие значительное пространство степи, он приписал это простому обману зрения.

До девяти часов он ожидал послов Кутлук-Тимура, но они не появлялись и, наконец, потеряв терпение, Витовт сам отправил к нему князя Андрея Ольгердовича Полоцкого, который находился в его войске, наказав требовать от хана немедленного и точного ответа на предъявленные ему условия.

В татарской ставке князя Андрея принял Эдигей.

— Великий хан Кутлук-Тимур сейчас занят и не может сам говорить с тобой, — сказал он, небрежно похлопывая нагайкой по сапогу. — Но я его эмир эмиров, и он поручил мне передать тебе его ответ князю Витовту.

— Я слушаю тебя, эмир, — промолвил Андрей Ольгердович.

— Хан говорит, что если литовский князь хочет сохранить мир с Ордой и спасти свою землю от разорения, он должен признать его, великого хана Кутлук-Тимура, своим отцом и господином, и платить ему дань.

— Я не для шуток сюда прислан, эмир, — воскликнул князь Андрей, едва обретая дар речи от изумления. — Говори дело!

— Это и есть дело, — невозмутимо сказал Эдигей. — Шутки были тогда, когда хан Кутлук-Тимур говорил другое, но я вижу, что ваш князь этого не понял. Скажи ему еще, что мы требуем, чтобы он выдал нам нашего врага, хана Тохтамыша, и его старших сыновей — Джелал ад-Дина и Керима-Берди.

— Может еще что-нибудь? — насмешливо спросил князь Андрей.

— Да, есть еще одно, — ответил Эдигей, делая вид, что не замечает в словах посла насмешки: — великий хан желает, чтобы деньги на Литве теперь чеканились с его именем[1]).

---

[1]) С именем, а не с изображением, потому что по мусульманским законам воспрещалось воспроизводить изображения

— Не знаю, должен ли я верить своим ушам, эмир! Ты вправду говоришь все это от имени хана Кутлук-Тимура?

— Да, князь. И от своего имени тоже.

— Ну, тогда послушай, что я тебе скажу: молод еще хан Кутлук-Тимур, чтобы великий государь Литвы признал его своим отцом и господином, либо имя его стал чеканить на своих деньгах! Доселева речь у них была об обратном, и хан ваш на то уже, почитай, соглашался.

— Аллах! Разве мы виноваты в том, что князь Витовт не понимает шуток? Хану нечего было делать, и он от скуки потешался над вашим князем. Ты сказал правду: хан Кутлук-Тимур еще молод. И если князь Витовт только потому не хочет ему подчиниться, — пускай подчинится мне и чеканит деньги с моим именем: я уже пожилой человек, и это ему не будет обидно.

— Из столь несуразных слов твоих вижу, что вы ищете битвы. И тому дивлюсь, что ты, эмир, старый и опытный воин, не разумеешь, чем эта битва кончится.

—Я знаю, что ваше войско сильнее и первым на вас сегодня не нападу. Но если нападете вы, я буду защищаться, и пусть нас рассудит Аллах. Он не всегда посылает победу тому, у кого больше воинов.

— Это твое последнее слово, эмир?

— Да, князь, я сказал все.

Витовт был взбешен, когда Полоцкий князь передал ему содержание своего разговора с Эдигеем.

— Неужто ему захотелось сразиться с нами? — воскликнул он. — На какое же чудо он уповает? Воистину Бог отнял разум у старого пса!

людей или животных в скульптуре или рисунках, — это считалось кощунственной попыткой подражать Богу в деле творения. Вот почему на мусульманском Востоке совершенно отсутствуют памятники подобного рода.

— Будь осторожен, князь, — промолвил Тохтамыш, находившийся в шатре Витовта вместе с другими военачальниками. — Идику очень хитер. Он не стал бы так говорить с тобою, если бы что-то не обещало ему победу. Он наверно приготовил нам какую-то западню.

— Что он мог приготовить? Из каждого своего воина он двоих не сделает, а сила у нас...

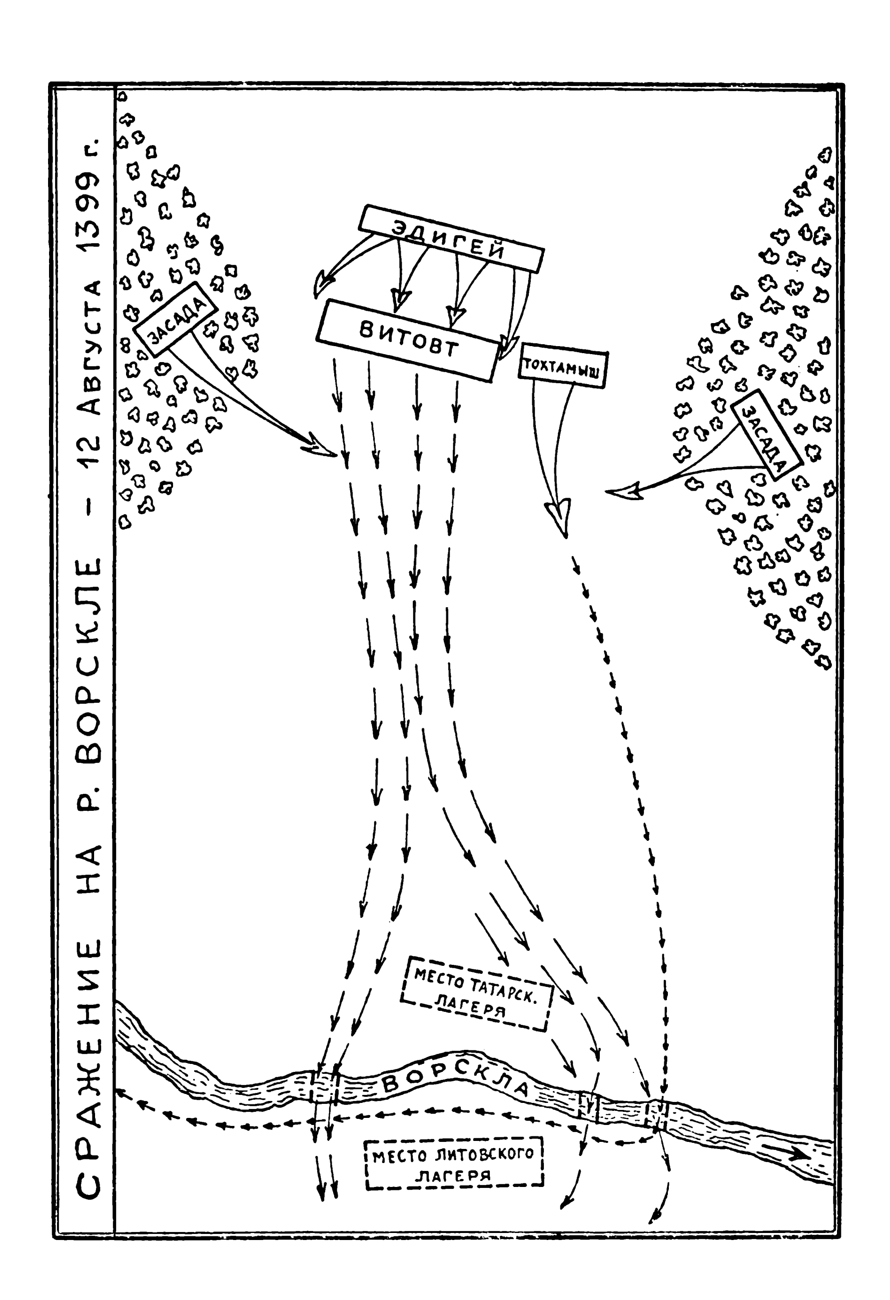
— Государь, татары уходят! — крикнул в это мгновение князь Иван Бельский, откидывая полу шатра.

Все поспешно вышли наружу и с первого взгляда убедились в том, что Бельский сказал правду: вся орда была на конях и, раскинувшись по степи широкой лавой, уходила с места своей стоянки.

— Ну, вот вам и вся хитрость Эдигея! — воскликнул Витовт. — Наговорил всякого охальства, думая после того сбежать, не приняв боя! Но от нас он далеко не уйдет. Не медля минуты, начинать переправу, — конница впереди, пешие полки и пушки за нею!

В это время года Ворскла была здесь не широка, и переправа шла споро. Задние тумены орды были еще хорошо видны вдали, когда вся конница Витовта и Тохтамыша сосредоточилась на левом берегу и пошла в преследованье. Пешие воины и пушки двигались сзади, все больше отставая, но Витовта это мало беспокоило: он был уверен в том, что татары, не жалея лошадей, будут уходить до самой темноты, и рассчитывал атаковать их только на рассвете следующего дня, стянув к тому времени все свое войско к месту их ночевки.

Но велико было его удивление, когда, отойдя от берега верст на десять, татары внезапно повернули коней и с устрашающими криками двинулись навстречу. Впрочем, Витовта это не испугало, а скорее обрадовало: окинув вглядом приближающуюся орду, он сразу увидел, что по численности она значительно уступает его коннице, а потому без раздумия принял бой, не сомневаясь в легкой победе.


СРАЖЕНИЕ НА Р. ВОРСКЛЕ – 12 Августа 1399 г.
ЭДИГЕЙ
ВИТОВТ
ТОХТАМЫШ
ЗАСАДА
ЗАСАДА
МЕСТО ТАТАРСК. ЛАГЕРЯ
ВОРСКЛА
МЕСТО ЛИТОВСКОГО ЛАГЕРЯ

Однако иного мнения был Тохтамыш, тумены которого составляли теперь правое крыло литовского войска. Хорошо зная татарские уловки, он понял, что Эдигей нарочно выманил их в степь, заставил оторваться от артиллерии и отнюдь не случайно начал сражение именно на этом месте: тут есть нечто, что дает эмиру эмиров надежду на победу, несмотря на вполне очевидное для него превосходство сил противника. Тохтамыш был настолько уверен в этом, что сейчас же послал Карач-мурзу к Витовту, с советом отойти назад, к своим пушкам. Но было уже поздно: едва ускакал Карач-мурза, передовые всадники сшиблись, и по всей линии завязалась ожесточенная сеча.

Сражение развивалось вполне благоприятно для литовцев. Они явно теснили орду, которая вскоре начала подаваться назад и, казалось, вот-вот обратится в бегство. Но вдруг справа и слева от сражающихся в степи почти одновременно показались крупные отряды ордынской конницы, которые, охватывая фланги литовского войска, карьером заходили ему в тыл.

Одним из первых это заметил Тохтамыш, ибо чего-либо подобного он ежеминутно ожидал. Со времен Чингиз-хана заход в тыл неприятеля считался в Орде не только вершиной воинского искусства, но и залогом победы, а потому Тохтамыш, как татарин, больше всего боялся в битве окружения. Сноситься с Витовтом уже не было времени, — надо было действовать мгновенно, — и потому хан поступил так, как на его месте поступил бы всякий посредственный ордынский военачальник: он повернул свои тумены и во весь опор помчался с ними в тыл, стараясь предотвратить соединение готовых сомкнуться там неприятельских клещей.

Но литовцы поняли это совсем по иному. — «Мы окружены! Татары Тохтамыша бегут!» — раздались повсюду крики, создавая смятение и панику, которыми не замедлил воспользоваться Эдигей: он сразу бросил два или три тумена в прорыв, оставленный Тохтамышем, и одновременно усилил натиск на центр литов-

ского войска. Находившийся здесь Витовт, чтобы избежать охвата справа, хотел закрыть прорыв полком волошского господаря, который стоял за центром, пока не принимая участия в битве. Но, оглянувшись, он увидел, что волохи бегут с поля сражения. Видя, что их окружают и что все вокруг пришло в полное расстройство, вслед за ними ударились в бегство и некоторые литовские полки.

Ордынцы Тохтамыша, между тем, вовремя поспели на угрожаемое место в тылу и вступили в бой с отрядами Эдигея, посланными для окружения. Они не дали этим отрядам соединиться и отрезать путь к реке, но когда увидели, что литовское войско, — как им показалось, все, целиком, — бежит с поля сражения, они бросили все и устремились к Ворскле. Смяв по дороге пехоту Витовта, которая, вместе с пушками, двигалась к месту боя, они первыми доскакали до реки, и все успели переправиться на правый берег, прежде чем тут возник обычный в таких случаях гибельный хаос.

Но сражение еще не кончилось: жмудины, во главе с самим Витовтом, князь Лутко Краковский, со своими поляками, и дружины князей Полоцкого и Брянского стояли твердо, сдерживая натиск врага, в то время как несколько князей и воевод, посланных Витовтом, старались остановить бегущих и вернуть их в битву.

Однако все было тщетно. Паника охватывала все большую массу людей, которые перестали повиноваться своим начальникам и, не обращая внимания на окрики и угрозы, рвались к реке. Теперь только одно казалось им важным: добраться до переправы, пока путь к ней не отрезали татары.

Положение тех, кто еще сражался, очень скоро сделалось отчаянным. Ордынцы их окружили со всех сторон и теперь все усилия прилагали к тому, чтобы врубиться в этот живой остров и разрезать его на-двое. Вся тяжесть этого удара легла на дружины Полоцкого и Брянского князей, оказавшиеся в центре остатков литовского войска.

Князь Андрей Ольгердович, которому уже было семьдесят пять лет, в битве теперь быстро уставал, и это принуждало его к осмотрительности. Но сейчас, видя, что его люди начинают сдавать, он, чтобы ободрить их своим примером, выехал, как бывало, вперед и в первом ряду рубился с наседающими татарами. Неожиданно он увидел шагах в десяти от себя Эдигея, сидевшего на великолепном вороном коне. Видимо сам эмир не сражался, а только руководил боем, так как в руках у него, кроме нагайки, ничего не было. Указывая ею на Полоцкого князя, он что-то крикнул своим нукерам, и они тотчас бросились вперед.

Оттеснив дружинников Андрея Ольгердовича, они старались схватить его, но старый князь не давался. Один за другим под ударами его меча падали нукеры, которые вынуждены были щадить своего противника, ибо эмир эмиров приказал взять его живым. Наконец, Эдигею это надоело: он снова крикнул что-то, и минуту спустя Полоцкий князь пал под градом посыпавшихся на него сабельных ударов.

Князь Дмитрий Брянский, с десятком дружинников пробивавшийся на выручку брата, находился уже в нескольких шагах, когда это случилось. Ему тоже было за семьдесят, но он был еще могуч и крепок. Сделав последнее усилие, он и его люди устремились вперед и отогнали татар от тела павшего.

Князь Андрей лежал ничком, весь окровавленный; плечи его вздрагивали, пальцы судорожно царапали землю.

— Брат! — крикнул Дмитрий Ольгердович. — Брат! Отзовись, для Бога, коли ты жив!

Не получив ответа, он соскочил с коня и, забывши всякую осторожность, опустился возле умирающего на колени, силясь приподнять его. Но в этот миг метко пущенное одним из татар копье пронзило ему шею, и убитый князь Дмитрий упал на тело брата.

Наконец Витовт, едва сдерживая слезы стыда и ярости, обрел силу признаться себе в том, что битва

безнадежно проиграна и что дальнейшее сопротивление обрекает его войско на полную гибель. Он приказал пробиваться к берегу. Это еще можно было сделать, так как при нем оставалось тысяч сорок наиболее стойких бойцов, а татары, находившиеся у него в тылу, рассыпались по всему полю и были заняты ловлей бегущих и грабежом литовского обоза.

Подготовленные своими начальниками, по звуку трубы все сразу повернули коней и, стараясь не разрываться, помчались к берегу Ворсклы, сзади и с боков преследуемые дико вопящими ордынцами, которые рубили отстающих и старались заарканить тех, на ком были дорогие доспехи.

Витовт легко раненный в щеку, вначале скакал в самой гуще своих бойцов и находился в сравнительной безопасности. Но ближе к реке широкое пространство перед ними оказалось усеянным брошенными пушками и повозками литовского обоза, — здесь конница Витовта не могла больше двигаться плотной массой и, обтекая эти препятствия, вынуждена была рассыпаться по полю. Это сразу облегчило преследователям возможность выбора, — одного за другим они заарканили здесь нескольких литовских воевод, в том числе князей Ивана Бельского и Михаила Ижеславского.

Но вот, пущенная искусной рукой петля взвилась над головой самого Витовта и, затянувшись на золоченом панцыре князя, сорвала его с седла. Он попытался вытащить кинжал, чтобы перерезать аркан, но руки, тесно прижатые петлей к туловищу, не повиновались. Еще утром этого рокового дня, он считал себя достаточно сильным, чтобы диктовать свою волю владыкам Великой Орды, а сейчас его, как падаль, поволок за собою по пыльной земле простой татарский десятник.

Но почти сразу Витовт почувствовал, что тело его остановилось и конец перерубленного кем-то аркана больно хлестнул по лицу. Понимая, что дорого каждое мгновенье, он усилием воли преодолел жестокую боль от ушибов и сразу вскочил на ноги. Мимо него, с саблею в руке метнулся Карач-мурза, тут же ухватив за

повод его коня, который, потеряв всадника, замедлил бег и находился еще в нескольких шагах от них.

— Спасибо, царевич! — крикнул Витовт, вскакивая в седло. — Я не забуду, что сегодня ты меня спас от плена. Но как ты здесь очутился? — спросил он, когда они, снова смешавшись с другими всадниками, рядом скакали к реке.

— Прежде чем нас стали окружать, хан Тохтамыш послал меня к тебе с поручением, князь, и я отстал от своих.

— Ты хочешь сказать, что не побежал вместе с ними! Из-за этого проклятого хана... — но чем закончил Витовт, Карач-мурза не дослышал, так как объезжая попавшуюся на пути опрокинутую пушку, он вынужден был отстать от князя.

Переправа стоила литовцам неисчислимых жертв. Охваченные паникой, со всех сторон поражаемые вражескими стрелами и огнем, который татары открыли по ним из их же пушек, они тысячами гибли на берегу и тонули в реке. Из всего огромного войска князя Витовта только малой части удалось переправиться через Ворсклу и уйти от погони.

Поражение было полным: весь громадный обоз побежденных, все их пушки и пищали, горы холодного оружия, множество пленных и тысячи коней стали добычей ордынцев. Более ста тысяч воинов Витовта, в том числе девятнадцать князей, не возвратились из этого бесславного похода.

Татары преследовали бежавших по пятам, опустошая все на своем пути. Дойдя до Киева, где укрылись остатки литовского войска они сожгли Подол и осадили замок, но взять его не смогли и, получив от Витовта большой откуп, возвратились в свои степи, разграбив предварительно всю Киевщину и Волынь.

Торжество Эдигея омрачалось лишь тем, что ему не удалось схватить Тохтамыша. Последний, хорошо

понимая, что после такого поражения Витовт ему уже ничем не поможет, не стал ожидать развязки кровавых событий на Ворскле: переправившись через нее на два-три часа раньше других, он поскакал со своими туменами не к Киеву, а к верховьям Дона и дальше — в зауральские улусы Орды. Его никто не преследовал, ибо Эдигей был уверен, что он бежит впереди войска Витовта.

Догоняя его, Карач-мурза, которому удалось выйти невредимым из побоища на Ворскле, мысленно подводил итоги этого страшного дня.

«Воистину непостижимы пути Аллаха, — думал он: — девятнадцать лет тому назад, московский князь Дмитрий Иванович, тоже имея за спиной реку, не дрогнул перед огромной ордой Мамая и разбил ее в прах, хотя войска у него было много меньше, чем у его противника. Как же могло случиться, что сегодня Идику с малыми силами нанес такое страшное поражение войску Витовта, которое имело все преимущества и располагало всем, что нужно для победы?

Наверное это оттого, что князь Дмитрий Иванович и русские воины стояли за свою землю и потому лучше дрались, а Витовт посягал на чужое... Человек сильнее всего тогда, когда он защищает двери своего дома. Ну и, кроме того, видно, что когда Аллах раздавал полководцам воинскую мудрость, в мешок князя Дмитрия Он положил много больше, чем в мешок князя Витовта».

ГЛАВА 26

«И еще сразились Идику и Тохтамыш между собою пятнадцать раз. И было так, что раз тот одержит победу над этим, а другой раз этот над тем.»

Ибн-Арабшах.

Поражение на Ворскле имело для Литвы тяжелые последствия, ибо ее ослаблением не преминули воспользоваться все, у кого были с нею счеты. Витовту пришлось навсегда похоронить мечту о владычестве над Русью и над Ордой, — сейчас он был бы рад возможности удержать хоть то, что имел, но и это не удавалось.

Последние годы он только на словах признавал над собою верховную власть польского короля, на деле же был независимым государем. Но теперь Ягайло потребовал у него действительного подчинения и прежде всего обязал усилить католизацию Литвы. Это было Витовту невыгодно, ибо создавало ему множество врагов в его собственном государстве, но он вынужден был согласиться, так как ему нужна была помощь Польши против Тевтонского Ордена, который воспользовался удобным моментом и приступил к захвату земли жмудинов. Началась война, которую Витовт в конце концов проиграл, хотя ему и помогал Ягайло. По мирному договору Жмудь отошла к Ордену.

Осенью 1401 года Рязанский князь Олег Иванович с большим войском подступил к Смоленску и, поддержанный восставшим населением, овладел городом.

Сидевший там наместник Витовта — князь Роман Брянский и его бояре были перебиты, Смоленское княжество отложилось от Литвы, и там снова сел изгнанный Витовтом Юрий Святославич, зять Рязанского князя.

В течение следующих лет Витовту пришлось вести против Смоленска три войны, чтобы снова подчинить его своей власти. Едва он справился с этим, ему пришлось воевать с Москвой из-за Пскова, который он уже считал своим. Эта война тоже была для него неудачна и окончилась тем, что он вынужден был отказаться от каких-либо притязаний на Псковщину.

Немало неприятностей причинял Витовту и Эдигей, который оказался искусным политиком и умело ссорил между собой своих врагов. Дружественные отношения между Литвой и Московской Русью были испорчены именно его стараниями. В войне из-за Пскова принимал участие и ордынский отряд, который Эдигей послал на помощь Московскому князю.

Беспощадно расправившись со всеми непокорными, а затем установив целую систему небывалых налогов и тяжелых повинностей, Эдигею удалось справиться с последствиями нашествия Тимура и на короткое время восстановить былое могущество Орды, которою он управлял самодержавно, от имени подставных ханов. По смерти Кутлук-Тимура, умершего через полгода после сражения на Ворскле, Эдигей поставил на его место хана Шади-бека[1]), молодость которого позволяла рассчитывать на его полную покорность. Но в этом эмир эмиров просчитался: Шади-бек желал править сам и очень скоро начал делать попытки избавиться от какой-либо опеки. Правда, вначале они были настолько робки и несерьезны, что Эдигей, державший в своих руках всю воинскую силу Орды, до поры до времени на них не обращал внимания.

---

[1]) Шади-бек был внуком Урус-хана, от его старшего сына Кутлук-Буги.

Укрепив свою власть и создав постоянное войско, которое, по свидетельству среднеазиатских историков, численностью превышало двести тысяч всадников, Эдигей стал помышлять о том, чтобы отнять у Тимура Хорезм. Он уже готовил для этого почву, вербуя и покупая себе сторонников в Ургенче, но приступить к открытым действиям против столь грозного противника, как Железный Хромец, не решался, пока был жив Тохтамыш, который не прекращал борьбы и являлся для Эдигея постоянной внутренней угрозой.

После поражения на Ворскле, Тохтамышу удалось благополучно добраться до улуса Карач-мурзы, в Зауралье, где он вскоре значительно пополнил свой отряд и окреп настолько, что смог распространить свою власть на огромную, хотя и мало населенную область, лежащую между Иртышем и Обью. Он даже пытался основать тут независимое ханство, со столицей в Чингиз-Туре[1]).

Для большой войны с Эдигеем сил у него было еще недостаточно. Но эти силы постепенно росли, ибо к Тохтамышу из Большой Орды начали бежать все обиженные и разоренные непосильными налогами, а таких было много.

Эдигей хорошо понимал, что нужно покончить с этим опасным врагом, пока он еще сравнительно слаб и не нашел себе новых союзников. Он посылал против Тохтамыша отряд за отрядом, но до сих пор все было тщетно: при их приближении противник чаще всего скрывался в бескрайних лесах и болотах, не принимая открытого боя, а потом нападал внезапно, хорошо выбрав время и место, и не раз обращал войско Эдигея в бегство. В случае же неуспеха, отряды Тохтамыша снова рассеивались в лесных чащах, где преследовать их было невозможно.

Так продолжалось пять лет, в течение которых у

---

[1]) Это так называемый «Тохтамышев юрт». Город Чингиз-Тура, по русским летописям Чамга-Тура, нынешняя Тюмень.

Эдигея с Тохтамышем произошло четырнадцать вооруженных столкновений, не считая бесчисленного количества мелких стычек. В этих битвах успех бывал переменным, но самую крупную из них, осенью 1404 года, выиграл Тохтамыш.

Окрыленный этой победой, он решил, что настало время для новой попытки сокрушить врага и вырвать у него власть над Ордой. Обстановка этому благоприятствовала: Тохтамыш знал, что у Эдигея с ханом Шади-беком происходят серьезные трения, грозящие перейти во внутреннюю войну. Знал он и другое: Тимур, обеспокоенный происками Эдигея в Хорезме, относился к нему с возрастающей враждебностью и наверное непрочь был бы от него избавиться. Это давало Тохтамышу некоторую надежду на сговор с Тимуром и на его помощь. Может быть, Железный Хромец уже забыл старую вражду?

Как раз в это время случилось событие, которое, казалось, подтверждало предположения Тохтамыша: один из его сыновей, Девлет-Берди, поднял в Крыму восстание против Эдигея и, овладев Каффой, провозгласил себя независимым крымским ханом. Но, когда сюда подошел с большим войском Эдигей, генуэзцы хотели выдать ему Девлета и последний вынужден был бежать к Тимуру, который его принял очень милостиво и обещал свою помощь.

По слухам, Железный Хромец усиленно готовился к походу на Китай и собирался выступить с наступлением весны. Времени терять было нельзя, и Тохтамыш решился: в первых числах января он вызвал к себе Карач-мурзу и сказал ему:

— Поедешь к Тимуру. Говори и обещай ему, что хочешь, но надо добиться того, чтобы он забыл нашу былую вражду и помог нам против Идику. Сейчас хорошее время для того, чтобы завести с ним такой разговор: Идику сделался для него опасным, и может быть Хромой будет рад случаю от него избавиться, прежде чем начинать большую войну с Китаем. Тебя

он любит и, если поможет Аллах, ты уговоришь его. Выезжай завтра. Много людей с собой не бери и в дороге не жалей коней.

ГЛАВА 27

«В месяце Реджеб года 807[1]) послал Тохтамыш-хан к Тимур-беку одного из старейших своих вельмож, Карач-ходжу.»

Шереф ад-Дин Али Иезди.

«Тохтамыш, император татарский, и Тимур-бек снова помирились и вместе стали замышлять против Эдигуя».

Руис Гонсалес де Клавихо.

Карач-мурзе не пришлось ехать в Самарканд: по пути он узнал, что Тимур уже выступил в поход и сейчас находится в городе Отраре, куда стягиваются все его войска. Послу Тохтамыша это значительно сократило путь, и в начале февраля он был уже на месте. Но Тимур принял его не сразу, — ему лишь через несколько дней доложили о прибытии посла: Железный Хромец был тяжело болен, и как раз в это время болезнь его сильно обострилась.

Он уже месяца два тому назад почувствовал признаки странного и мучительного недомогания: невыносимые боли в желудке, обычно после еды, и сменяющие их приступы страшной слабости. Но, надеясь превозмочь болезнь, он не пожелал отложить похода, к которому все было уже готово.

Ему было уже шестьдесят девять лет, и он давно понял, что даже при его воинском счастье, человеческая жизнь слишком коротка для завоевания мира. Но он, —

---

[1]) Январь 1405 года по христианскому календарю.

полвека тому назад никому не известный грабитель караванов, — перед смертью хотел всю Азию увидеть у своих ног и для достижения этой цели ему оставалось совсем немного, только один этот поход, если он окажется удачным. А неудачных походов у него никогда не бывало.

Покорив всю Среднюю Азию, Закавказье, Персию и Багдадский халифат, разгромив татарские орды, он в 1398 году разбил войско Делийского султана и, бурею пройдя по всей Индии, возвратился в Самарканд с такой добычей, какая, по утверждению персидских историков, от начала мира не доставалась ни одному завоевателю[1]) Сразу же за этим последовала победная война с Турцией и с Египтом. Султан Баязет был взят в плен, Сирия и Малая Азия достались Тимуру.

Теперь непокоренным оставался только Китай, к завоеванию которого Железный Хромец долго и тщательно готовился. Успех столь трудного похода не мог быть обеспечен только численностью и хорошим вооружением войска, — нужно было также обезопасить свои тылы, подготовить пути наступления и насколько возможно ослабить противника. И Тимур в этом направлении сделал все, что мог сделать полководец его ума и прозорливости.

Годами он подрывал торговлю Китая, продуманно и последовательно лишая его рынков сбыта и удобных караванных путей; наводнив страну своими лазутчиками, он внимательно следил за всем, что там происходит, не жалея средств сеял смуты и разжигал недовольство против новой династии Мин, воцарившейся после свержения Тогон-Темура, последнего императора-чингизида[2]). На пути своего будущего похода

---

[1]) Интересно отметить, что когда шли в этот поход, на границе Индии Тимур приказал каждому своему воину положить один камень в общую пирамиду. При возвращении он велел каждому уцелевшему воину вынуть из кучи один камень. Таким образом, то что осталось, явилось памятником, который сами себе сложили погибшие в этом походе.

[2]) Император Тогон-Темур, свергнутый в 1368 году, в китайской истории известен под именем Шунь-Ди, из династии Юань.

он заранее построил несколько сильных крепостей, создал склады продовольствия, велел развести несметные стада овец и, оросив некоторые пустынные области, — засеять их ячменем и пшеницей.

Наконец было собрано громадное войско, обильно снабженное пушками, камнеметами, стенобитными машинами и всем прочим, необходимым для осады крепостей и успешной полевой войны. Теперь, когда все было готово и сулило несомненный успех, ничто не могло заставить Тимура отказаться от похода, которым завершалось покорение Азии. И потому болезнь побудила его не отменить этот поход, а, наоборот, — выступить раньше, чем предполагалось: Железный Хромец боялся, что не успеет завершить дело своей жизни.

При нем неотлучно находились два искуснейших медика и, временами, их усилиями, а может быть и сами по себе, боли его почти оставляли, и он чувствовал себя значительно лучше[1]). Один из таких периодов улучшения наступил вскоре после приезда Карач-мурзы, и Тимур изъявил желание его видеть.

Великий эмир, несмотря на свою болезнь, не захотел остановиться в одном из дворцов Отрара, а как всегда на походе, находился при своем войске и жил в войлочном шатре, не отличавшемся особой роскошью.

Когда вошел Карач-мурза, Тимур, в накинутой на плечи шубе, сидел на ковровой постели у наполненного жаром мангала. Кроме него, в шатре находился скромного вида юноша, — его любимый внук Улугбек[2]) — и один из лекарей, хорезмиец Тахир Ибн-Осман, усердно растиравший что-то в бронзовой ступке.

Тимур сильно постарел за последние годы, теперь он был совершенно сед, и все лицо его было иссечено

---

[1]) Полагают, что Тимур был отравлен медленно действующим ядом.

[2]) Улуг-бек — позже султан Мавераннахра и Герата и знаменитый ученый — астроном.

морщинами. Но все же он выглядел далеко не так плохо, как ожидал Карач-мурза, и только зеленоватая бледность да бескровные губы говорили о том, что болезнь его серьезна.

— Я рад еще раз видеть тебя, оглан, — промолвил он в ответ на приветствие Карач-мурзы. — Из всего, что сделал хан Тохтамыш с тех пор, как я его знаю, я могу считать приятным лишь то, что своим послом ко мне он всегда присылает тебя.

— Да воздаст тебе Аллах годами здоровья и долгой жизни за твои милостивые слова, великий эмир, — кланяясь, ответил Карач-мурза.

— Садись и говори, с чем прислан. Но раньше скажи: здорова ли Хатедже? И не пришлось ли тебе или ей жалеть о том, что с вами случилось в Кара-Самане пятнадцать лет тому назад?

— Благодарение Аллаху, жена здорова и поручила мне передать низкий поклон ее великому дяде. А живем мы хорошо и всегда благодарны тебе за то, что ты соединил нас, преславный гурхан.

— Кажется, у вас есть сын?

— Да, великий эмир. Ему сейчас четырнадцать лет, но он уже настоящий воин и никто не скажет, что ему меньше семнадцати.

— Если он захочет, пришли его ко мне. Когда он будет постарше, я его сделаю правителем какой-нибудь завоеванной страны, как сделал всех других своих родственников.

— Да не откажет тебе Аллах ни в чем за твое великодушие, гурхан. Я скажу об этом своему сыну.

— Других детей у вас нет?

—Была еще дочь, но ее унесла болезнь, когда ей было всего четыре года.

— Ризван открыл ей двери самого лучшего из садов Аллаха: в такие годы еще не знают греха, — сказал Тимур и, помолчав немного, добавил: — ну, теперь говори, с чем прислал тебя Тохтамыш?

— Хан Тохтамыш повелел мне сказать, великий

эмир, что нет на всей земле человека, который более чем он желал бы тебе от Аллаха...

— Оставь это, — устало отмахнулся Тимур. — Начинай прямо о деле.

— Хан не перестает сожалеть о сделанных им ошибках, которые лишили его твоей дружбы и твоего покровительства, великий эмир. Но ты сам знаешь, как дорого он за эти ошибки заплатил. Теперь он просит тебя забыть все, что было, и возвратить ему твое благоволение.

— Чего же он хочет?

— Мудрость твоя известна всему миру, гурхан, и потому нет надобности говорить тебе о том, что истинным виновником всех событий, которые отвратили твой высокий взор от хана Тохтамыша, был эмир Идику, — недостойный человек, посеявший между вами вражду, а потом обманувший и его и тебя. И теперь всем видно, что только он один извлек выгоду из того, что произошло.

— Сейчас всем кажется, что это так. Но в Коране сказано: счастье нередко является началом несчастья, и удача часто ведет к неудаче. Так будет и с Идику. Он еще получит полностью то, чего заслужил.

— Если ты так говоришь, великий эмир, то слова хана Тохтамыша будут подобны семени, которое упало на добрую почву: хан считает, что те, кого обманул Идику, должны общими силами покарать его и что время для этого уже наступило.

— Понимаю, оглан: воробей предлагает быку вместе вспахать поле и засеять его просом, — промолвил Тимур, улыбнувшись. Но улыбка была не злая, и это сразу заметил Карач-Мурза. Он тоже улыбнулся и ответил:

— Нет, великий эмир: сокол предлагает орлу вместе уничтожить гиену. Хан Тохтамыш сейчас не так слаб, как думают. Два месяца тому назад он одержал над Идику крупную победу. Но для того, чтобы совсем уничтожить своего врага, сил у него недостаточно и он просит твоей помощи, обещая всегда быть тебе верным

другом и покорным сыном. Он клянется навеки забыть о том, что Хорезм и Азербайджан раньше принадлежали Орде и никогда не посягнет ни на одну пядь земли, которую ты осчастливил своим владычеством, гурхан.

— Значит, когда у хана Тохтамыша увели всех коней, он понял, что можно было запирать конюшню, — промолвил Железный Хромец и, помолчав с минуту, добавил: — но он уже достаточно наказан за свои ошибки и, я думаю, не захочет повторять их. Скажи хану, что я больше не буду вспоминать прошлого и еще раз ему помогу. Возвратившись из этого похода, я с помощью Аллаха, отберу у Идику улус Джучи[1]) и передам его хану Тохтамышу. Жизнь его хорошо поучила, и я верю, что теперь он не нарушит тех обещаний, которые мне дает, ибо знает уже, что, имея дело со мной, всегда выгоднее исполнять свои обещания, чем нарушать их.

— Да свершится все по твоему мудрому слову, великий эмир! Тот день, когда я возвращусь к хану Тохтамышу и передам ему твой ответ, будет для него самым счастливым днем жизни.

— Пусть же наступит для него этот день скорее! Поезжай завтра, и да сопутствует тебе милость Аллаха.

Вечером хорезмийца Тахир Ибн-Османа сменил у постели Тимура другой лекарь, араб Мухаммед Бен-Якуб. Когда гурхан чувствовал себя хорошо, как сегодня, они оставались при нем по очереди.

Ибн-Осман помещался в шатре вместе со своим племянником и учеником Джаффаром. В этот день, после вечерней трапезы, он приказал слуге оседлать

---

[1]) Улусом Джучи называлась территория, которую при разделе империи Чингиз-хана получил его старший сын Джучи-хан, т. е. земли Золотой и Белой Орды.

лучшего коня и, убедившись в том, что никто не может его подслушать, тихо сказал Джаффару:

— Собирайся в путь, надо выехать сейчас же. Я здесь сказал, что посылаю тебя в Яссы, к моему ученому другу Хумар ад-Дину за лекарством, которое может исцелить гурхана. Ты знаешь, где найти Хумар ад-Дина. Покажи ему это кольцо и скажи: сегодня Тимур сговорился с послом Тохтамыша о том, чтобы отнять улус Джучи у эмира Идику и передать его Тохтамышу. Нужно известить об этом эмира эмиров, не теряя дня. Хумар ад-Дин знает, как это сделать. И, понизив голос до шепота, Ибн-Осман добавил: — скажи еще, пусть пресветлый эмир Идику знает: разрушитель Ургенча проживет недолго.

ГЛАВА 28

«Тохтамыш же, не зная того, что беды обступили его со всех сторон, пребывал в беспечности в своем шатре и очнулся только тогда, когда его начали язвить змеи копий и ехидны стрел, а львы смертей схватили его.»

Ибн-Арабшах.

Через несколько дней после отъезда Карач-мурзы, болезнь Тимура резко обострилась, и в ночь на девятнадцатое февраля он умер, передав верховную власть своему старшему внуку Пир-Магомету. Но другие родичи не пожелали этому подчиниться, и сразу вспыхнула смута. Против Пир-Магомета выступил второй внук Тимура, любимец войска Халил-Султан[1]).

Поход на Китай был отменен, и среди тимуридов началась кровавая борьба за власть, сопровождавшаяся быстрым развалом империи. В первый же год усобиц от нее отпали Индия и Багдадский халифат, а Хорезмом овладел эмир Эдигей. Многие области Средней Азии обособились под властью различных родственников Тимура и местных эмиров.

Только через пять лет победителем из междоусобных войн вышел сын Тимура, Шахрух который обос-

---

[1]) В 1407 году Халил-Султан окончательно разбил Пир-Магомета, который был убит в сражении. Но два года спустя Халил был побеждень своим дядей Шахрухом и попал к нему в плен.

новался в Герате, а Мавераннахр отдал своему сыну, Улуг-беку.

Государственная жизнь под властью тимуридов здесь продолжалась еще целое столетие, временами даже не без блеска. Но империя Тимура умерла вместе с ним, потому что среди его потомков вовсе не оказалось таких талантливых организаторов и полководцев, какими изобиловал род Чингиза.

* *
*

Известие о сговоре Тохтамыша с Тимуром эмир Эдигей получил в начале марта, но о смерти Тимура он еще ничего не знал, и потому полученная новость его встревожила, тем более, что всего за неделю до этого он снова потерпел от Тохтамыша, поражение, на этот раз гораздо более серьезное, чем предыдущее.

Осенью тут действовал его отряд численностью всего в три тумена под начальством темника Бузан-бека, которого Эдигей знал как храброго и опытного военачальника. Но когда этот отряд был разбит, а сам Бузан-бек попал в плен, эмир эмиров пришел в ярость и решил, что пора раз и навсегда покончить со врагом, который снова становился опасным.

Он прибыл на реку Тобол сам, во главе семи туменов отборной конницы. При его приближении Тохтамыш со своим войском, как обычно, скрылся в лесах, и где он находится, Эдигей точно не знал. Наконец, его разведчики обнаружили противника, который расположился станом на большой лесной поляне между Чингиз-Турой и Искером[1]).

По татарскому обычаю, Эдигей решил обойти его и напасть одновременно с двух сторон. Для этого, приблизившись к лагерю Тохтамыша с запада, он послал по два тумена в обход справа и слева, а с остальными

---

[1]) Искер — татарский город, стоявший в шестнадцати верстах от нынешнего Тобольска. Позже он стал столицей сибирских ханов.

тремя остался в засаде, возле дороги на Чингиз-Туру, не сомневаясь в том, что, уходя из окружения, его противник побежит именно сюда.

Но Тохтамыш, расставивший в лесу скрытые дозоры и внимательно следивший за всеми передвижениями Эдигея, его перехитрил: едва посланные эмиром обходные отряды отошли на значительное расстояние, он скрытыми лесными тропами быстро подошел к главным силам Эдигея и, напав врасплох, с разных сторон, жестоко разгромил их. Сам эмир эмиров едва спасся от плена, тумены его были частью истреблены, частью рассеялись по лесу. Несколько часов спустя, такая же участь постигла один из отрядов, посланных Эдигеем в обход: он был окружен и уничтожен почти полностью. Другой отряд, от встреченных в лесу беглецов узнав о случившемся, успел вовремя отступить.

Эдигею понадобилось несколько дней, чтобы собрать своих уцелевших бойцов. С ними он поспешно отошел на юг и остановился в степи, в двух переходах от Чингиз-Туры. Здесь его нашел гонец Хумар ад-Дина, присланный с новостями из ставки Тимура.

В полученном сообщении говорилось, что Железный Хромец обещал помочь Тохтамышу по возвращении из китайского похода, но Эдигея это не успокоило. Он вполне допускал, что Тимур просто хитрит, чтобы усыпить его бдительность.

«Войско его пока стоит возле Отрара, — думал эмир, — и только сам Хромой да Аллах знают, куда оно оттуда двинется. Может быть, он нарочно кричит о Китае, а пойдет прежде того сюда. Я бы на его месте так и сделал, чтобы не оставлять у себя за спиной врага, который отберет у меня Хорезм и Азербайджан, пока я буду воевать в далеком Китае.»

Эдигею было совершенно ясно одно: чтобы не оказаться между молотом и наковальней, нужно покончить с Тохтамышем сейчас же, пока не выступил Тимур. С теми силами, меньше четырех туменов, которые

у него теперь оставались, идти открыто на Чингиз-Туру, куда после своей победы возвратился Тохтамыш, было бы безумием, ибо противник имел войска гораздо больше. Но можно было рассчитывать на то, что Тохтамыш в ближайшее время не ожидает нового нападения и потому не будет особенно бдительным. Эдигей, как опытный воин, хорошо знал, что если ему удастся подойти незаметно и ночью напасть на город врасплох, все преимущества будут на его стороне, несмотря на неравенство сил. И он решил попытаться осуществить этот план.

Под видом купцов, он заслал в Чингиз-Туру несколько своих людей, приказав им высмотреть и разведать все, что могло облегчить ночной налет. Пять дней спустя, один из посланных возвратился и привез самые благоприятные известия: в стане Тохтамыша царила полная беспечность; тумены его были разбросаны по пастбищам вокруг Чингиз-Туры, за исключением одного, который нес в ней охранную службу. Но сам хан и его приближенные жили не в городе, а в трех верстах к северу от него, где на большой поляне стояли их шатры, под охраной всего трех сотен нукеров, ибо какое-либо нападение с этой стороны, минуя город, казалось совершенно невозможным. Поляну подковой охватывал лес, что чрезвычайно облегчало задачу Эдигея.

На следующий день, после полудня, он снялся со стоянки и, чтобы сбить с толку возможных наблюдателей Тохтамыша, двинулся на юг, по направлению к Сараю. Но едва смерклось, повернул обратно и, уклоняясь к востоку, шел быстро всю ночь, а перед рассветом спрятал свой отряд в подходящей для этого роще. Так, двигаясь ночами и отдыхая днем, он обошел Чингиз-Туру далеко с востока и на пятую ночь, никем не замеченный, со всех сторон окружил стойбище Тохтамыша.

Через полчаса все было кончено. Перерезать спавших нукеров не составило труда, сделано это было так быстро и тихо, что Тохтамыш проснулся только тогда,

когда воины Эдигея ворвались в его шатер. Хан вскочил с постели, но в ту же секунду снова упал на нее с разрубленной головой. Для верности его еще пронзили двумя или тремя копьями. Когда, несколько минут спустя, в шатер вошел эмир эмиров, ему было достаточно одного взгляда, чтобы убедиться в том, что враг его мертв.

Все приближенные хана были перебиты, шатры разграблены, и отряд Эдигея, обойдя стороной мирно спавшую Чингиз-Туру, к рассвету был уже далеко на пути в Сарай.

ГЛАВА 29

«Не возлагает Аллах на душу человека ничего, кроме возможного для нее».

Коран.

Карач-мурза прибыл в Чингиз-Туру в конце марта, через несколько дней после смерти Тохтамыша. Здесь он застал двух старших сыновей убитого хана, Джелал ад-Дина и Керима-Берди. Первый из них сидел на улусе в Искере и, оповещенный о случившемся, прискакал сюда два дня тому назад; второй в роковую ночь случайно заночевал в городе и потому избежал гибели. Оба они сейчас были совершенно растеряны и не знали, что предпринять, тем более что ни один не доверял другому.

Керим-Берди, хитрый и честолюбивый, в душе отнюдь не склонен был уступить Орду Эдигею, но он хотел бороться за престол для самого себя, а не для Джелал ад-Дина и потому уже обдумывал, как и когда ему выгоднее будет отделаться от старшего брата.

Джелал ад-Дин, отважный воин, но ограниченный человек, горел желанием продолжать борьбу, но сам был неспособен ее организовать, а потому он несказанно обрадовался приезду Карач-мурзы, ум и бескорыстие которого были ему известны с детства.

Радость его возросла стократ, когда Карач-мурза сообщил, что посольство его увенчалось полным успехом и что Тимур обещал им свою помощь.

— Если так, собаке Идику конец! — воскликнул

он. — Я объявлю себя великим ханом, и мы будем продолжать войну!

— Ты, наверно, плохо меня слушал, — промолвил Карач-мурза: — я сказал, что Тимур обещал выступить против Идику, когда возвратится из похода на Китай. А этот поход он рассчитал на два года. Если ты, не дождавшись его, начнешь воевать с Идику один, то конец тебе, а не Идику.

— Что же ты советуешь делать?

— Ждать Тимура. А пока сидеть тихо и накапливать силы.

— Хорошо, агай[1]), я сделаю так, как ты говоришь. Но ты не оставишь меня? Ты мне поможешь и дальше своими мудрыми советами, как помогал всегда моему отцу?

Карач-мурза ответил не сразу. Он уже устал от этой бурной кочевой жизни и беспрестанных походов, чувствовал, что силы его уходят, ему хотелось покоя. Служить Тохтамышу до конца он считал своим долгом, ибо с самой колыбели судьба их связала тесными узами. Но разве он должен служить еще и его сыновьям, которых тринадцать, и все они будут без конца воевать и добиваться престола?

Он уже хотел ответить отказом, но вспомнил, что Джелал ад-Дин был лучшим другом его убитого сына Рустема, вспомнил и то, что Тохтамыш любил его больше всех остальных своих детей. И, вздохнув, он промолвил:

— Я прожил шестьдесят три года и из них, наверно, половину провел в седле. Полученным ранам давно потерял счет. Я уже становлюсь стариком, Джелал. Но я останусь с тобой, пока Тимур не возвратится из Китая и не откроет тебе путь в Сарай-Берке.

— Да продлит Аллах твою славную жизнь еще на сто лет, агай! Клянусь тебе: когда я стану великим ханом, во всей Орде не будет человека более почитаемого, чем ты! И я сам буду чтить тебя, как отца.

---

[1]) Агай — дядя.

Джелал ад-Дин был доволен и мысленно уже видел себя на престоле великих ханов. Но его ожидал жестокий удар: через неделю пришло известие о смерти Тимура. А еще две недели спустя — другое: Эдигей стягивает войска к верховям реки Иргиз. Никаких иных врагов у него тут не было, и это с предельной ясностью говорило о том, что он намерен этим же летом двинуться в Зауралье и привести к повиновению непокорные ему улусы.

Теперь уже обоим царевичам приходилось думать не о престоле, а о спасении жизни. Последнее целиком относилось и к Карач-мурзе: он знал, что Эдигей не простит ему его преданности Тохтамышу, а также и оскорбления, полученного в ставке Тимура пятнадцать лет тому назад. И когда они собрались на последний совет, он сказал племянникам:

— Скоро Идику будет здесь полным хозяином, ибо нет никого, кто бы мог ему в этом помешать. Теперь во всей Орде не останется такого угла, где бы он нас не достал. Не знаю, что будет потом, но сейчас всем нам нужно бежать отсюда. Вы молоды и хотите продолжать борьбу, да поможет вам в этом Аллах! Но для того, чтобы победить Идику, вам надо найти нового могущественного покровителя, которому было бы выгодно сделать для вас то, что хотел сделать Тимур. Его сыновья и внуки вам не помогут потому, что теперь они будут долго воевать между собою. Но у Идику есть еще два сильных врага: московский князь Василий и литовский князь Витовт. И если не один, так другой из них может дать вам прибежище и помощь.

— Куда же нам лучше ехать? — уныло спросил Джелал ад-Дин: — в Москву или в Литву?

— Если бы вы искали спокойной жизни, я бы сказал: лучше в Москву. Но вы хотите воевать с Идику, — значит для вас лучше Литва: князь Витовт еще не отплатил Идику за свое поражение на Ворскле, и, может быть, он захочет сделать вас орудием своей мести. Завтра я еду в Карачель, а оттуда прямо в Литву. Князь Витовт давно звал меня к себе и обещал мне

улус, если я не смогу оставаться в Орде. Да свершится воля Аллаха! Если литовский князь не забыл своего обещания и примет меня хорошо, я там останусь. И я буду говорить с ним о вас, а потом пришлю к вам гонца. Но если Витовт сейчас не захочет вас принять или если войско Идику двинется сюда раньше, чем придут вести от меня, тогда бегите в Москву.

* * *

Три дня спустя Карач-мурза был уже в Карачеле. Тут все дремало в обычной ленивой тишине. Апрель уже приближался к концу, кругом победно зеленели степи, а в полые воды Миаса с берега засматривали плакучие ивы, охорашиваясь друг перед другом в своем первом весеннем наряде. Все сейчас казалось тут обновленным и юным, и только разбросанные по косогору незатейливые строения еще больше почернели и вросли в землю. Городок, построенный князем Василием Пантелеевичем, был ровесником Карач-мурзы, он тоже успел состариться.

Этот улус прочно закрепился за их родом: от князя Василия он перешел к Карач-мурзе, а последний, получив от Тохтамыша новые обширные владения, отдал его своему второму сыну, Юсуфу, который тут жил уже много лет. Хатедже и Абисан сейчас тоже находились здесь.

Юсуф, которому уже перевалило за сорок, был попрежнему могуч и невозмутим. Он не любил войну, в ханские усобицы не вмешивался, обзавелся большой семьей и сидел здесь крепко. Страстью его были лошади, он понимал в них толк, разводил их с любовью, и его племенные жеребцы славились во всей Орде.

Когда Карач-мурза, собрав всех членов семьи, кратко объяснил им значение последних событий и сказал, что едет в Литву, просить прибежища у князя Витовта, Юсуф по обыкновению молчал.

— Ну, а ты, — спросил Карач-мурза, — если литовский князь даст нам хороший улус, поедешь туда?

— Нет, отец, — ответил Юсуф, — я останусь. Мне здесь хорошо, и меня Идику не тронет, я не мешался в его дела. Зачем я поеду в чужую страну?

— Это страна твоих предков.

— Тут тоже страна моих предков. Здесь я родился, здесь для меня все свои, и я для всех свой. А там я буду чужим. Ты — другое дело, отец, тебе нельзя тут оставаться, ты поезжай, и да поможет тебе Аллах. А я останусь, — зачем нам терять хороший улус?

Карач-мурза не настаивал, он понимал сына, — это был уже настоящий татарин, хотя он и не пожелал поднять оружия против Руси, когда Тохтамыш шел на Москву.

Было решено, что Карач-мурза пока поедет один, взявши с собой только несколько нукеров и слуг, а потом, — если князь Витовт примет его хорошо, — к нему сейчас же приедут ханум Хатедже и Абисан.

***

Перед тем, как пуститься в путь, Карач-мурза обошел городок, мысленно прощаясь с ним навсегда. Шестьдесят два года тому назад, так же обходил его в последний раз князь Василий, но, простившись с творением рук своих, он никуда не уехал...

Сын медленно приблизился к заросшему травой кургану, под которым спал вечным сном отец. Был час вечернего намаза, опустившись на колени, Карач-мурза помолился истово, вкладывая в эту молитву всю неосознанную скорбь своей души, раздвоенной с детства, всю тоску приближающейся старости. И, окончив, подумал, что скоро он будет молиться по-другому... Но ведь Бог един, и до него доходят молитвы всех людей.

Поднявшись на ноги, Карач-мурза долго стоял, глядя почти бездумно на исполинский дубовый крест,

поставленный Никитой на могильном холме и еще пощаженный временем.

Он знал, что завтра покинет Орду навсегда и не задавал себе вопроса — больно ли ему покидать ее? — Так надо... И не потому, что здесь ему грозит опасность, — разве он когда-нибудь боялся опасностей? Нет, это было что-то другое и особенное, — словно какие-то забытые голоса ему говорили: «здесь оборвался путь твоего отца, но ты знаешь, куда он ехал, и теперь тебе нужно продолжить его путь!» — И этих голосов он не мог и не хотел ослушаться.

Став на колени, он поклонился могиле и поцеловал землю у ее подножья.

«Оставайся и спи спокойно, отец! Я вернусь туда, куда не суждено было вернуться тебе.»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Imprimerie P.I.U.F. - 3, rue du Sabot - Paris (6e)